

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ECONOMIC SCIENCES**

УДК 330.354

**АНАЛИЗ ПАРАМЕТРОВ И ФОРМ ВЗАИМОСВЯЗИ ВНЕШНЕГО ДОЛГА И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
ANALYSIS OF THE PARAMETERS AND FORMS OF INTERACTION OF
EXTERNAL DEBT AND ECONOMIC GROWTH**

А. М. Атаев, г. Ростов-на-Дону, ЮРИФ РАНХиГС

A.M. Ataev, Rostov-on-Don, URIF RANHGS

Arslan2202@yandex.ru

В статье проведен анализ параметров и форм воздействия внешнего долга на экономический рост. Отдельно рассчитаны параметры данного воздействия для стран Латинской Америки и постсоветских стран. В результате анализа не установлено наличие нелинейной формы взаимосвязи исследуемых переменных.

The article deals with parameters and form of the impact of external debt on economic growth. Separately calculated parameters of the impact in Latin America and the former Soviet countries. The analysis is not established the existence of a nonlinear form of the relationship variables studied.

Ключевые слова: экономический рост, внешний долг, линейная и нелинейная форма взаимосвязи

Key words: economic growth; external debt; linear and nonlinear influence of external debt on economic growth

Несбалансированная структура и чрезмерный объем внешнего долга является предпосылкой возникновения финансового кризиса, а также негативно влияет на динамику экономического развития. На сегодняшний день среди экономистов нет единой позиции относительно характера и направления воздействия внешнего долга на экономический рост, дискуссионным остается вопрос касательно пороговых значений долговой нагрузки. Преобладающей является точка зрения о нелинейном воздействии внешнего долга на экономический рост [2; 3]. В соответствии с ней низкий уровень долговой нагрузки оказывает положительное воздействие на динамику роста; при достижении определенного критического уровня, воздействие становится негативным, и может привести к возникновению долгового кризиса. Однако, результаты эмпирических исследований часто противоречат теоретическим концепциям (см. Таблица 1). Вместе с тем, необходимость формирования эффективной политики по управлению внешним долгом актуализирует проблему влияния внешней задолженности на экономический рост.

Таблица 1 Результаты современных исследований воздействия внешнего долга на экономический рост

Автор	Результаты исследования
Патильо К., Пойрсон Х., Риччи Л., 2002 г.	1) среднее влияние на динамику душевого ВВП становится отрицательным при уровне внешнего долга к ВВП 35-40% и к экспорту 160-170% 2) предельной воздействию внешнего долга на динамику ВВП становится отрицательным при уровне внешнего долга вдвое меньше указанного выше – 17-20% от ВВП и 80-85% от экспорта
Солдатова Е. И., 2007 г.	совокупное воздействие на динамику ВВП становится отрицательным при уровне внешнего долга 20-25% от ВВП; предельное воздействие – при уровне 10-13% от ВВП
Шиманович Г., 2008 г.	рост соотношения внешнего долга к ВВП на 1% снижает темпы прироста душевого ВВП на 0,06%
Рогофф К., Рейнхарт К., 2010 г.	при уровне внешнего долга 60% от ВВП темпы прироста ВВП снижаются на 2%, при превышении отметки 90% от ВВП – темпы прироста уменьшаются наполовину
Шаббир С., 2010 г.	рост отношения внешнего долга к ВВП на 10% приводит к снижению темпов прироста ВВП на 0,34%, инвестиций - примерно на 0,5%.
Шкларек А., Рамон-Баллестер Ф.	1) совокупный и государственный внешний долг отрицательно коррелируют с динамикой ВВП на душу населения 2) частный внешний долг не оказывает воздействия на динамику экономического роста
Патенио Дж., Тан-Круз А.	обслуживание внешнего долга не оказывает влияния на динамику экономического роста

Исходные посыпки. Настоящий анализ основан на неоклассической модели экономического роста с экзогенной составляющей – научно-техническим прогрессом (модель роста Р. Солоу):

$$Y = f(A; K; L) \quad (1),$$

где Y - ВВП,

A - научно-технический прогресс,

K - капитал,

L - труд.

Большинство современных моделей роста являются производными от модели Р. Солоу. Преимуществом данной модели является простота и достаточная надежность.

Согласно модели (1), экономический рост зависит от количества накопленного капитала, объема труда и НТП. Для упрощения анализа примем НТП как постоянную переменную. Тогда из модели следует, что изменение капитала – является основным каналом воздействия внешней задолженности на темпы прироста ВВП. Также из модели вытекает гипотеза о существовании критического объема внешней задолженности, при превышении которого темпы прироста экономики снижаются или остаются неизменными. Объясняется это действием закона снижения предельной эффективности капитала. Следовательно, при прочих равных условиях зависимость между внешней задолженностью и динамикой ВВП должна иметь нелинейный характер. К подобному выводу по итогам эмпирических исследований пришли К. Патильо и др [4].

Корреляционно-регрессионный анализ. Информационной базой для анализа послужили данные Всемирного Банка [7]. В качестве результативного признака определен логарифм ВВП (GDP), в качестве факторных – отношение валового внешнего долга к ВВП (ED/GDP), отношение валового внешнего долга к экспорту (ED/Exp), отношение платежей по обслуживанию внешнего долга к экспорту (DS/Exp), отношение процентных платежей по внешнему долгу к экспорту (Int/Exp). Для сопоставимости показателей абсолютные величины показателей пересчитаны по ППС с последующей корректировкой на индекс-дефлятор США. Это позволило устранить искажающее воздействие на результаты анализа инфляции и различий в уровнях цен в отдельных странах.

Исследуемая выборка состоит из 12 стран: 6 латиноамериканских и 6 стран с переходной экономикой. Для указанных групп расчеты произведены обособлено с целью выделения особенностей воздействия внешнего долга на экономический рост в этих странах. Период исследования для стран Латинской Америки составляет 30 лет – с 1980 по 2010 г., для постсоветских стран 15 лет – с 1995 по 2010 г.

Результаты корреляционного анализа показателей внешней задолженности и темпов прироста душевого ВВП представлены в таблице 2. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1) в странах Латинской Америки показатели внешнего долга отрицательно коррелируют с динамикой ВВП, в странах с переходной экономикой – положительно (за исключением России);

2) в постсоветских странах изменение ВВП в наибольшей степени определяется динамикой показателя «внешний долг/ВВП», в латиноамериканских странах – «внешний долг/экспорт» и «обслуживание внешнего долга/экспорт». Так, среднее значение показателей ED/Exp и Int/Exp в странах Латинской Америки составило соответственно -0,771 и -0,772; в Мексике, Бразилии и Чили достигало -0,8-0,9. В странах с переходной экономикой показатель ED/GDP в среднем составлял -0,61, в т.ч. в Белоруссии 0,73, в Казахстане и Литве превышал 0,84.

Таблица 2 Корреляция между ВВП и показателями внешнего долга

Бывшие советские страны						
Показатели	Белоруссия	Россия	Украина	Казахстан	Литва	Армения
ED/GDP	0,730	-0,610	0,588	0,836	0,870	-0,025
ED/Exp	0,615	-0,798	0,615	0,829	0,763	-0,044
DS/Exp	0,413	0,419	0,512	0,884	0,858	0,443
Int/Exp	-0,285	-0,477	0,454	0,635	0,047	0,178
Страны Латинской Америки						
Показатели	Аргентина	Бразилия	Чили	Колумбия	Мексика	Венесуэла
ED/GDP	-0,070	-0,597	-0,633	-0,472	-0,787	-0,786
ED/Exp	-0,765	-0,806	-0,802	-0,595	-0,936	-0,730
DS/Exp	-0,517	-0,184	-0,702	-0,246	-0,883	-0,751
Int/Exp	-0,673	-0,677	-0,814	-0,797	-0,879	-0,785

Отрицательную зависимость между внешнедолговыми показателями и экономическим ростом в латиноамериканских странах можно объяснить наличием ситуации долгового навеса с 1980 г. и примерно до конца 1990-х гг. Среднее значение за анализируемый период показателя «отношение внешнего долга к экспорту» в странах Латинской Америки в несколько раз превышало средний уровень постсоветских стран. К примеру, в Аргентине и Бразилии указанный показатель достигал 371 и 294% соответственно, в странах с переходной экономикой не превышал 155%. Относительный уровень процентных платежей по внешнему долгу в латиноамериканских странах также значительно превышал допустимые пределы. В Аргентине и Бразилии среднее значение данного показателя находилось на уровне 20-21% от экспорта, в то время как в постсоветских странах не превышал 5,5%.

Рассмотрим форму и параметры воздействия внешнего долга на экономический рост. В случае латиноамериканских стран в качестве независимой переменной используем показатель «внешний долг/экспорт», для стран с переходной экономикой – показатель «внешний долг/ВВП». Данный выбор обусловлен силой корреляции между ВВП и показателями внешнего долга. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3 Параметры воздействия внешнего долга на экономический рост

Бывшие советские страны						
Показатели	Белоруссия	Россия	Украина	Казахстан	Литва	Армения
Величина воздействия	2,60	-0,82	0,66	1,10	1,06	0,20
t-статистика	3,52	-2,89	2,80	6,89	6,94	0,26
Коэффициент детерминации	0,47	0,37	0,36	0,77	0,78	0,05

F-фактическое	12,37	8,36	7,83	47,52	48,13	0,07
F-теоретическое	4,60					
Страны Латинской Америки						
Показатели	Аргентина	Бразилия	Чили	Колумбия	Мексика	Венесуэла
Величина воздействия	-0,14	-0,19	-0,39	-0,35	-0,25	-0,23
t-статистика	-6,40	-6,52	-8,77	-3,46	-16,61	-5,64
Коэффициент детерминации	0,58	0,59	0,73	0,29	0,90	0,52
F-фактическое	40,94	42,46	76,83	11,98	275,92	31,79
F-теоретическое	4,18					

Из таблицы видно, что вариация результативного признака наиболее сильно обусловлена динамикой факторного в таких странах как Казахстан, Литва и во всех латиноамериканских странах за исключением Колумбии. Параметрами воздействия в России, Беларуси, Украине, Армении и Колумбии следует пренебречь вследствие низкого значения коэффициента детерминации. Форма воздействия внешнедолговых показателей на экономический рост во всех рассматриваемых странах наиболее близка к линейной модели. Рост показателя «внешний долг/ВВП» на 1% приводит к увеличению ВВП в среднем на 1,1% - в Казахстане и на 1,06% - в Литве (см. Рисунок 1). Средняя величина воздействия в указанных странах составляет 1,08%.

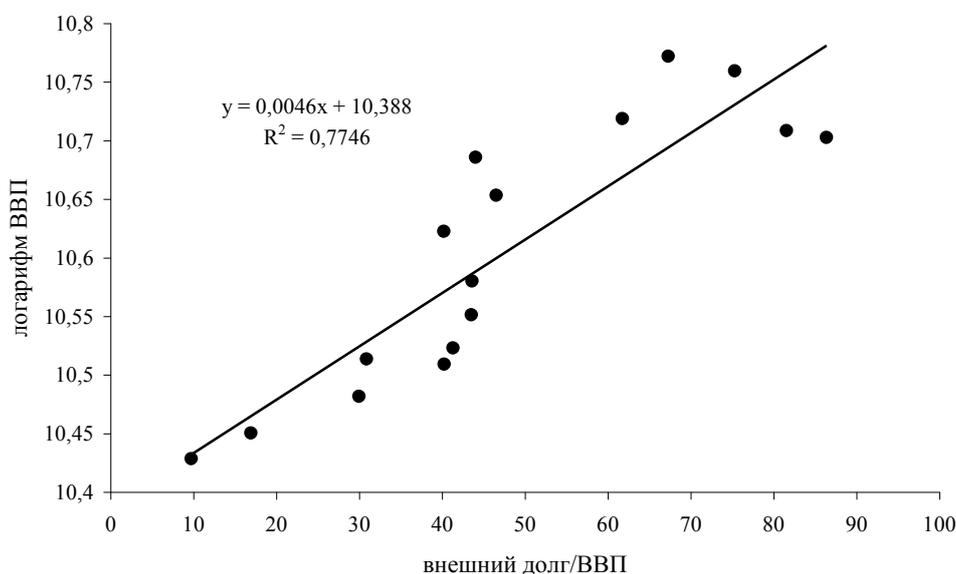

Рисунок 1. Воздействие внешнего долга на экономический рост в Литве

Рост показателя «внешний долг/экспорт» на 1% приводит к уменьшению ВВП в среднем на 0,14% в Аргентине, на 0,39% - в Чили, на 0,19-0,25% в Бразилии, Венесуэле и

Мексике (см. Рисунок 2). Средняя величина воздействия по 5 латиноамериканским странам составляет -0,24%.

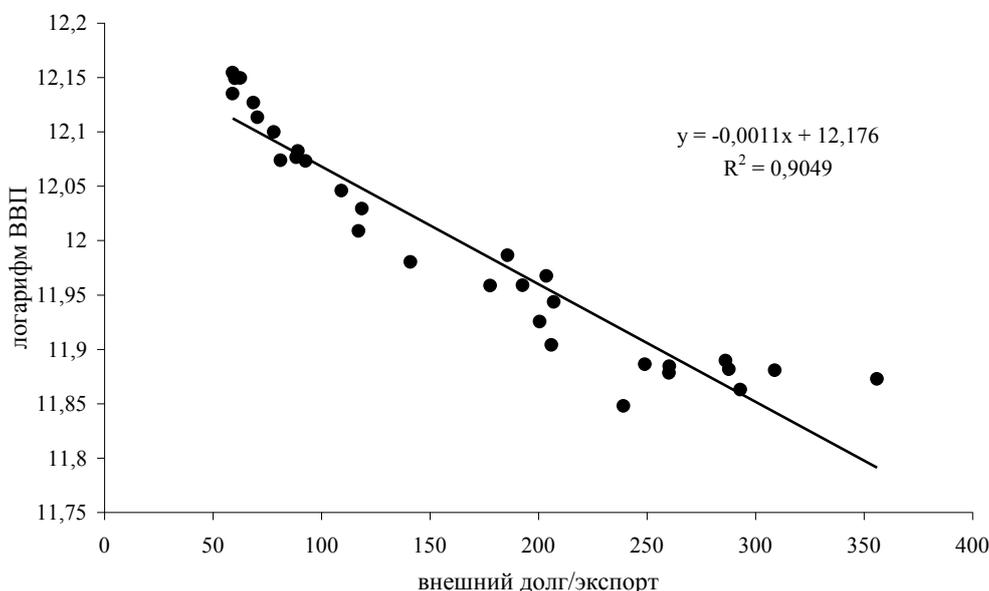

Рисунок 2. Воздействие внешнего долга на экономический рост в Мексике

Выявленные особенности взаимодействия внешнего долга и экономического роста противоречат полученным другими авторами результатам. Так, рассчитанные параметры воздействия внешнего долга на динамику роста существенно отличаются от полученных ранее. В случае латиноамериканских стран рост показателя «внешний долг/экспорт» на 1% приводит к сокращению ВВП на 0,24%, в постсоветских странах увеличение показателя «внешний долг/ВВП» на 1% способствует росту экономики в среднем на 1,08%. Для сравнения, по расчетам Г. Шимановича [1], увеличение показателя «внешний долг/ВВП» на 1% снижает темпы прироста ВВП на 0,06%, по подсчетам С. Шаббира – на 0,03% [5]. К. Рогофф и К. Рейнхарт установили снижение ВВП на 2% при достижении уровня внешнего долга 60% от ВВП [6]. Разнообразие полученных результатов свидетельствует о неодинаковом характере взаимодействия внешнего долга и экономического роста в отдельной стране.

Также установлено, что для стран с высокой долговой нагрузкой широко используемый показатель «отношение внешнего долга к ВВП» малопригоден при проведении аналитических расчетов. В указанных странах динамика производства в значительной степени определяется вариацией показателя «отношение внешнего долга к экспорту». Напротив, в странах с переходной экономикой показатель «внешний долг/ВВП» в большей степени по сравнению с другими долговыми показателями определяет динамику ВВП.

В нашем анализе не нашла подтверждения гипотеза о нелинейном характере воздействия внешнего долга на динамику ВВП. Соответственно, существование критического объема внешнедолговой нагрузки на экономику, по достижении которого

наблюдается снижение темпов прироста ВВП, является спорным. Отсутствие нелинейности в проведенных расчетах можно объяснить двунаправленной зависимостью между внешним долгом и экономическим ростом. Это означает, что динамика экономического роста может выступать в качестве независимой переменной, а объем внешнего долга – в качестве зависимой. В постсоветских странах экономический рост в исследуемый период способствовал увеличению доходов, что позволило расширить объём привлекаемых внешних ресурсов. Глубокий спад производства в 80-х гг. XX в. в странах Латинской Америки уменьшал генерируемые экономикой доходы, что делало необходимым привлечение новых займов для рефинансирования внешней задолженности и увеличивало относительный уровень долговой нагрузки на экономику. Следовательно, отрицательная взаимосвязь внешнего долга и роста экономики имеет место в ситуации чрезмерной долговой нагрузки на экономику, положительная – в случае умеренной долговой нагрузки.

Таким образом, проведенный анализ привел к следующим результатам:

- рост показателя «внешний долг/ВВП» на 1% в странах с переходной экономикой приводит к увеличению ВВП в среднем на 1,08%; рост показателя «внешний долг/экспорт» на 1% в латиноамериканских странах приводит к сокращению ВВП в среднем на 0,24%;
- динамика производства в странах Латинской Америки в значительной степени определяется вариацией показателя «внешний долг/экспорт»; в странах с переходной экономикой показатель «внешний долг/ВВП» в большей степени по сравнению с другими долговыми показателями определяет динамику ВВП;
- в процессе анализа не нашла подтверждения широко распространенная гипотеза о нелинейном воздействии внешнего долга на экономический рост, что свидетельствует об отсутствии критических уровней долговой нагрузки;
- отсутствие нелинейной связи можно объяснить гипотезой о двунаправленной зависимости внешнего долга и экономического роста, в соответствии с которой объем внешнего долга является функцией от динамики роста.

Литература

1. Шиманович Г. Внешний долг Беларуси: опыт постсоциалистических стран // Рабочий материал Исследовательского центра ИПМ, Минск, 2008.
2. Reinhart C., Rogoff K. Growth in a time of debt // Working Paper 15639. National Bureau of economic research, January 2010;
3. Pattillo C., Poirson H., Ricci L. External Debt and Growth // IMF Working Paper. International Monetary Fund, January 2002.
4. Pattillo C., Poirson H., Ricci L. What Are the Channels Through Which External Debt Affects Growth? // IMF Working Paper, International Monetary Fund, January 2004.

5. Safia Shabbir, «Does External Debt Affect Economic Growth: Evidence from Developing Countries», [Электронный ресурс]: http://aysps.gsu.edu/ECON_MA_ShabbirS.pdf, (дата обращения 01.11.2011).

6. Reinhart C., Rogoff K. Growth in a time of debt // Working Paper 15639. National Bureau of economic research, January 2010.

7. База данных Всемирного Банка [электронный ресурс]: <http://databank.worldbank.org/ddp/home.do> (дата обращения 26.03.2012).

УДК 334.73 (470+571)

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ
КООПЕРАТИВНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ
ECONOMIC ESSENCE
COOPERATIVE FORMS OF MANAGING**

*М.Н. Евглевская, г. Ставрополь, ассистент кафедры экономики Ставропольского
института кооперации (филиала) АНО ВПО БУКЭП*

*M.N. Evglevskaya, Stavropol, assistant to chair of economy Stavropol institute of cooperation
(the branch) Belgorod university of cooperation, economics and law*

E-mail: evglevskaya_21@mail.ru

В статье рассматривается экономическая сущность кооперативных форм хозяйствования, функции организационных форм кооперативных хозяйствования и их особенности.

In article the economic essence of cooperative forms of managing, function of organizational forms cooperative managing and their feature is considered.

Ключевые слова: потребительская кооперация, форма хозяйствования, потребительское общество, кооператив, пайщик.

Key words: consumer cooperation, managing form, consumer society, cooperative, shareholder.

По определению, хозяйственный механизм представляет собой совокупность форм, методов и инструментов хозяйствования, используемых для организации и регулирования общественного производства и достижения высоких конечных результатов. Такое определение его сущности и целевой направленности вытекает из положений, что: "Ускорение социально-экономического развития страны требует постоянного совершенствования руководства хозяйством, надежного и эффективного функционирования хозяйственного механизма, включающего в себя разнообразные, гибкие формы и методы хозяйствования, добиваться их соответствия меняющимся условиям экономического развития и характеру решаемых задач"[2].

На всех этапах развития человеческого общества из него всегда выделялись отдельные сообщества людей, которые организовывали свои, автономные и независимые потребительские хозяйства. Нужно отметить, что все многообразие причин выделения отдельных независимых потребительских хозяйств сводится к рассогласованию целей какой-то группы людей с целями всего общества, то есть к возникновению групповых специфичных потребностей. Особенностью существования таких отдельных объединений людей являлось то, что они вынуждены были защищать своё объединение от общества, из которого оно выделилось, поскольку предпринимательская активность людей в таких

объединениях был значительно выше, чем в целом в обществе. Сравнительная малочисленность и экономическая слабость отдельных объединений вынуждала их применять в своей деятельности усовершенствованные и во многом отличные от других методы хозяйствования, таких как кооперация. Так как уровень развития техники и технологии того времени был примерно одинаков для всех, то основные усовершенствования хозяйственной деятельности касались её организации: управления, участия членов в формировании паевого фонда, распределения доходов и т.п. Целесообразность изменений в хозяйствовании проверялась на практике: потребительские хозяйства или подтверждали эффективность внесённых изменений (и тогда это хозяйство продолжало развиваться) или доказывало их несостоятельность (в этом случае хозяйство распадалось). Для дальнейшего анализа причин возникновения кооперативов нужно понять, что кооперативные принципы не появились из ничего, они обоснованы многовековым опытом, использование которого лежит в основе функционирования кооперативов и сегодня. В 19 веке происходит коренное и принципиальное изменение форм хозяйствования: развиваются предпринимательские частные предприятия и акционерные общества, которые, как более прогрессивные формы, повсеместно заменяют потребительские формы хозяйствования. Этот период во многом похож на современный период развития российского общества: трансформируется система социальных и экономических отношений, происходит резкое расслоение общества не по социальным, а по экономическим признакам. Усовершенствование технологий и возросшая на предпринимательских производствах производительность труда нарушает установившееся социальное и экономическое равновесие: возрастает безработица, резко снижается уровень жизни у групп людей, по тем или иным причинам не приспособившихся к произошедшим переменам. Невозможность удовлетворения своих (в первую очередь экономических и социальных) потребностей в условиях исторически сложившегося капиталистического общества вынуждает людей обратиться к проверенному веками способу выживания: созданию потребительских обществ - кооперативов, противостоящих предпринимательским хозяйствам. Новый всплеск выделения потребительских хозяйств из господствующей капиталистической экономической системы происходил на качественно ином уровне, который определил отличия кооперативов от ранее существовавших самостоятельных потребительских хозяйств: социальной базой кооперативов является подавляющая часть общества, а не отдельные группы людей; изменяются приоритеты целей и методов их достижения. Кооперативные формы хозяйствования в мире выступают как полноправные субъекты рыночной экономики и являются одним из факторов экономического роста государств, отличаются высоким уровнем демократичности, автономией на местном и интеграцией на международном уровнях.

Преобладание той или иной формы кооперации (потребительской, производственной, кредитной и др.) в отдельной экономической системе обусловлено уровнем её развития, особенностями социальной структуры населения и национальных традиций страны.

Наиболее распространенной формой кооперации в России многие десятилетия была потребительская кооперация. Потребительская кооперация представляла собой некоммерческую многоотраслевую структуру, основанную на общей долевой собственности, предпринимательская деятельность которой осуществлялась во благо интересов ее членов – пайщиков.

Кооператив – это автономная ассоциация лиц, добровольно объединившихся с целью удовлетворения своих экономических, социальных и культурных потребностей посредством совместно владеемого и демократически управляемого предприятия. Это определение выражает социально-экономическую сущность кооператива, и его необходимо применять при разработке кооперативного законодательства.

Потребительское общество – это наиболее совершенная кооперативная форма, где могут быть осуществлены все кооперативные принципы. Его организация отличается целым рядом характерных черт. Потребительское общество – это независимое предприятие неограниченного числа лиц, стремящееся посредством общего ведения хозяйства доставлять своим членам доброкачественные предметы потребления по справедливым ценам, причем доход с предприятия распределялся между членами пропорционально доле их участия.

Отличительная черта кооперативных форм хозяйствования - их четко выраженная социальная направленность: создание кооперативов увеличивает занятость населения, повышает уровень его жизни. При этом кооперативы выступают формой удовлетворения социально-экономических и культурных потребностей человека, которые он не может реализовать в полном объеме, располагая определенным уровнем дохода. Отсюда вытекает объективная необходимость в функционировании кооперативов. Изменения в государственном устройстве социально-экономической жизни российского общества в 90-е годы 20 века значительно отразилось и на кооперации

Современное российское законодательство [1] характеризует потребительскую кооперацию как систему потребительских обществ и их союзов, созданных в целях удовлетворения материальных и иных потребностей их членов, и определяет следующие возможные организационные формы:

- сельскохозяйственные производственные кооперативы, занимающиеся закупкой, переработкой и сбытом сельхозпродукции;

- специализированные потребительские кооперативы, которые для своих участников строят дома, гаражи, подсобные хозяйства, капитальное строительство, предоставляют кредиты, оказывают бытовые, консультационные, сельскохозяйственные и прочие услуги;

- потребительские общества, осуществляющие торговую, заготовительную, производственную и другую деятельность, в том числе и общественное питание;

- союзы потребительских обществ (областной, республиканский, краевой союзы, Центросоюз);

- хозяйственные общества, товарищества на вере, медицинские, образовательные и иные учреждения, а также потребительские общества, которые сами могут быть участниками хозяйственных обществ, кооперативов, вкладчиками товарищества на вере.

Системный характер потребительской кооперации дает основание выделить ее основные свойства, которые составляют содержание хозяйственной и социальной функций организационных форм потребительской кооперации в сфере услуг. На сегодняшний день таковыми являются самоорганизация, системность, адаптация, цикличность и локализованность (рисунок 1).

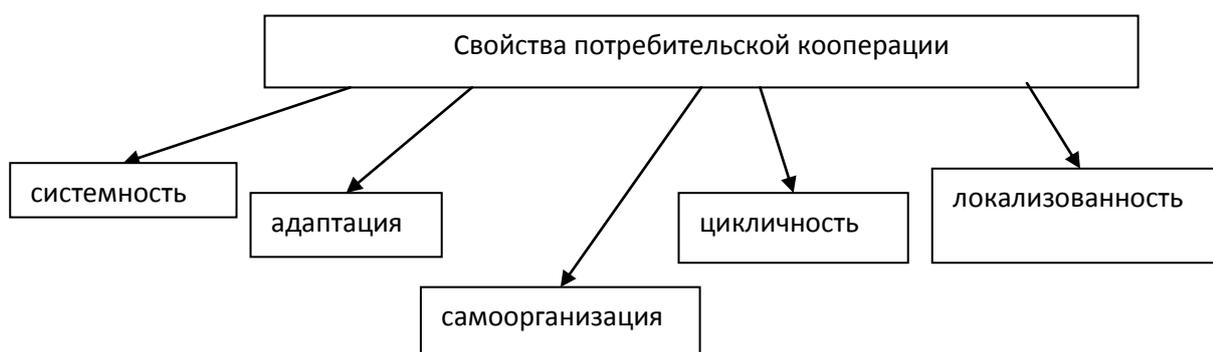

Рисунок 1 – Основные свойства организационных форм потребительской кооперации

Свойство самоорганизации - это главный способ образования кооперативных формирований любого вида. В основе самоорганизации лежит собственная инициатива и собственные средства людей, которые они добровольно объединяют между собой, чтобы решать свои насущные проблемы. Именно самоорганизация позволяет мобилизовать и включить в хозяйственный оборот неиспользуемые ресурсы на территориальном, региональном и национальном уровне для скорейшего решения экономических и социальных задач пайщиков и некооперативного населения. О том, что потребительская кооперация начинается с самоорганизации, еще в 20-х годах XX века отмечал видный теоретик и практик российской кооперации А.В. Чаянов [2]. Он говорил, что «основными требованиями к работе кооперативных объединений является и необходимая самодеятельность масс, и гибкость организации их работы, и способность быстрой приспособляемости и исключительная чуткость».

Свойство системности потребительской кооперации предусматривает, что ее организационные формы (потребительские общества, их союзы) связаны друг с другом определенным образом, в первую очередь, за счет сохранения вертикальных уровней власти и управления, каналов коммуникаций и механизма принятия решений, что дает возможность проанализировать работу различных элементов структуры потребительской кооперации, к примеру, в отношении производства товаров и оказания услуг, совокупной рабочей силы, реализации единой стратегии развития и т.д.

Свойство адаптации организационных форм потребительской кооперации отражает основные тенденции в развитии кооперации, обеспечивающие ее устойчивое функционирование при определенном взаимодействии внутренних и внешних условий существования. При этом ключевое значение здесь имеет исследование механизма ее адаптации к различным условиям экономической деятельности. Он заключен, во-первых, в различных организационных формах, по-разному реагирующих на рыночную ситуацию. Вопрос о выборе организационных форм кооперативных хозяйств возникал всякий раз, когда менялась социально-политическая среда, в которой они существуют. Например, в период командно-административной экономики потребительская кооперация закупала сельскохозяйственную продукцию по договорным ценам; в настоящее время обращают на себя внимание такие направления как диверсификация кооперативного производства и восстановление забытых форм доставки товаров до потребителей в виде передвижных лавок, развитие заготовительной деятельности, производство товаров, преимущественно из местного сырья. Во-вторых, механизм адаптации представляет собой своего рода «защитный процесс», который способен, не изменяя своим принципам, ассимилировать рациональные структуры и элементы других организационных форм рыночного хозяйства, к примеру, агрохолдингов и иных интегрированных формирований. В-третьих, выживанию и надежности организационных форм потребительской кооперации может способствовать самостоятельность и творчество кооператоров, постоянный поиск новых решений [3].

Свойство цикличности означает то, что система потребительской кооперации представляет собой в целом замкнутый торгово-промышленный цикл. Этот цикл обеспечивает кругооборот товарных и информационных потоков в пределах одного регионального образования. Он включает в себя: заготовку – переработку – сбыт; производство – переработку – доведение до потребителя (рисунок 2).

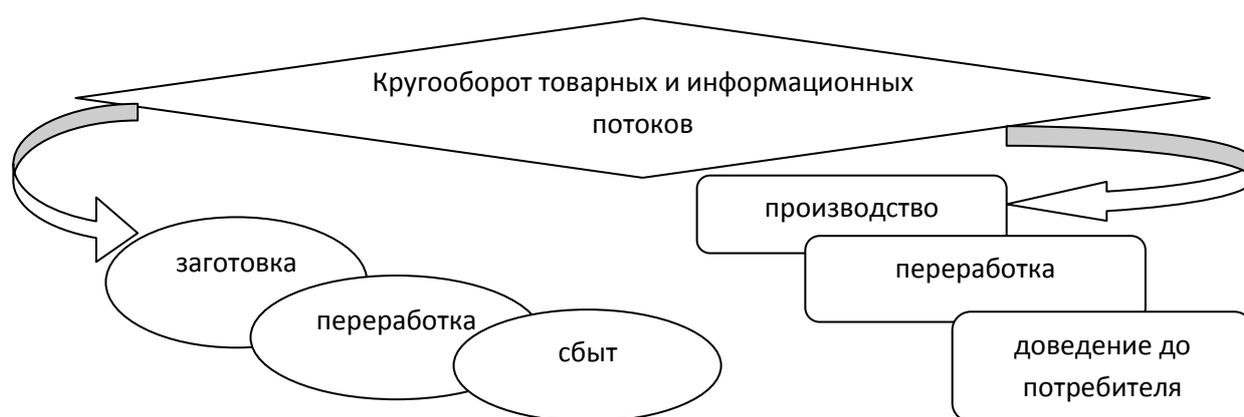

Рисунок 2 – Схема кругооборота товарных и информационных потоков в пределах одного регионального образования потребительской кооперации

То есть в него входят и предприятия сельского хозяйства, производящие или перерабатывающие сельхозпродукцию, и торговые предприятия, и обслуживающие организации, и научно-образовательные учреждения.

Сущность свойства локализации состоит в том, что потребительской кооперации в настоящее время принадлежит преимущественная роль локального центра в обслуживании населения на селе. Потому что, во-первых, кооперативные формы хозяйствования напрямую приближены к месту их потребления, поскольку главная цель потребительской кооперации - предоставление социальных услуг как пайщикам, так и некооперативному населению. Это обстоятельство способствует разрешению экономических, социальных и иных проблем как потребителей, так и производителей. Во-вторых, в отличие от рынка потребительских товаров, рынок услуг, оказываемых потребкооперацией, характеризуется тем, что он имеет четкие территориальные границы реализации в пределах конкретного населенного пункта. А это также позволяет структурам потребительской кооперации конкретизировать цели и задачи развития ее торгово-промышленного цикла, приближает его к непосредственному потребителю на определенной территории и выявляет социально-экономические особенности и возможности региона [4].

Таким образом, активизация деятельности российской потребительской кооперации на современном этапе связана, с одной стороны, с началом процесса возрождения традиций кооперативного хозяйствования с учетом современных экономических реалий, а с другой, с новыми возможностями реализации потенциала организационных форм потребительской кооперации по развитию сферы услуг в рыночных условиях.

Значимость кооперативных форм хозяйствования в той или иной сфере деятельности определяет степень лояльности к ним со стороны государства. Следовательно, структурирование кооперативных форм имеет как теоретическое, так и практическое значение. Классификация кооперативов необходима не только для объективного, научного понимания социально-экономической сущности и природы кооперативных организаций, из взаимосвязей и взаимосвязанностей, но и для регулирования в законодательном порядке их деятельности.

Востребованность того или иного типа кооперативов на различных этапах развития общества определяется уровнем его социально-экономического развития. Устойчивое экономическое развитие способствует распространению кооперативных форм хозяйствования, основной функцией которых является снижение транзакционных издержек производителей, повышение дохода, то есть коммерческих. Резкая дифференциация доходов населения обуславливает необходимость функционирования потребительских кооперативов, облегчающих условия жизнедеятельности его членов.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. О потребительской кооперации (потребительских общества, их союзах) в РФ [Электронный ресурс]: федер. закон от 19 июня 1992 г. N 3085-1 ФЗ // Гарант. – Режим доступа: <http://garantsoft.ru/poisk> (10.05.2012).
2. Вахитов, К. И. Кооперация. Теория, история и практика: избранные изречения, факты, материалы, комментарии / К. И. Вахитов. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашко и Ко», 2006. – 560 с.
3. Кочкарова, З. Р. Теория и история потребительской кооперации: учебно-методическое пособие / З. Р. Кочкарова. - СКИ БУПК, Ставрополь, 2005. – 164 с.
4. Концепция развития потребительской кооперации до 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus.coop/> (10.05.2012).

УДК 339:658.14/17

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ**
ECONOMIC ANALYSIS AND THE EFFICIENCY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

Каракчиева Л.О. КарГТУ (Караганда, Казахстан)
Karakchieva L.O. KarGTU (Karaganda, Kazakhstan)
e-mail: bludo@inbox.ru

В статье рассмотрены современные методы экономического анализа и дана их краткая характеристика.

The article deals with modern methods of economic analysis and gives a brief description of that.

Ключевые слова: Управленческий анализ, финансовый анализ, финансовая отчетность, методы анализа

Key words: Management analysis, financial analysis, financial reporting, analysis methods

Как известно, основу любой науки составляют ее предмет и метод. В специальной литературе встречаются определения предмета и метода финансового анализа. Так, В.В. Ковалев считает, что предметом финансового анализа являются финансовые ресурсы и их потоки, а методом его – система теоретико-познавательных категорий, научного инструментария и регулятивных принципов исследования финансовой деятельности субъектов хозяйствования. [2]

Мы считаем, что под методом финансового анализа следует понимать совокупность способов и приемов, с помощью которых исследуется его предмет – финансово-хозяйственная деятельность предприятия. [3]

В условиях рыночной экономики единый анализ хозяйственной деятельности делится на управленческий и финансовый, как это видно на рисунке 1.

Рисунок 1 – Виды анализа хозяйственной деятельности

Такое деление обусловлено действием Закона об охране коммерческой тайны и в связи с этим сложившимся на практике разделением системы бухгалтерского учета в масштабе предприятия на управленческий и финансовый учет, а отчетности – на управленческую и финансовую.

Управленческая отчетность составляется на базе управленческого учета. Ее данные доступны лишь ограниченному кругу лиц, руководящих деятельностью предприятия. Финансовая отчетность – это отчетность, публикуемая в специальных справочниках, финансовых газетах бюллетенях для ознакомления акционеров, широкой общественности, банков, страховых компаний и правительственных органов с положением дел на предприятии, с его финансовым состоянием и результатами хозяйственной деятельности за отчетный период. При этом в отчете нередко публикуются данные за ряд смежных лет, что позволяет видеть картину хозяйственной деятельности в динамике, выявлять тенденции ее развития и в известной степени прогнозировать ее на предстоящие периоды.

Финансовая отчетность составляется на базе финансового учета.

Управленческий анализ может быть только внутренним. Он условно подразделяется на производственный и финансовый анализ и использует весь комплекс экономической информации, носит оперативный характер и полностью подчинен руководству предприятия. Только такой анализ имеет возможность реально оценить состояние дел на предприятии, исследовать структуру себестоимости не только всей выпущенной и реализованной продукции, но и себестоимости отдельных ее видов, состав коммерческих и управленческих расходов, позволяет с особой тщательностью изучить характер ответственности должностных лиц за соблюдение разделов бизнес-плана.

Данные управленческого анализа играют решающую роль в разработке важнейших вопросов конкурентной политики предприятия, используются управляющими для совершенствования технологии и организации производства, для создания механизма достижения максимального дохода.

По этим причинам результаты управленческого анализа огласке не подлежат, т.е. относятся к сведениям, являющимся коммерческой тайной.

При проведении управленческого анализа осуществляется не только производственный анализ, базирующийся на данных управленческого учета, но и финансовый анализ по данным бухгалтерского учета и отчетности. Финансовый анализ, проводимый внутри хозяйствующего субъекта, может использовать в качестве источника любую информацию, циркулирующую внутри предприятия, например данные о технической подготовке производства, нормативную и плановую информацию, данные управленческого учета. Внутренний финансовый анализ более глубоко исследует причины сложившегося финансового положения, эффективность использования активов предприятия, взаимосвязь показателей объема, себестоимости и дохода. При проведении управленческого анализа практически осуществляются комплексный экономический анализ и оценка эффективности всей многогранной деятельности хозяйствующего субъекта.

Из вышеизложенного следует, что управленческий анализ осуществляется только для нужд самого предприятия. Его особенностями являются:

- ориентация результатов анализа на свое руководство;
- использование всех источников информации для анализа;
- отсутствие регламентации анализа со стороны;
- комплексность анализа, изучение всех сторон деятельности предприятия;
- интеграция учета, анализа, планирования и принятия решения;
 - максимальная закрытость результатов анализа в целях сохранения коммерческой тайны.

Финансовый анализ может быть как внутренним, о чем было сказано выше, так и внешним. Внешний анализ осуществляется на основе данных публичной финансовой отчетности и проводится в основном за пределами предприятия его заинтересованными контрагентами, собственниками или государственными органами. Поэтому его называют внешним финансовым анализом. К выполнению его привлекаются специалисты-аналитики, являющиеся посторонними лицами для предприятия и потому не имеющие доступа к внутренней информационной базе предприятия. В связи с тем, что публичная отчетность содержит лишь весьма ограниченную часть информации, внешний (финансовый) анализ не позволяет раскрыть всех секретов предприятия.

Более обобщенно сравнительная характеристика финансового и управленческого анализа представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика видов анализа

Область сравнения	Финансовый анализ	Управленческий анализ
Пользователи информации	Внутренние, сторонние, заинтересованные	Руководители предприятия и его подразделений
Объекты анализа	Предприятие как единое целое	Предприятие как целое и его различные сегменты
Источники информации	Финансовая отчетность	Комплекс экономической информации
Единицы измерения для расчета показателей	Денежная форма	Любые направления и денежные единицы
Периодичность анализа	Составление отчетности (год, квартал)	По мере необходимости и для внутренних регламентаций
Доступность результатов информации	Доступна для всех	Строго конфиденциальна (коммерческая тайна)

Финансовый анализ по данным финансовой отчетности называют классическим способом анализа.

Главной его целью является глубокое, тщательное и комплексное исследование финансово-хозяйственной деятельности предприятия и на этой основе получение ответа

на вопрос, какова эффективность ее, каковы важнейшие пути оздоровления и укрепления финансовой устойчивости предприятия, повышения его деловой активности.

Основными задачами финансового анализа предприятия, работающего в условиях рыночной экономики, являются:

- общая оценка финансового положения предприятия и его изменения за отчетный период;
- оценка состава и структуры активов, их состояния и движения;
- оценка состава и структуры собственного капитала и обязательств, их состояния и движения;
- анализ показателей финансовой устойчивости предприятия и оценка изменения их уровня;
- анализ платежеспособности предприятия и ликвидности баланса;
- анализ абсолютных и относительных показателей доходности предприятия;
- анализ деловой активности и эффективности финансово-хозяйственной деятельности предприятия;
- краткосрочное прогнозирование рыночной устойчивости предприятия и разработка его финансовой стратегии.

Из этих задач видно, что финансовый анализ играет огромную роль в исследовании деятельности хозяйствующего субъекта, что он является существенным элементом финансового менеджмента. Практически все пользователи финансовых отчетов предприятий используют его для принятия решений по оптимизации своих интересов.

Собственники анализируют финансовые отчеты для повышения доходности капитала, обеспечения стабильности положения фирмы. Кредиторы и инвесторы – чтобы минимизировать свои риски по займам и вкладам. Можно твердо говорить, что качество принимаемых решений целиком зависит от качества аналитического обоснования решения. В зависимости от поставленной задачи финансовый анализ может быть использован по-разному. Вот как пишет об этом известный американский специалист в области финансового анализа Л.А. Бернстайн: «Он может быть использован в качестве инструмента предварительной проверки при выборе направления инвестирования или возможных вариантов слияния предприятий. Он также может выступать как инструмент прогнозирования будущих финансовых условий и результатов. Финансовый анализ применим и для выявления проблем управления производственной деятельностью. Он может служить для оценки деятельности руководства компании. А главное, финансовый анализ позволяет в меньшей степени полагаться на догадки, предчувствия и интуицию, уменьшить неизбежную неопределенность, которая присутствует в любом процессе принятия решения. Финансовый анализ не устраняет потребности в деловом чутье, но создает прочную и систематичную основу для его рационального применения.

Конечная цель любой предпринимательской деятельности заключается в получении дохода. Поэтому администрация хозяйствующего субъекта, опираясь на результаты финансового анализа, должна принять научно обоснованные, правильные и

оптимальные управленческие и финансовые решения, исполнение которых на практике обеспечивало бы достижение этой цели. Все принимаемые решения могут быть сведены к трем основным направлениям:

- решения по вложению ресурсов;
- операции, проводимые с помощью этих ресурсов;
- определение структуры финансового бизнеса.

«Своевременное и качественное обеспечение этих направлений финансовых решений, – пишет А.Д. Шерemet, – является сущностью финансового анализа, рассматриваемого как единое целое, независимо от того, проводится он в форме внешнего или внутреннего финансового анализа».

Как уже отмечалось, конечным продуктом работы аудитора является документ, выражающий его мнение о правильности представляемой предприятием финансовой отчетности, которая отражает финансовые условия и результаты деятельности последнего. Одна из главных целей аудита поэтому состоит в получении как можно более высокой степени уверенности в отсутствии ошибок и отступлений от правил (преднамеренного или иного характера), которые в случае обнаружения могут существенно повлиять на достоверность представляемых предприятием финансовых сведений. [2]

Установив достоверность элементов и показателей финансовой отчетности, правильность расчетов с бюджетом и внебюджетными фондами, можно было бы закончить аудиторскую проверку финансовой отчетности. Однако на этом работа аудитора не завершается: он должен заглянуть глубже в дела проверяемого предприятия, определить его финансовые прорывы, «недомогания и болезни» и назначить «подобающее лечение». «Аудитор, если он по-настоящему заинтересован в продолжении деловых контактов с клиентом, обязан провести анализ финансового положения предприятия и выработать соответствующие рекомендации», – пишет С.А. Стуков. Другими словами, заключительным и решающим этапом аудита предприятия, на котором базируется составление аудиторского заключения, является проверка финансового положения предприятия с целью установления недостатков и их причин, выработки конкретных рекомендаций по его стабилизации и улучшению. [1]

«Конечной целью аудита, – пишет М.И. Баканов, – является анализ финансового состояния, финансовой устойчивости, анализ финансовых показателей единичного предприятия (любой формы собственности), той или иной ассоциации предприятий (товарищества с ограниченной ответственностью, акционерное общество, концерн, промышленно-торговая фирма и др.)». Без тщательного финансового анализа невозможна проверка финансового положения предприятия. «Только на основе финансового анализа, выявления сильных и слабых сторон в финансовом положении предприятия можно наметить меры по его укреплению или выходу из сложной финансовой ситуации. Именно поэтому каждый аудитор должен знать технологию проведения финансового анализа предприятия, уметь делать на его основе необходимые выводы, разрабатывать и предлагать предприятию меры по улучшению его финансового положения», – указывается в первом в Российской Федерации и в странах СНГ учебнике по аудиту,

предназначенном для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям. Задачами финансового анализа в системе аудита являются:

- оценка состава и структуры активов предприятия и источников их формирования;
- определение производственного потенциала предприятия;
- установление финансовой устойчивости предприятия, его платежеспособности и деловой активности;
- выявление изменений в финансовом положении в пространственно-временном разрезе и основных факторов, вызвавших их;
- оценка финансового положения предприятия и перспектив его функционирования в будущем.

«Использование анализа на заключительной стадии аудита, – пишет А.Д. Шеремет, – ставит своей целью еще раз подтвердить объяснение всех существенных колебаний значений показателей внешней отчетности и гарантировать реальность этих показателей как по сумме, так и по содержанию».

Финансовый анализ в аудите используется в двух аспектах: во-первых, как метод познания финансового механизма предприятия, процессов формирования и использования финансовых ресурсов для его операционной, финансовой и инвестиционной деятельности; во-вторых, как вид аудиторских услуг. [2]

Аудиторская деятельность, как показывает зарубежный опыт, должна опираться на широкий спектр приемов и методов экономического анализа. В процессе проведения аудита используются разнообразные способы и специальные приемы финансового анализа, которые опираются на общую методологию экономического анализа, представляющую собой совокупность принципов диалектики, общенаучные методы и метод данной науки.

Существуют различные классификации методов финансового анализа. Первый уровень классификации выделяет неформализованные и формализованные методы. Неформализованные методы основаны на описании аналитических процедур на логическом уровне, а не на строгих аналитических зависимостях. К ним относятся методы: экспертных оценок, сценариев, психологические, морфологические, построения систем показателей, построения систем аналитических таблиц и т.п. Следует отметить, что применение неформализованных методов характеризуется определенным субъективизмом, поскольку большое значение имеют интуиция, опыт и знания аналитика. К формализованным методам относятся методы, в основе которых лежат достаточно строгие формализованные аналитические зависимости. Известны десятки этих методов; они составляют второй уровень классификации. К ним относятся следующие классические методы финансового анализа: элиминирование (цепные подстановки), балансовые увязки, группировки, средние и относительные величины, графический, индексный и др. [3]

Практика финансового анализа уже выработала методiku анализа финансовой отчетности предприятий, функционирующих в условиях рыночной экономики. Вполне понятно, что сложившаяся до перехода на рыночные условия методика анализа ее, десятки лет применявшаяся на всех уровнях управления и самими предприятиями, была разработана для условий функционирования административной системы хозяйствования и государственной собственности в основном централизованных источников финансирования, нормирования временно привлекаемых средств (устойчивых пассивов), оборотных средств и т.д. Эти условия сдерживали самостоятельность предприятий в принятии управленческих решений, направленных на эффективное ведение хозяйства и вовсе не увязывались с рыночными отношениями, предпринимательской деятельностью. [4]

В прежней методике финансового анализа решающую роль играли сравнения значений различных статей и итогов групп и разделов баланса с их нормативными величинами, изучение причин отклонений от нормативов, влияния этих отклонений на устойчивость финансового положения предприятия. Одной из важнейших особенностей новой финансовой отчетности является отсутствие в ней плановых показателей и нормативов. В условиях рынка финансовое планирование утрачивает черты централизованного административного целеполагания, извне задающего предприятию множество параметров его деятельности. Оно служит прежде всего выработке гибкой стратегии и тактики хозяйственного поведения предприятия, стремящегося упрочить свое положение при стремительно меняющейся в результате конкуренции рыночной конъюнктуре. Использование нормативов в финансовой деятельности становится делом выбора самого предприятия, поэтому информация о нормативах переходит в область коммерческой тайны. Анализ отклонений от планируемых предприятием нормативов соответственно становится составной частью внутреннего анализа. Анализ финансового положения, основывающийся на бухгалтерской отчетности, приобретает характер внешнего анализа, т.е. анализа, проводимого за пределами предприятия его заинтересованными контрагентами – собственниками или государственными органами, на основе отчетных данных, которые содержат лишь весьма ограниченную часть информации о деятельности предприятия. Методика внешнего анализа финансового положения представляет большой интерес для каждого предприятия не только для целей оценки потенциальных партнеров, но и собственной самооценки, осуществляемой с точки зрения внешних пользователей финансовой отчетности. [2]

Среди основных методов финансового анализа, используемых предприятиями, функционирующими в условиях рыночной экономики, можно выделить шесть следующих методов:

- 1) горизонтальный анализ;
- 2) вертикальный анализ;
- 3) трендовый анализ;
- 4) метод финансовых коэффициентов;
- 5) сравнительный анализ;

б) факторный анализ.

Горизонтальный (временной) анализ – сравнение каждой позиции отчетности с предыдущим периодом. Он позволяет определить абсолютные и относительные отклонения различных статей бухгалтерской отчетности по сравнению с предшествующим периодом.

Вертикальный (структурный) анализ – определение структуры итоговых финансовых показателей с выявлением влияния каждой позиции отчетности на результат в целом. Он позволяет выявить удельный вес отдельных статей к итоговому показателю в целом по балансу или по его разделам. Например, удельный вес долгосрочных и текущих активов в общей стоимости имущества предприятия, т.е. в валюте баланса и т.д. [1]

Горизонтальный и вертикальный анализы дополняют один другой. Поэтому нередко строят таблицы, характеризующие как структуру отчетной бухгалтерской формы, так и динамику отдельных ее показателей.

Трендовый анализ базируется на расчете относительных отклонений показателей за ряд лет от уровня базисного года, для которого все показатели принимаются за 100%. Иными словами, трендовый анализ представляет собой сравнение каждой позиции отчетности с рядом предшествующих периодов и определение тренда, т.е. основной тенденции динамики показателя, очищенной от случайных влияний и индивидуальных особенностей отдельных периодов. С помощью тренда формируются возможные значения показателей в будущем, а следовательно, ведется перспективный, прогнозный анализ.

Наиболее распространенным приемом финансового анализа в условиях рыночной экономики является использование различных финансовых коэффициентов. Коэффициенты являются относительными величинами, при исчислении которых одну из величин принимают за единицу, а другую выражают как отношение к единице. Расчет финансовых коэффициентов основан на существовании определенных взаимосвязей между отдельными статьями баланса. Они являются исходной базой для последующего факторного анализа финансового положения предприятия и выражают математические взаимоотношения между двумя величинами, анализ которых позволяет исследователю выявить скрытые явления. От правильности истолкования их зависит полезность анализа соответствующих коэффициентов для принятия решений. Это самый трудный аспект анализа отношений, так как он требует знания внутренних и внешних факторов их формирования, например, общеэкономических условий в отрасли, политики руководства предприятия и др. Интерпретировать отношения надо с большой осторожностью, так как одни и те же факторы могут влиять и на числитель, и на знаменатель. Фактический уровень отношений сравнивается с прошлым, с теоретически обоснованным, с отраслевым. Интерпретация отношений должна быть ориентирована на перспективу. [4]

Не следует и переоценивать роль анализа отношений, так как они не имеют универсального значения и не могут являться своего рода индикатором для диагностики. Более углубленный анализ не всегда подтверждает выводы, сделанные на основании отношений, так как на их уровень влияет специфика отдельных предприятий, усредненность отраслевых данных, неоптимальность фактически достигнутого уровня в

предшествующие годы или его оптимальность для условий тех лет, но не соответствует требованиям современных и будущих условий. Механическое перенесение зарубежного опыта проведения финансового анализа на основе относительных показателей во многих случаях оказывается малоэффективным, поскольку при этом не принимается во внимание специфика наших предприятий. В результате рекомендации о допустимых значениях того или иного показателя часто «не срабатывают». Тем не менее изучение относительных показателей при анализе финансово-хозяйственной деятельности предприятия необходимо, так как оно позволяет понять происходящие процессы и более правильно оценить их не только для текущего момента, но и на перспективу.

Относительные показатели финансового положения предприятия подразделяются на коэффициенты распределения и коэффициенты координации. [2]

Коэффициенты распределения применяются в тех случаях, когда требуется определить, какую часть тот или иной абсолютный показатель финансового положения составляет от итога включающей его группы абсолютных показателей. Коэффициенты распределения и их изменения за отчетный период играют большую роль в ходе предварительного ознакомления с финансовым положением клиента по балансу. Коэффициенты координации используются для выражения отношений разных по существу абсолютных показателей финансового положения или их линейных комбинаций, имеющих различный экономический смысл. Анализ финансовых коэффициентов заключается в сравнении с базисными величинами, а также в изучении их динамики за отчетный период и за ряд лет. В качестве базисных величин используются усредненные по временному ряду значения показателей данного предприятия, относящиеся к прошлым благоприятным с точки зрения финансового положения периодам; среднеотраслевые значения показателей; значения показателей, рассчитанные по данным отчетности на наиболее удачливого конкурента, оптимальные значения относительных показателей. [1]

Для точной и полной характеристики финансового положения предприятия и тенденций его изменения достаточно сравнительно небольшого количества финансовых коэффициентов. Важно лишь, чтобы каждый из этих показателей отражал наиболее существенные стороны финансового положения предприятия. Наиболее распространенными и изучаемыми являются показатели ликвидности, финансовой устойчивости, доходности и деловой активности.

Сравнительный (пространственный) анализ – это и внутривоздейственный анализ сводных показателей отчетности по отдельным показателям фирмы, дочерних фирм, подразделений, цехов и межхозяйственный анализ показателей данной фирмы соотносительно с показателями конкурентов, со среднеотраслевыми и средними общеэкономическими данными. При этом методе оценку происходящему дают через сходные понятия и явления. Он позволяет соизмерять процессы и делать соответствующие выводы. Необходимым условием применения этого метода является соблюдение сопоставимости показателей. Экономически неграмотным будет, например, сопоставление реализованной продукции за ряд лет в текущих ценах; неверным будет и динамический ряд, характеризующий уровень издержек за 3-5 и более лет (а в условиях

инфляции и за смежные годы), построенный без необходимых корректировок. Соблюдение сопоставимости требует пересчета оборотов в одинаковые (единые) цены, пересчета ряда издержек производства с применением индекса цен, тарифов, ставок, а также сравнимости календарных периодов, однородности показателей по экономическому содержанию, единой методики их исчисления и учета ряда других факторов: социальных, этнографических, природных. [2]

Факторный анализ – это анализ влияния отдельных факторов (причин) на результативный показатель с помощью детерминированных или стохастических приемов исследования. Причем факторный анализ может быть как прямым (собственно анализ), т.е. раздробление результативного показателя на составные части, так и обратным (синтез), когда его отдельные элементы соединяют в общий результативный показатель. Наряду с вышеназванными методами при анализе финансово-хозяйственной деятельности предприятия используются традиционные приемы экономического анализа, экономической и математической статистики, экономико-математические методы. Следует отметить, что в настоящее время практически невозможно обособить приемы и методы какой-либо науки как присущие исключительно ей, так как (впрочем, это было всегда) наблюдается взаимопроникновение научных инструментариев различных наук. В финансовом анализе применяются различные методы, разработанные изначально в рамках той или иной экономической науки. Умелое их использование позволяет проанализировать финансовое положение предприятия и разработать предложения по укреплению его финансовой устойчивости.

Литература

1. Баканов М.И., Шерemet А.Д. Теория анализа хозяйственной деятельности. Учебник. - М.: Финансы и статистика, 2002.- 414с.
2. Ковалев В.В. Финансовый анализ: управление капиталом, выбор инвестиций, анализ отчетности. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 456 с.
3. Бороненкова С.А. Управленческий анализ: Учеб. Пособие. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 384 с.
4. Грузинов В.П., Грибов В.Д. Экономика предприятия: Учебное пособие. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 208с.

УДК 330

**МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ**
**TECHNIQUE OF FORMATION OF OPTIMUM STRUCTURE OF THE CAPITAL
OF THE ORGANIZATIONS**

С.В. Семенова, г.Ставрополь, Ставропольский институт кооперации (филиал) БУКЭП
S. V. Semenova, Stavropol, Stavropol institute cooperations (branch) BUKER
e-mail: semenova7070@mail.ru

Аннотация. Учитывая факторы, влияющим на систему финансирования, сделана попытка сформировать три типа политики управления структурой капитала коммерческих организаций.

Abstract. Considering the factors, influencing financing system, attempt to create three types of policy of management of structure of the capital of the commercial organizations is made.

Ключевые слова: среднерыночный индекс стоимости источников финансирования, мультипликатор собственного капитала, динамичная рыночная структура капитала.

Keywords: market average value index of sources of financing, animator of own capital, dynamic market structure of the capital.

В нынешних рыночных условиях хозяйствования формирование оптимальной структуры капитала коммерческих организаций сопровождается множеством противоречий. С одной стороны, в ситуации очевидной неудовлетворительной структуры баланса и отрицательной эффективности предприятие продолжает наращивать в своей структуре заемные источники, с другой – успешно функционирующие на рынке организации, испытывающие потребность в заемных ресурсах, вынуждены ограничиваться собственным финансированием. Использование последнего в большинстве случаев ограничено и во многом зависит от избранной политики распределения чистой прибыли и амортизационной политики.

Достижение оптимальной структуры источников финансирования организации, в качестве критериев которой выступают оптимальный объем ресурсов, денежного оборота, максимизация прибыли, минимизация финансовых рисков и др., носит довольно общий характер [3]. Данное обстоятельство затрудняет построение эффективной стратегии управления источниками финансирования организации. Остается открытым вопрос выбора критериев оптимальной структуры капитала.

Как отмечает И.В. Ивашковская [1], формирование структуры капитала - далеко не однозначная проблема корпоративной политики. Сложности, возникающие при поиске оптимального решения, могут возникать на этапе первичного анализа «проблемного

соотношения» между компонентами в структуре капитала, при условии выполнения такого анализа, преимущественно опирающуюся на информацию, содержащуюся в финансовой отчетности коммерческой организации и не всегда учитывающей условия современного финансового моделирования. Также поиск оптимальной структуры капитала требует применения количественных оценок, нацеленных на выявление оптимума соотношения двух типов капиталов, для реализации которых необходимы модели, допущения и входные компоненты, удовлетворяющие условиям моделей.

При выборе наиболее рациональной структуры источников финансирования деятельности организации целесообразно обратить внимание на [2]:

- минимизацию его цены на каждой стадии кругооборота капитала;
- уменьшение возникающих издержек на единицу созданной стоимости при изменении скорости оборота активов, капитала как составляющего элемента активов.

Учитывая выше изложенные обстоятельства, полагаем, что используемые сегодня подходы к построению оптимальной структуры капитала промышленных организаций могут быть значительно усовершенствованы, прежде всего, за счет пересмотра базовых постулатов формирования оптимальной структуры, а именно соотношения между заемным и собственным капиталом, именуемого в практике коэффициентом финансового рычага. Ему присущ определенный элемент статичности, который, в свою очередь, фактически свидетельствует о наличии моментного результата в формировании структуры капитала организации, тогда как нынешняя рыночная среда является в определенной степени более динамичной по своей природе.

Полагаем, что вместо соотношения заемного и собственного капитала целесообразно использовать текущую (расчетную) рыночную стоимость компонентов капитала, в данном случае процентную доходность заемного и собственного капитала. Не отступая от логики и практики применения коэффициента финансового рычага, введем следующее соотношение, которое предлагаем обозначить как среднерыночный индекс стоимости источников финансирования (M_{rc}):

$$M_{rc} = \frac{EC_c}{OC_c}, \quad (1)$$

где EC_c – стоимость заемного капитала, %;

OC_c – стоимость собственного капитала, %;

При формировании M_{rc} мы исходили из следующих допущений и доказательств. Влияние ставки рефинансирования и процентной ставки по заемным источникам носит прямой характер на величину средневзвешенной стоимости: каждое снижение вызывает соответствующее уменьшение стоимости при прочих равных условиях. Влияние ставки налогообложения носит обратный характер на величину средневзвешенной стоимости: каждое процентное снижение ставки вызывает соответствующий рост средневзвешенной стоимости капитала. Учитывая, что размер ставки рефинансирования и налогообложения являются макроэкономическими факторами, не зависящими от деятельности предприятия,

то единственным регулируемым значением, способным существенным образом оптимизировать величину стоимости капитала, является процентная ставка, иными словами стоимость источника.

Принципиальное отличие M_{rc} от традиционного коэффициента финансового рычага заключается в том, что в качестве составных компонентов (числителя и знаменателя) используется среднерыночная стоимость источника (процентная ставка по кредитам, а при невозможности оценки – уровень дивидендных выплат или рентабельность и т.д.). Значение M_{rc} показывает, во сколько раз рыночная (расчетная рыночная) стоимость заемного капитала превышает аналогичную стоимость собственного. Далее, учитывая, что сумма удельных весов каждого из источников в общей структуре составляет 1, получим следующее соотношение:

$$CK_p + M_{rc} * CK_p = 1, \quad (2)$$

где CK_p – доля собственного капитала;

$M_{rc} * CK_p$ (ZK_p) – доля заемного капитала.

Из формулы (2) выразим CK_p и в результате получим:

$$CK_p = \frac{1}{1 + M_{rc}} \quad (3)$$

Подставляя текущее значение M_{rc} в формулу (3), можно рассчитать рекомендуемое значение доли собственного капитала.

Таким образом, сформированная структура капитала на основе применения M_{rc} в большей степени соответствует быстро меняющимся условиям современной рыночной среды.

Применимость формул 1 - 3 для формирования соответствующей структуры капитала в сложившихся рыночных условиях не ограничивается лишь поиском оптимальной комбинации компонентов капитала.

Потенциал, содержащийся в рассмотренных выше формулах, может быть значительно расширен и в последующем использован при конструировании комплексной модели принятия решений относительно выбора конкретного источника финансирования организации и целесообразности его дальнейшего роста или снижения.

Опираясь на расчет эффекта Логмана-Рухти, выполним ряд последовательных логических преобразований с целью выявления зависимости между M_{rc} и возможностями внутреннего финансирования коммерческих организаций.

Осуществим следующие преобразования.

Соотношение между амортизацией DA_i и внутренними инвестициями IC_i обозначим как LR :

$$\frac{DA_i}{IC_i} = LR \quad (4)$$

Выразим долю собственных инвестиций из формулы (4):

$$IC_i = \frac{\partial A_i}{LR} \quad (5)$$

Учитывая то обстоятельство, что собственный капитал представляет сумму уставного капитала ($УК$), добавочного капитала ($ДК$), резервного капитала ($РК$), амортизационных отчислений и нераспределенной прибыли, найдем долю собственного капитала:

$$СК_p = \frac{DA_i + \frac{\partial A_i}{LR} + K + \text{TK} + 'K}{\text{Активы}} \quad (6)$$

Приравняем формулу (6) и (3) получим:

$$\frac{DA_i + \frac{\partial A_i}{LR} + K + \text{TK} + 'K}{\text{Активы}} = \frac{1}{1 + I_{rc}} \quad (7)$$

Преобразуем формулу (7), выразив из нее значение M_{rc} :

$$M_{rc} = \frac{\text{Активы}}{DA_i + \frac{\partial A_i}{LR} + UK + DK + PK} - \quad (8)$$

Раскроем значение M_{rc} исходя из формулы 1:

$$\frac{EC_c}{OC_c} = \frac{\text{Активы}}{DA_i + \frac{\partial A_i}{LR} + UK + DK + PK} - \quad (9)$$

Полученное соотношение позволяет рассчитать по известным данным требуемое значение стоимости собственного капитала, привлекаемых заемных источников, величины активов и амортизации, что представляется достаточно полезным при оценке эффективности системы финансирования организации в целом.

С помощью равенства, представленного в формуле 9, можно с достаточной степенью достоверности определить собственные потребности в том или ином источнике финансирования, стоимость источника финансирования для предприятия на основе среднерыночного соотношения.

С точки зрения стоимостного управления выражение $\frac{\text{Активы}}{DA_i + \frac{\partial A_i}{LR}}$ представляет собой

мультипликатор собственного капитала (МСК). Учитывая тот факт, что для акционерных обществ собственный капитал в результате изменения стоимости акций может меняться, то правую часть формулы 9 обозначим как прирост стоимости организации, образуемый в результате изменения рыночных факторов.

Формулу 9 выразим через мультипликатор капитала, в результате получим следующее выражение:

$$\frac{EC_c}{OC_c} = \Delta MCK, \quad (10)$$

где ΔMCK – изменение мультипликатора собственного капитала за период (темпы прироста).

Формула 10 характеризует так называемое идеальное условие сбалансированности источников финансирования организации по критерию среднерыночной стоимости. В то же время, учитывая множественность влияющих факторов на формирование структуры капитала, формулу 10 более корректно можно представить в следующем виде:

$$\frac{EC_c}{OC_c} \approx \Delta MCK \quad (11)$$

Полученное выражение в большей степени будет соответствовать современной рыночной действительности.

Учитывая динамичность рыночной среды, подверженность факторам, влияющим на систему финансирования, рыночным изменениям, сформируем три типа политики управления структурой капитала коммерческих организаций и дадим их комплексную характеристику. В качестве критериев сравнения примем левую и правую часть преобразованного нами ранее соотношения 11 (таблица 1).

Таблица 1 – Типы политики управления структурой капитала и их характеристика

Вариант	Соотношение	Тип политики управления структурой капитала
1	$M_{rc} > \Delta MCK$	Преимущественное финансирование за счет внутренних источников
2	$M_{rc} = \Delta MCK$	Сбалансированный по всем источникам финансирования
3	$M_{rc} < \Delta MCK$	Преимущественное финансирование за счет заемных источников

Приведем более подробно описание каждого варианта политики финансирования.

Вариант 1. Для данной ситуации характерно превышение среднерыночного индекса стоимости источников финансирования над приростом мультипликатора капитала за анализируемый период. В данном случае целесообразно ориентироваться на собственные источники финансирования (прибыль, внутренние инвестиции, амортизацию, дифференцированное использование других компонентов капитала и др.). В ситуации $M_{rc} > \Delta MCK$ предприятия вынуждены более осторожно подходить к политике оптимизации своего капитала во многом из-за вероятности возникновения рисков заемного финансирования. В то же время, отсутствие возможностей для активного внешнего финансирования может спровоцировать, прежде всего, нехватку в финансировании за счет собственных источников и панически распространиться на стоимость собственного капитала, сделав более дешевым данный вид источника вследствие непогашенных рисков. В такой ситуации необходимо либо дожидаться изменения рыночной конъюнктуры, либо снижения M_{rc} до уровня 1 или близкого к нему, что будет означать возникновение более благоприятного внешнего фона на рынке заемных источников финансирования, а, следовательно, откроет возможности для оптимального выбора схемы финансирования.

Вариант 2. Для данного типа политики свойственна сбалансированность по всем источникам финансирования организации. Речь идет о равенстве или совпадении доходности внешнего рынка капитала с доходностью, складывающейся на предприятии (уровень деловой активности предприятия должен поддерживаться на достаточно высоком уровне). Совпадение прироста мультипликатора капитала организации за период и среднерыночного индекса стоимости источников финансирования фактически означает синхронизацию общей стратегии финансирования, избранной на предприятии со стратегией обеспечения доходности на рынке. В практике, полагаем, достичь такой ситуации достаточно сложно по причине асимметрии рыночной информации и высоких системных рисков, присутствующих в экономике, отдельно взятом секторе или отрасли. В то же время для данного типа свойственна неопределенность в части приоритета собственного или заемного финансирования, как если бы соотношение между указанными выше источниками было на уровне 50 : 50. Равенство M_{rc} и ΔMSK может, по сути, означать стремление организации к гармоничному финансовому развитию.

Вариант 3. В случае, если среднерыночный индекс стоимости источников финансирования за период меньше прироста мультипликатора капитала, то это, в частности, может означать, что предприятия ориентированы в большей степени на заемные источники финансирования, даже в ситуации убыточности своей финансово-хозяйственной деятельности. Нарастание заемных источников финансирования оправдано и в ситуации отрицательного действия эффекта финансового рычага. Характеристика третьего типа финансовой политики, который получил название «сбалансированный по заемным источникам финансирования», означает сохраняющуюся в организации возможность привлечения заемных средств, но и одновременно сигнализирует о потенциальной невозможности их погашения, т.к. в ситуации убыточности, нарастание заемных источников финансирования чревато будущей дестабилизацией финансового состояния организации и последующим банкротством. Описанный нами подход позволяет, таким образом, сфокусироваться на глубинных проблемных аспектах построения структуры капитала, как одной из задач, стоящих перед руководством.

Отталкиваясь от базисных целей управления структурой капитала, предлагаем сформированную на основе рассмотренной нами методики структуру капитала обозначать термином «динамичная рыночная структура капитала», полученную на основе коэффициентных отношений.

Динамичная рыночная структура капитала (ДРСК) – это соотношение между его собственными и заемными источниками, полученное на основе соответствующих среднерыночных оценок компонент, входящих в его состав. Полагаем возможным использовать ДРСК при формировании стратегии финансирования организации. Применение ДРСК в качестве целевого показателя при последующем финансовом прогнозировании является, на наш взгляд, значимой составляющей общего процесса финансирования организации.

Таким образом, предложенный подход способствует совершенствованию существующего представления о методах оптимизации структуры капитала коммерческих организаций и объясняет целесообразность дальнейшего привлечения заемных средств или увеличения собственного финансирования.

Литература

1. Ивашковская, И. В. Структура капитала: резервы создания стоимости для собственников компании [Электронный ресурс] / И. В. Ивашовская, А. Куприянов // Режим доступа <http://www.insarov.ru/>
2. Ломакина, Т. П. О расчете цены собственного капитала [Текст] / Т. П. Ломакина, А. В. Гукова // Финансы. - 2003. - № 9. с. 53 - 55.
3. Руденко, А. М. Совершенствование механизма управления оптимизацией финансовых ресурсов [Текст] / А. М. Руденко, М. Е.Кулагина // Экономический анализ: теория и практика. - 2008. - №8.

УДК 339.92

**ЭФФЕКТЫ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
РЫНКА ТРУДА**
EFFECTS OF TRANSNATIONALIZATION FOR A NATIONAL LABOR MARKET

*М.Ф.Ткаченко, г. Ставрополь, д.э.н., доцент кафедры «Мировая экономика и
регионоведение», СГУ*

*M.F.Tkachenko Stavropol, associate professor «World economy and regions», SGU
e-mail: stavsus@stavsus.ru*

*Аннотация. В статье рассматриваются формы и способы создания новых
рабочих мест в странах приема иностранных инвестиций.*

*Abstract. In article forms and ways of creation of new workplaces in the countries of
reception of foreign investments are considered.*

*Ключевые слова: Международный аутсорсинг, офшоринг, ТНК, прямые
иностранные инвестиции*

*Keywords: international outsourcing, offshoring, multinational corporation, direct
foreign investments*

С точки зрения транснационализации мировой рынок труда и национальные рынки труда как его сегменты испытывают наибольшее влияние, поскольку именно ТНК предъявляют основной спрос на более дешевый и квалифицированный глобальный труд. В основном используются две основные формы создания рабочих мест посредством транснационализации: прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и «независимые коммерческие контракты» (международный аутсорсинг). На наш взгляд, возможна следующая классификация форм и способов создания рабочих мест (рисунок 1).

Т.е. международные цепи поставок могут быть организованы либо внутри одной ТНК, либо путем контрактных соглашений с другими компаниями. Например, статистика США до сих пор учитывает количество перемещаемых за рубеж рабочих мест по двум направлениям: внутрифирменные каналы либо заключение контрактов со сторонней организацией. Выбор одной из форм создания рабочих мест зависит от эффективности национального рынка труда, наличия потенциальных эффектов от привлечения ПИИ, а также отсутствия определенных барьеров на пути привлечения зарубежного инвестора. Кроме того, имеет значение трудоемкость, капиталоемкость и технологичность производства.

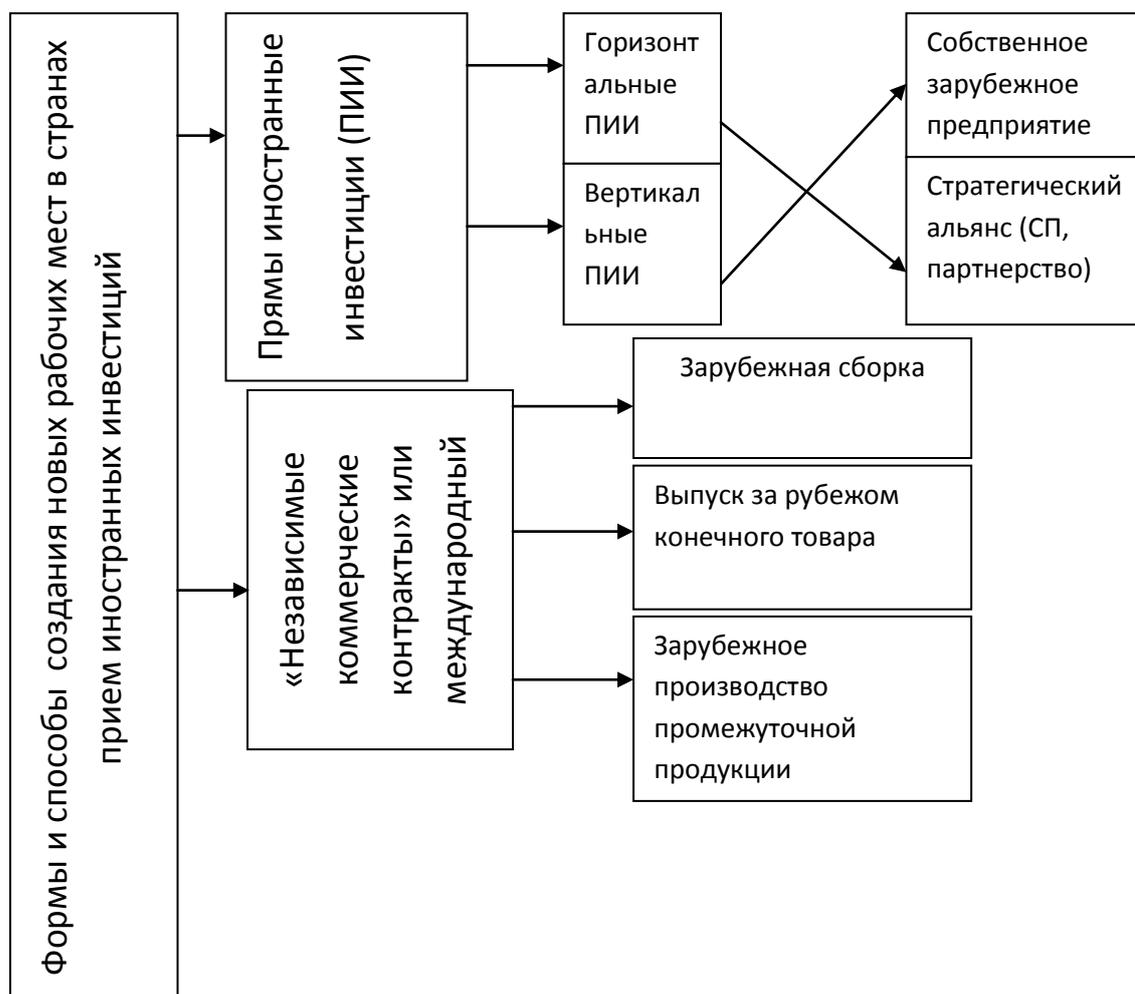

Рисунок 1 – Формы и способы создания новых рабочих мест в странах приема иностранных инвестиций

Источник: составлено автором

В рамках исследования эффектов ПИИ для рынков труда доказано, что привлеченные в национальную экономику ПИИ находятся в тесной положительной корреляции с количеством создаваемых рабочих мест (базой исследования послужили 23 национальные экономики – крупнейшие импортеры капитала) (таблица 2).

Та же самая тенденция установлена на основе метода расчета влияния стоимостного объема экспорта и импорта капитала на количество рабочих мест. Проводя подобный анализ, следует учитывать то, что рабочие места могут создаваться с определенным временным лагом, т.е. в условиях смены собственника, привлечения новых технологий и т.д. может наблюдаться временное сокращение занятости с последующим её ростом.

Таблица 2 – Матрица корреляции ПИИ и созданных ТНК рабочих мест в зарубежных подразделениях

Количество рабочих мест, созданных ТНК	Приток иностранных инвестиций, млн. долл. США			
	Австрия	Китай	Германия	Италия
	-0,6	0,98	0,46	0,7
	Малайзия	Сингапур	Тайвань	США
	0,97	0,08	0,42	-0,24
	Венгрия	Ирландия	Швейцария	Япония
	-0,44	0,87	-0,48	0,57
	Норвегия	Швеция	Чехия	Финляндия
	0,64	0,15	0,08	0,47
	Франция	Люксембург	Макао, Китай	Мозамбик
	0,89	-0,9	0,9	-0,82
	Португалия	Словения	Шри-Ланка	
	0,93	0,62	0,48	

Источник: рассчитано автором на основе данных ЮНКТАД

Однако не вызывает сомнения тот факт, что предприятие, созданное с «нуля» (т.н. Greenfield FDIproject) позволит создать больше рабочих мест, нежели зарубежное подразделение, образованное путем слияния или поглощения (Merger&Acquisition). Модель выхода ТНК на зарубежный рынок путем слияния или поглощения может привести даже к сокращению рабочих мест в стране приема. Кроме того, следует учитывать реакцию местных производителей, чьи товары часто оказываются более дорогими аналогами продукции ТНК, что может вызвать сокращение их производства и, соответственно, рабочих мест.

При рассмотрении влияния офшоринга на состояние национальных рынков труда установлено, что странами-поставщиками офшоринговых услуг являются в основном развитые страны, а странами оншоринга – развивающиеся государства, хотя в отдельных случаях существует и обратная связь.

На примере ЕС-27 (с 2001 по 2009 гг.) и США (с 1997 по 2009 гг.) можно убедительно сказать, что офшоринг не приводит к существенному сокращению рабочих мест в странах-донорах, хотя и имеет определенный эффект в отдельных отраслях, прежде всего, связанных со сферой промышленного производства и финансовых услуг (рисунок 2).

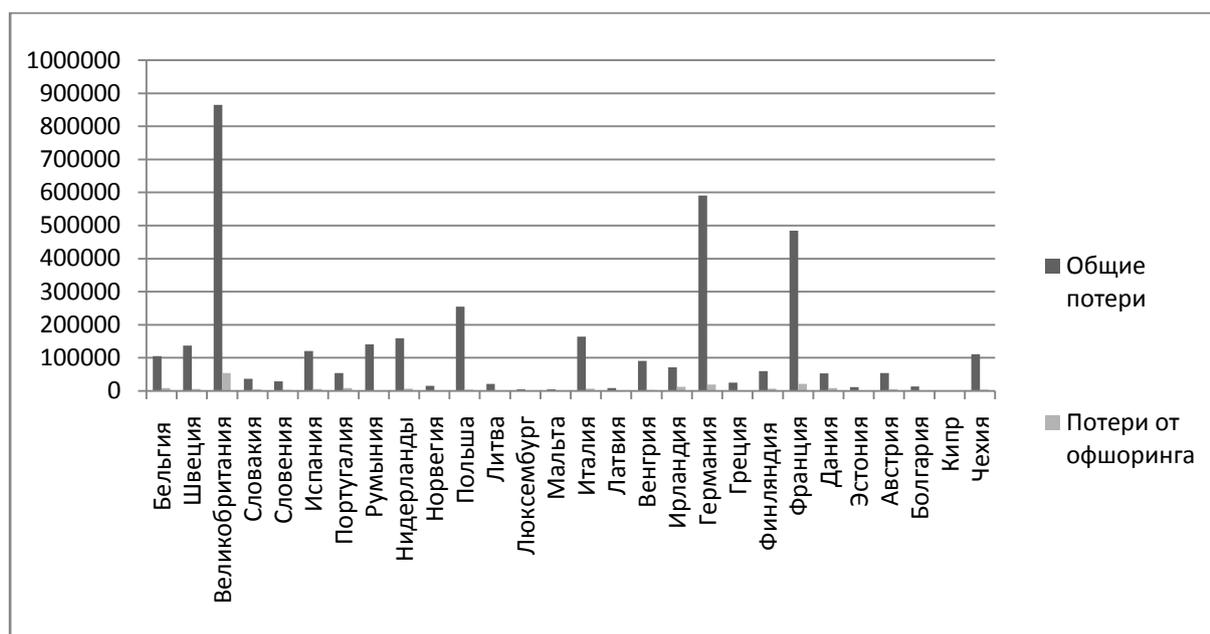

Рисунок 2 – Потери рабочих мест вследствие офшоринга по странам ЕС за период с 2002 по 2009 гг., ед.

Источник: составлено автором по базе данных European Restructuring Monitor. URL: <http://www.eurofond.europa.eu/encc/emr/index.htm> (дата обращения: 27.01.2010)

По всем странам ЕС в период с 2002 по 2009 гг. в производстве было ликвидировано посредством офшоринга 126,8 тысяч рабочих мест, а создано лишь 280 рабочих мест. В рассматриваемый период за рубеж было перемещено чуть более 3% от общего количества мест, подвергшихся реструктуризации. В США с 1997 по 2009 гг. было перемещено 153334 рабочих места, причем только с 2004 г. статистика США учитывает количество сокращенных рабочих мест по форме, а именно: внутрифирменные каналы (ПИИ) и по контракту с другой компанией. В рамках первой формы с 2004 г. было перенесено 62525 рабочих места, в рамках второй формы – 10863 рабочих места.

Следует отметить существование эндогенных и экзогенных факторов офшоринга, а также барьеров в расширении офшоринга: профессионально-квалификационные факторы (уровень образования и профессиональной квалификации рабочей силы; знание иностранных языков; уровень заработных плат; степень профессиональной и социальной мобильности); административно-управленческие факторы (соответствие законодательства международным нормам; уровень коррупции; гарантии инвесторам); организационно-экономические (наличие административно-бюрократических барьеров; развитость инфраструктуры; макроэкономическая стабильность); природно-географические (географическая близость; наличие соответствующего природного ландшафта и т.д.); социально-культурные факторы и ряд других факторов.

В качестве основных последствий офшоринга как для рынка труда стран-доноров, так и стран приема (оншоринга):

1. Развитые страны теряют незначительное количество рабочих мест вследствие офшоринга, при этом повышается технологичность производства, происходит переход от трудоемкого к капиталоемкому производству, соответственно, усиливается квалификационность производства и растет спрос на работников высокой квалификации и их заработные платы.

2. Развивающиеся страны, наоборот, получают стимул к развитию трудоемкого производства, за счет прогрессивного роста рабочих мест, что, наоборот, снижает технологичность производства, усиливая периферийность их экономики. Проблема состоит в том, что низко квалифицированные рабочие места Севера по уровню своей квалификации превосходят низко квалифицированные рабочие места на Юге, что также может привести к сокращению спроса на низко квалифицированных работников в развивающихся странах.

3. Офшоринг в условиях ограниченности доступа иностранных инвесторов на ряд зарубежных рынков развивающихся стран и стран с переходной экономикой является важным механизмом в осуществлении транснациональной деятельности. Ярчайшим примером существования подобных «условностей» является Россия.

В качестве важного механизма интеграции национальных рынков труда в мировой рынок труда следует отметить механизм экспортно-производственных зон (ЭПЗ). Можно выделить два типа экспортно-производственных зон: зоны с преимущественным развитием трудоемкого производства и зоны с преимущественным развитием инновационной и сервисной экономики. В рамках ЭПЗ производство и сфера услуг может поддерживаться как за счет ПИИ, так и за счет международного аутсорсинга в зависимости от цели, которую преследует иностранный инвестор. Экспортно-производственные зоны обладают широким потенциалом для использования более дешевого труда за рубежом, имеют четкую географическую локализацию по отраслям и, соответственно, квалификации занятой на их производствах рабочей силы. При этом они несут как положительный, так и отрицательный эффект для занятых работников.

Таким образом, транснационализация капитала способна значительно расширить границы мирового рынка труда за счет включения в состав глобальной рабочей силы как представителей квалифицированного, так неквалифицированного труда из развитых и развивающихся стран.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
SCIENCE OF LAW

УДК 346.22

ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА
THE LEGAL STRUCTURE OF THE P.A. STOLYPIN AGRARIAN REFORM

*Белокопытова Н.Ю. старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета,
г. Пятигорск*

*Belokopytova N.U. Senior lecturer of civil law and procedure department
of Pyatigorsk State Humanities and Technology University, Pyatigorsk, Russia.*

e-mail: nataly.belokopytova@qip.ru

*Аннотация: Рассмотрена правовая конструкция аграрной реформы 1906-1916 гг. в
России и результаты ее реализации*

*Annotation: In the given work the legal structure of agrarian reform 1906-1916 in Russia
and the results of its realization are considered.*

Ключевые слова: правовая конструкция, правотворчество, аграрная реформа.

Key words: legal structure, lawmaking, agrarian reform.

Обозревая истинное значение и роль аграрной реформы начала XX века под руководством П.А. Столыпина, следует глубоко проанализировать правовую сторону вопроса, а именно нормативно-правовой блок реформы. Эта сторона государственных мероприятий царского правительства, направленных на модернизацию российского села и сельского хозяйства недостаточно изучена исследователями вопроса. При этом комплексное рассмотрение нормативной реализации идей П.А. Столыпина и его команды может помочь сформировать объективную картину аграрной реформы 1906-1916 гг. в России, указать на дополнительные факторы, способствовавшие ее противоречивым результатам.

Так, предполагаемая реформа аграрного сектора должна была по задумке ее авторов проходить в следующих направлениях: 1) ликвидация общинного землевладения и формирование слоя индивидуальных собственников земли и крепких сельских хозяйственников; 2) переселение малоземельных крестьян в Сибирь, Казахстан, Киргизию, на Алтай и Дальний Восток для освоения новых земель и увеличения площадей обрабатываемых земель; 3) реформирование лесного хозяйства. Наибольшие усилия правительства были сосредоточены на искусственном разрушении общины.

Показательно, что вопросы внутренней безопасности взяли верх в стремлении ликвидировать крестьянскую общину над экономическими соображениями. По меткому выражению Н.Н. Зворыкина, яркого приверженца реформ и современника П.А.

Столыпина, - «за полным отсутствием мелкого крестьянского землевладения, социалистам для пропаганды среди сельского населения представляется самый широкий простор; в этом отношении нашему отечеству грозит величайшая опасность, которая только и может быть устранена путем безотлагательного насаждения в ней хуторного хозяйства и образования частной крестьянской собственности земельной и, вообще, сельскохозяйственной» [3].

В целях реализации задуманной цели правительство разработало комплекс нормативных актов, однако подавляющее большинство из них имело статус ведомственных, подзаконных. При этом базовый закон был принят лишь спустя пять лет с начала реформы. Это определенным образом отразилось и на самом ходе реализации государственных преобразований.

Начало грандиозному изменению поземельных и сельскохозяйственных отношений было положено 9 ноября с высочайшим утверждением Указа, по которому крестьяне получали право укреплять (приобретать) в свою собственность участок общинной земли. До утверждения указа реформа готовилась ежегодными указами от 12 марта 1903 г., 11 августа 1904 г. и 3 ноября 1905 г., в соответствии с которыми отменялись, соответственно, круговая порука, телесные наказания по приговорам волостных судов, а также выкупные платежи крестьян за землю [4].

Основная же подготовительная к реформе работа и ведомственное нормотворчество осуществлялись губернскими и уездными землеустроительными комиссиями, возникшими по указу от 4 марта 1906 г. Важнейшую роль в определении компетенции указанных комиссий сыграл Наказ землеустроительным комиссиям от 19 сентября 1906 г., разработанный и принятый Комитетом по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия [5].

Следующим этапом реализации проекта аграрной реформы стало утверждение Комитетом по землеустроительным делам 19 марта 1909 г. проекта «Правил о землеустройстве целых сельских обществ». Однако важны были не сами по себе Правила, а «приложенная» к ним «Техническая инструкция для руководства при составлении землеустроительных проектов» [5]. Именно эта инструкция играла ключевую и важнейшую роль при организации землеустроительных работ вплоть до принятия титульного Положения о землеустройстве в 1911 г.

Немаловажную роль сыграл и утвержденный 19 апреля 1909 г. циркуляр Главного управления землеустройства и земледелия, демонстрирующий, на наш взгляд, заботу государства именно о результатах реформирования общины. Местным органам указывалось, что количество исполненных дел не имеет первостепенного значения, а все усилия должны быть сосредоточены на тех, хотя бы и немногочисленных работах, «целесообразность коих может быть в полной мере усвоена населением, и, где возможно, установить формы землевладения, действительно обеспечивающие наиболее выгодное для хозяйства расположение и очертание вновь образуемых владений, хозяйственную их ценность и самостоятельность» [5]. Данная формулировка пригодилась бы в качестве девиза к действию отечественному современному чиновнику, привыкшему игнорировать

качество выполняемой работы за счет количественных либо иных не имеющих значения показателей.

Беглый взгляд на правотворческую деятельность правительства и иных ведомств показывает главную юридическую особенность реформы Столыпина: ее подзаконный характер. Это отчасти может быть объяснено стремительным характером реформы, вызванной первой русской революцией, и, с другой стороны, возможностью оперативного вмешательства в ход реализации реформы (законодательным путем с учетом партийного состава I и II Государственных Дум такие преобразования были бы немыслимы).

Лишь 29 мая 1911 г. появляется титульный органический закон об аграрной реформе: высочайше утверждаются после одобрения Государственной Думой и Государственным Советом Закон и Положение о Землеустройстве. Деятельность землеустроительных комиссий определяется тем, что комиссии производят следующие землеустроительные действия: 1) выдел земель отдельным селениям сельских обществ; 2) выдел земель выселкам и частям селений; 3) выдел отрубных участков отдельным членам сельских обществ и имеющим отдельное владение селений; 4) полное по целым сельским обществам и имеющим отдельное владение селениям разверстание угодий между членами общества или селения на отрубные участки; 5) уничтожение чрезполосности подлежащих действию Положения земель с прилегающими владениями; 6) разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включенных в одну дачу разверстания; 7) раздел угодий, находящихся в общем пользовании крестьян и частных владельцев и 8) отграничение подлежащих землеустройству земель от смежных владений [5].

Принятый органический закон учел все недостатки уже проведенных мероприятий, был направлен на дальнейшее реформирование аграрного сектора. Официальная позиция правительства выражалась в том, что «новый закон имеет целью поставить все дело землеустройства на твердые юридические основания, и, оградив права и интересы частных лиц, вместе с тем расширить полномочия землеустроительных учреждений и распространить их деятельность не только на крестьянские надельные земли, но и вообще на все мелкие владения, а также на крупные имения, связанные с ними чрезполосностью»[2].

Вместе с принятием данного закона в целях дальнейшей реализации задуманного преобразования аграрного сектора экономики к рассмотрению и принятию в законодательных учреждениях были подготовлены следующие проекты нормативных актов: 1) О назначении свободных казенных земель в пределах Европейской России для обеспечения нуждающихся в земле крестьян; 2) О поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях Сибирских губерний и областей; 3) Об упразднении пастбищных и лесных сервитутов в губерниях северо и юго-западных, а также в Минской и Витебской; 4) Новый лесной устав; 5) Общий устав рыболовства; 6) Закон об охоте; 7) Положение о пользовании водами в Туркестанском генерал-губернаторстве; 8) О производстве за счет частных средств оросительных работ в Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской и Закаспийской областях; 9) О привлечении

частной предприимчивости к разработке впусе лежащих казенных земель в малонаселенных местностях; 10) О предоставлении лицам всех сословий права переселения на казенные земли Азиатской России на общих с сельскими обывателями основаниях; 11) О продаже переселенческих участков; 12) Об отводе переселенцам орошенных участков в Голодной степи; 13) Об учреждении учительского сельскохозяйственного института; 14) О преобразовании центральных и местных установлений Главного Управления Землеустройства и Земледелия.

Непосредственно находящимися на рассмотрении Совета Министров к 1914 году были проекты указов: 1) О производстве земельных улучшений, имеющих государственное значение (Романовский фонд); 2) Об отпуске средств на орошение Мильской степи, и на переустройство канала Императора Николая I; 3) Об изменении правил о ссудах на сельскохозяйственные улучшения [2]. Как видим, планы по дальнейшему реформированию аграрного сектора экономики были грандиозные.

Однако указанным проектам не суждено было претвориться в жизнь: помешала революция, война, а до этого убийство автора и идеолога реформ, П.А. Столыпина. Всего же за 11 лет реформы из общины вышло 26% крестьян. Это, безусловно, отрицательный результат. Вопрос же о том, что послужило главной причиной неудач реформ Столыпина, остается открытым. Выбирать же следует из двух основных фактов: а) неумелая законодательная деятельность, спешка в реализации идей и путаница в компетенциях; б) полное игнорирование общественного мнения, которое в общей крестьянской массе осталось на стороне общинного земледелия и общинного хозяйства. Одно бесспорно: результаты реформ Столыпина в начале XX в. могут и должны учитываться сегодня в начале XXI в., когда попытки модернизации страны в целом, и экономики, в частности, упираются в непонимание и неприязнь со стороны народной массы.

Литература

1. Собрание Указаний и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – Ст. 307, №48, с. 694.
2. Главное управление Землеустройства и Земледелия. Итоги работ за последнее пятилетие (1909-1913 гг.). – СПб., тип. «Сельского Вестника», 1914. – 44 с.
3. Зворыкин Н.Н. Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа в России. – СПб., тип. А.С. Суворина, 1905. – 201 с.
4. Карпов Н. Аграрная политика Столыпина [текст] / Н. Карпов. – Ленинград, рабочее издательство «Прибой», 1925. – 238 с.
5. Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие. 1906-1916. Б.м., Б.г. – 73 с.

УДК 342.3

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ РОССИИ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ
PUBLIC CORPORATIONS IN RUSSIA: BE OR NOT TO BE

*А.А. Бирюков, Заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Российская академия государственной службы и народного хозяйства при Президенте РФ»
(Ставропольский филиал), кандидат юридических наук, доцент*

*А.В. Редькин, Студент 4 курса специальности «Юриспруденция», Российская академия государственной службы и народного хозяйства при Президенте РФ»
(Ставропольский филиал)*

*A.A. Birukov, Head of Department of Civil law disciplines, Russian Academy of civil service and national economy under the President of Russian Federation (Stavropol branch)
Candidate of legal science, associate professor*

*A.V. Redjkin, 4th year student, specialty "jurisprudence", Russian Academy of civil service and national economy under the President of Russian Federation (Stavropol branch)
e-mail: aleshka_20life@inbox.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы необходимости существования такой организационной формы как государственная корпорация в российском праве.

Annotation: In the given work the points about necessity of such an organizational form as public corporation in Russian law are considered.

Ключевые слова: государственная корпорация, организационная форма, гражданское право.

Key words: public corporation, organizational form, civil law.

Вопрос о целесообразности существования такой формы юридического лица, как государственная корпорация, в последнее время поднимался в научных кругах неоднократно. Логическим объяснением этому видится переходный характер экономических отношений, которые складываются внутри российского государства, и стремление отечественного законодателя в решении ряда макроэкономических задач. В этой связи принято говорить о том, что только государственный капитал в лице крупных компаний и предприятий, совмещающих в своих руках помимо экономических рычагов управления, ряд административных полномочий, эффективнее способен решать важные вопросы экономического характера, нежели частные компании.

Однако на данный момент данный вопрос не нашел однозначного ответа, что в большей степени объяснимо фактом существования как сторонников, так и противников относительно того, необходимо ли сохранить государственную корпорацию, как разновидность организационно-правовой формы юридического лица. Собственно говоря,

именно отсутствие единого подхода к анализу данной проблемы и синонимичных аргументов относительно целесообразности существования государственных корпораций затрудняет поиск истины. Как показывает практика, решение данной научной проблемы – вопрос далеко не праздный, поскольку очень сложно найти правильную научную позицию в том плюрализме мнений, что ныне существует.

Вместе с тем, в настоящей работе попытаемся найти ответ на выше озвученный вопрос, а именно: насколько актуальна и объективно ли необходима конструкция государственной корпорации, как разновидности юридического лица, в данный исторический период? При ответе на поставленный вопрос считаем не лишним уделить внимание отдельным положениям правового регулирования государственных корпораций на примере анализа Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (далее – Закон о Росатоме)» [1].

Фактически, сегодня, как отмечается разработчиками Концепции по реформированию гражданского законодательства, «корпорация является не организационно-правовой формой юридического лица в смысле Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и гражданского права вообще, а специальным способом создания субъектов права, уникальных по своему правовому (частноправовому и публично-правовому) статусу» [4].

Вместе с тем, исторически термин «корпорация» несет различную смысловую нагрузку. Так, в англо-американской системе права термин «корпорация» употребляется как коммерческая частноправовая форма юридического лица, основанная на членстве ее участников [5]; немецкое законодательство, как пример континентальной системы права, напротив, использует данный термин применительно к разделу, посвященному публично-правовым образованиям (так, в § 89 Германском Гражданском Уложении сказано: «Предписания § 31 применяются к казне, а также к *публично-правовым корпорациям, учреждениям и органам*»).

Однако как показывает анализ действующего законодательства российская модель государственной корпорации не подпадает ни под одно из тех определений, что было предложено выше. Определять сущность государственной корпорации через призму ее структуры и членства нельзя, как это делается в системе англо-саксонского права, ибо согласно ст. 7.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», таковой признается, не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций [2].

В то же время, признавать государственную корпорацию формой юридического лица публичного права также не представляется возможным, поскольку в силу положений гл. 5 ГК РФ таковыми признаются исключительно Российская Федерация, ее субъекты, и муниципальные образования. При этом из буквального толкования положений ст. 7.1 Закона «О некоммерческих организациях» следует, что государственная корпорация

создается в форме некоммерческой организации, т.е. включает в себя основные частноправовые элементы юридического лица.

В.П. Мозолин отмечает, что «в связи с образованием государственных корпораций, выходящих за рамки стандартизированных видов юридических лиц, предусмотренных действующим российским законодательством, возникает вопрос об экономической и правовой необходимости создания нового вида юридических лиц, не укладывающихся в традиционную формализованную схему коммерческих и некоммерческих организаций согласно ст. 50 ГК РФ», - что приводит, по сути, к созданию новой формы юридического лица [6].

Так, сочетая в себе основные черты юридического лица частного права (структурное единство, уставной капитал, органы управления юридического лица, ответственность по неисполненным либо ненадлежаще исполненным обязательствам всем принадлежащим имуществом), государственная корпорация отличается и такими отличительными чертами, как отсутствие учредительного документа, (по сути, его заменяет федеральный закон, в основе принятия которого лежит создание данного юридического лица), наделение в ряде случаев властными полномочиями органов управления корпорации, формирования капитала за счет федеральной собственности, невозможность применения положений № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» к государственной корпорации и т.д.

Безусловно, такой дуализм правового статуса субъекта права не может положительным образом сказываться на его правовом регулировании. В противном случае, это способно самым сильным и самым пагубным образом сказываться на развитии гражданских правоотношений с участием госкорпораций.

В этой связи, будет весьма актуальным проведение сравнительного анализа статуса государственной корпорации с положениями ныне действующего гражданского законодательства, регулирующего статус юридических лиц, и ответить по его итогам на вопрос о целесообразности сохранения и жизнедеятельности данной формы юридического лица.

Создание государственной корпорации, как следует из положений ст. 7.1 Закона «О некоммерческих организациях» и п. 1 ст. 3 Закона «О Росатоме», процесс сугубо распорядительный. Создание корпорации происходит только с принятием Федерального закона, который в конечном плане и будет регулировать статус, цели создания и деятельности данного субъекта права. По такому пути сегодня идет наш законодатель в отношении, скажем, унитарных предприятий, которые создаются в силу принятия нормативного акта Правительства РФ и финансируются за счет средств федерального бюджета.

Логичность такого способа создания юридических лиц видится в решении крупных финансовых задач, что стоят перед Правительством. Как отмечалось ранее, деятельность предприятий, например, ВПК не возможна только с точки зрения их существования как частноправовых субъектов гражданского права и без участия государства в нормативном регулировании их деятельности. В любом случае, здесь мы имеем дело со сферой

интересов государства, которое будет и должно определять свою политику обороны и безопасности в данном случае.

Показательно, что процесс государственной регистрации юридического лица, при таком подходе, превращается не более чем в формальность, по завершении которого за юридическим лицом закрепляется его порядковый номер в ЕГРЮЛ. Так, В.В. Кудашкина сильно удивляет точка зрения научного сообщества, согласно которой «государственные корпорации не регистрируются как юридические лица в Едином государственном реестре юридических лиц» [7]. Забегая вперед, необходимо отметить, что речь в данном случае идет о процедуре государственной регистрации лица согласно положениям Закона № 129-ФЗ [3]. Тем не менее, в обоснование своей правоты член Правления Государственной корпорации «Ростехнологии» ссылается на нормы российского законодательства, говоря, что процесс регистрации происходит в строгом соответствии с нормами отечественного права [7]. Вот только с какими не уточняет. Однако мы уточним.

Если обратиться к анализу Закона о Росатоме, то можно понять, что в силу п. 6 ст. 3 «корпорация считается созданной со дня внесения соответствующей записи в единый государственный реестр юридических лиц». При этом содержание ст. 3 указанного закона бланкетными нормами никак не перегружено и отсылки к российскому законодательству, регулирующему процесс регистрации юридических лиц, здесь не наблюдается.

Не стоит забывать также о том, что правовое регулирование деятельности государственной корпорации исчерпывается положениями специального Федерального закона (в данном случае, это Закон № 317-ФЗ), и именно он будет устанавливать порядок создания и деятельности данного субъекта права как нормативно-правовой акт специального характера, а значит, - обладающий большей юридической силой (п. 4 ст. 7.1 Закона «О некоммерческих организациях»).

Характер имущественных отношений, складывающихся внутри деятельности государственной корпорации, нуждается в корректировке. Согласно п. 1 ст. 3, ст. 17 Закона «О Росатоме» корпорация создается за счет средств Российской Федерации, однако, после ее создания и регистрации имущество переходит в собственность юридического лица (п. 9 ст. 3 Закона). Поиск элементов «коррупционной составляющей» в данном случае не есть предмет анализа рассматриваемой проблемы, хотя и этот вопрос, несомненно, заслуживает отдельного внимания [8]. Показательно другое.

По мнению того же В.П. Мозолина в собственности государства не может находиться имущество, принадлежащее в то же самое время физическому или юридическому лицу на праве частной собственности, и наоборот, имущество, находящееся в собственности физического или юридического лица, одновременно не может принадлежать на праве собственности государству. Логичность данного утверждения не должна вызывать сомнений, и мы разделяем данную позицию автора.

Далее, автор уточняет, что участие государства, как субъекта права, возможно в двух формах: в качестве высшего регулятора отношений и законодателя, и в качестве публично-правового образования, когда оно, государство, в силу факта наличия органов государственной власти участвует в гражданских правоотношениях через них. В этой

связи проблема имущественных отношений выглядит гиперболизированной, по его мнению, поскольку вопрос решается проще.

Передавая часть своего имущества государственной корпорации, государство не лишается права собственности на него, как и в случаях закрепления имущества за органами государственной власти. Поскольку и в первом, и во втором случаях оно передается субъектам обремененными публично-правовым элементом, а значит, выступающим от имени государства. Так, автор рассуждает: «Совершенно иное положение возникает при создании *на основании закона* государственной корпорации в качестве публично-правовой организации. В этом случае никакого раздвоения объекта права собственности на имущество (права собственности на имущество в его вещественном выражении в форме вещи, включая деньги, с одной стороны, и права собственности на акции или права собственности на долю участия в уставном капитале корпорации - с другой) вообще не происходит. Как следствие, в сфере действия федерального законодательства о собственности создается два вида государственной собственности на одно и то же имущество: собственность России как государства - субъекта гражданского права и собственность государственных корпораций как юридических лиц - также субъектов гражданского права. В период существования государственной корпорации как публично-правовой организации принадлежащее ей имущество продолжает оставаться единым и неделимым и относится к федеральной государственной собственности» [6].

То есть, по сути, мы признаем государственную корпорацию в качестве публично-правового субъекта права с его властными функциями, а законодательное закрепление данного субъекта права в качестве некоммерческой организации требует, как минимум, необходимости замены речевой ошибки.

Вторым, не менее важным вопросом научного анализа, является вопрос юридической дееспособности государственной корпорации. Исходя из буквального смысла положений Закона «О Росатоме», Государственная корпорация «Росатом» является некоммерческой организацией, но в то же самое время она имеет полномочия на осуществление приносящей доходы деятельности лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана, и соответствующую этим целям. При этом прибыль корпорации, полученная в результате ее деятельности, направляется исключительно на достижение целей, установленных Законом «О Росатоме».

Вместе с этим, как следует из п. 1 ст. 4 данного закона основной целью деятельности государственной корпорации является проведение государственной политики, осуществление *нормативно-правового регулирования*, оказание государственных услуг и *управление государственным имуществом в области использования атомной энергии*, развитие и безопасное функционирование организаций атомного энергопромышленного и ядерного оружейного комплексов Российской Федерации, и т.д. Однако размытость и неточность источников таких доходов, которые логично вытекают из положений п. 1 ст. 4 и виды деятельности, что предоставлены органам управления в силу закона, способны очень сильно исказить реальные масштабы

такого способа самофинансирования, и в результате превращать defacto государственную корпорацию в разновидность коммерческой организации.

Мы склонны разделять ту точку зрения научного сообщества, согласно которой государственную корпорацию необходимо признавать только с позиции публично-правовых категорий. В то же время, закрепление за ней государственного имущества, как за частноправовым субъектом права, недопустимо. В противном случае, это грозит поставить статус данного юридического лица за рамки закона и наделить его несвойственными ему функциями.

Внутрикорпоративные отношения государственной корпорации «Росатом» строятся по достаточно известной и знакомой классической модели, согласно которой учреждаются высший, управленческий и представительский органы юридического лица. Однако их статус не находит похожего отражения ни в органах управления коммерческих обществ, ни в органах управления хозяйственных товариществ.

Так, органами управления корпорации являются наблюдательный совет, генеральный директор и правление.

Высшим органом управления корпорации является наблюдательный совет. В его состав входят девять членов, в том числе восемь - представители Президента РФ и Правительства РФ, а также генеральный директор корпорации, являющийся членом наблюдательного совета по должности. Председатель наблюдательного совета назначается Президентом РФ из числа членов наблюдательного совета Корпорации одновременно с назначением членов наблюдательного совета Корпорации.

Генеральный директор корпорации является единоличным исполнительным органом корпорации и осуществляет руководство ее текущей деятельностью. Он назначается на должность и освобождается от должности Президентом РФ по представлению Председателя Правительства РФ.

Правление корпорации является коллегиальным исполнительным органом корпорации. В состав правления корпорации входят генеральный директор, являющийся членом правления по должности, и другие члены правления. Деятельностью правления руководит генеральный директор. Члены правления корпорации назначаются на должность и освобождаются от должности наблюдательным советом корпорации по представлению генерального директора. Члены правления корпорации работают на постоянной основе или являются работниками учреждений корпорации, акционерных обществ корпорации и их дочерних обществ, а также подведомственных предприятий.

Однако интерес вызывает другое обстоятельство. Дело в том, что в силу положений ст.ст. 24, 27 и 29 Закона «О Росатоме» за органами управления закрепляются основные функции корпоративного контроля и управления. При этом крен властных полномочий делается умышленно в сторону таких органов управления как Генеральный директор корпорации и ее Правление.

Созданные в силу распорядительных действий, как представители государственной власти, данные органы корпорации ожидаемо будут лоббировать те вопросы, которые наиболее интересны и важны для государства. При этом механизмом такого лоббирования

будут полномочия, предоставленные исполнительным органам корпорации на основании положений гл. 2 Закона «О Росатоме».

Обширнейший список данных полномочий законодательного характера и делегирование полномочий административного контроля корпорации за деятельностью иных, подведомственных «Росатому», акционерных обществ и казенных предприятий, очень слабо согласуется с той доктриной «частноправового статуса юридического лица», что старательно пытается предложить нам российский законодатель.

Дополнительными фактами, свидетельствующими о необходимости отнесения государственных корпораций к *personanongrata*, есть положения п. 2 ст. 6 Закона «О Росатоме», согласно которым какой бы то ни было административный контроль со стороны государственных органов фактически невозможен. Так, возбуждение процедуры банкротства в отношении Росатома законодательно невозможно, а ликвидация корпорации возможно только в случае принятия соответствующего специального федерального закона; представление в уполномоченный орган документов, содержащих отчет о деятельности корпорации, о персональном составе руководящих органов, а также документов о расходовании денежных средств и об использовании иного имущества, в том числе полученных от международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства не нужно; государственная корпорация не подотчетна федеральным органам финансового контроля, а возможность аудиторских проверок со стороны Счетной палаты возможна только лишь в отношении «Росатома» (всего таких корпораций восемь!) и закрепляется исключительно как право данного контролирующего органа, а не его обязанность.

В этом смысле, представляются весьма интересными научные рассуждения господина Д.В. Кравченко по поводу невозможности формирования коррупционных элементов и схем внутри государственных корпораций при таких условиях их организации [8].

Таким образом, необходимо отметить, что государственная корпорация является не организационно-правовой формой юридического лица в смысле гл. 4 ГК, а специальным способом создания субъектов права, уникальных по своему правовому статусу

Фактически госкорпорация обладает не только исключительным статусом, но и принципиально различными полномочиями, иногда публично-правового характера. Государственная корпорация в действительности не составляют единого вида юридических лиц, отличающегося какими-то общими чертами.

Госкорпорации по атомной энергии «Росатом» переданы властные полномочия, принадлежащие федеральным органам государственной власти. При этом властные полномочия осуществляются Росатомом в отношении других участников рынка - субъектов гражданского права (гл. 2 Закона; ст.ст. 24, 27, 29 и другие).

Никакие, будь то формальные, либо реально работающие механизмы защиты конкуренции и рыночного регулирования гражданского оборота не способны непосредственно влиять на деятельность государственной корпорации, выводя ее за рамки закона.

В связи с этим представляется целесообразным упразднение данной организационно-правовой формы и преобразование существующих форм юридического лица, либо в акционерные общества с государственным участием, либо в казенные предприятия. В любом случае, сочетание властных функций государственного управления и «частного» капитала, как способа прикрытия корпорации шаблоном «юридическое лицо частного права», является на сегодняшний день недопустимым.

Литература

1. Федеральный закон от 1 января 2007 г. N 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»» // СЗ РФ, 03.12.2007, № 49. Ст. 6078.
2. Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2011) // СЗ РФ, 15.01.1996, № 3. Ст. 145.
3. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ, 13.08.2001, № 33 (часть I). Ст. 3431.
4. «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ, 2009 г., № 11.
5. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. - СПб: Издательство "Питер", 1999.
6. Мозолин В.П. Государственная корпорация vs акционерное общество // Журнал российского права, 2010 г., № 6.
7. Кудашкин В.В. О роли и специфике организационно-правовой формы государственной корпорации в современных экономических условиях // Журнал российского права. 2010., № 4.
8. Кравченко Д.В. О реформировании государственных корпораций // Законодательство и экономика, 2010 г., № 5. С. 15 - 17.

УДК 341

**РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ОБЛАСТИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ
THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW ON TRAFFIC
IN HUMAN BEINGS**

Е.А. Безверхова, г. Ставрополь, аспирантка юридического факультета СевКавГТУ
E. Bezverkhova, Stavropol, P.G. North-Caucasus State Technical University
e-mail: tuna009@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена развитию международного права в области противодействия торговле людьми, автор обращается к различным конвенциям и декларациям.

Annotation: The article is devoted to the development of international law on traffic in human beings, the author refers to the various conventions and declarations.

Ключевые слова: торговля людьми, международное право, превенция.

Keywords: traffic in human beings, international law, prevention.

Торговля людьми представляет собой многогранное и развивающееся явление, растущее и меняющееся наряду с экономической глобализацией и трудовой миграцией, социальными противоречиями и бедностью, политическими изменениями и коррупцией во всех сферах власти. Для эффективной борьбы с ней необходимо создание всесторонней транснациональной стратегии.

Этим вопросом задались еще в 1815 г., когда на Венском конгрессе был принят Акт об отмене торговли неграми, а также Декларация о запрещении торговли рабами [8]. Позже, в 1841 г. Англией, Австрией, Пруссией, Россией и Францией был заключен так называемый Договор пяти держав от 20 декабря 1841 года, который запрещал перевозку в Америку негров-рабов. Однако эти первые международно-правовые акты лишь осуждали рабство, запрещали работорговлю и рекомендовали государствам установить ответственность за эти деяния.

В 1926 г. ООН принимает Конвенцию о рабстве,[3] которая обязывает страны-участницы полностью отменить на своих территориях рабство во всех его формах, пресекать работорговлю и оказывать друг другу содействие в борьбе с этими преступлениями. Впервые были изложены рекомендации о постепенном искоренении принудительного труда. Не случайно, Всеобщая декларация прав человека 1948 г.[6] особо подчеркивает: «Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах».

В 1956 г. принимается Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством [4]. Статья 1 содержит предписание о принятии «всех возможных и необходимых законодательных и иных мер к

тому, чтобы осуществить постепенно и в кратчайший по возможности срок полную отмену или упразднение нижеследующих институтов и обычаев:

1) долговой кабалы, т. е. положения или состояния, возникающего вследствие заклада должником в обеспечение долга своего личного труда или труда зависимого от него лица, если надлежаще определяемая ценность выполняемой работы не зачитывается в погашение долга или если продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен;

2) крепостного состояния, т. е. такого пользования землей, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять определенную работу для такого другого лица или за вознаграждение или без такового, и не может изменить это свое состояние;

3) любого института или обычая, в силу которых:

а) женщину обещают выдать или выдают замуж, без права отказа с ее стороны, ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой;

б) муж женщины, его семья или его клан имеет право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; или

в) женщина по смерти мужа передается по наследству другому лицу;

г) любого института или обычая, в силу которого ребенок или подросток моложе 18 лет передается одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу, за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда.

Международно-правовых актов, касающихся рабства или торговли людьми, связанных с сексуальной эксплуатацией, принято достаточное количество. Мы бы хотели подробнее остановиться на одном из них. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1950 г.[1] в первую очередь приводит перечень лиц, подлежащих наказанию, а это те, кто:

а) сводит, склоняет или совращает в целях проституции другое лицо даже с согласия этого лица,

б) эксплуатирует проституцию другого лица, даже с согласия этого лица;

в) содержит дом терпимости или управляет им, или сознательно финансирует или принимает участие в финансировании дома терпимости,

г) сдает в аренду или снимает здание или другое место или часть такового, зная, что они будут использованы в целях проституции третьими лицами.

К тому же указанная Конвенция рассматривает вопрос квалификации данных преступлений.

В 2000 г. на 55 сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята Конвенция против транснациональной организованной преступности и дополняющий ее Протокол о предупреждении, пресечении и наказании за торговлю людьми, особенно женщинами и детьми [2]. Этот документ на высшем международном уровне определил обязанность государств признать в качестве уголовно наказуемой «торговлю людьми», которая

означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции, других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. Согласие жертвы торговли людьми на запланированную эксплуатацию не принимается во внимание, если было использовано любое из указанных средств воздействия. Вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение ребенка для целей эксплуатации считаются «торговлей людьми» даже в том случае, если они не связаны с применением какого-либо из указанных средств воздействия.

Протокол обязывает страны-участницы принять меры по расследованию и судебному преследованию торговли людьми, придавая особое значение международному сотрудничеству, по защите и содействию жертвам данного преступления, и, разумеется, принимать превентивные меры.

Сегодня большое значение приобретает определение формы торговли людьми, которая определяется в зависимости от вида криминальной эксплуатации, примененной к жертве. В зависимости от способа принуждения криминальная эксплуатация подразделяется на:

- а) физическое принуждение с применением насилия и/или с применением сильнодействующих наркотических средств, алкоголя, медицинских препаратов;
- б) экономическое принуждение в форме долговой кабалы или иной материальной зависимости;
- в) психическое принуждение путем шантажа, обмана, введения в заблуждение или угрозы применения насилия;
- г) юридическая зависимость в связи с усыновлением или опекуном, либо в связи с вступлением в брак без цели создания семьи;
- д) рабство или условия, сходные с рабством.

По содержанию деятельности жертв торговли людьми криминальная эксплуатация подразделяется на следующие виды:

- а) эксплуатация труда в сфере быта (домашнего и бытового обслуживания);
- б) эксплуатация труда в сфере производства, на сельскохозяйственных работах;
- в) эксплуатация в сфере преступного бизнеса (участия в вооруженных формированиях, в сфере производства незаконной продукции);
- г) эксплуатация лица в целях совершения действий сексуального характера;
- д) использование физиологических параметров человека для трансплантации органов и тканей;
- е) использование женщин в качестве суррогатных матерей.

Необходимо отметить и наиболее неприемлемые формы исследуемого явления. Торговля людьми составляет повышенную общественную опасность, в том случае, когда совершаемые действия:

- а) путем обмана, насилия, угрозы применения физического воздействия на территории государства назначения, используя беспомощное состояние человека (нелегальное положение, недееспособность, инвалидность или зависимое положение) принуждают к сексуальным действиям;
- б) организованы, то есть когда они совершаются человеком, который владеет в стране назначения борделем или другим предприятием, где вывезенные на работу люди находятся в личной или экономической зависимости;
- в) принуждают несовершеннолетних, то есть людей, не достигших восемнадцатилетнего возраста, заниматься проституцией;
- г) направлены на вовлечение детей в занятие проституцией или совершение иных действий сексуального характера;
- д) имеют целью извлечение органов и тканей из организма человека;
- е) совершаются в отношении лица, являющегося недееспособным в силу своего психического или физического состояния [7].

Существуют и иные формы торговли людьми, но в некотором роде они повторяют перечисленные нами [5].

Таким образом, современное общество давно обозначило проблему под названием «торговля людьми», определило существующие стратегии, приоритетные направления и проблемные области в создании эффективного межгосударственного контроля над этим преступным явлением, которое сегодня представляет серьезнейшую угрозу нормальному функционированию мирового сообщества. Но это вовсе не означает, что меры предупреждения должны оставаться на прежнем уровне, необходимо совершенствовать, в большей части, институт превентивного воздействия, который призван в корне изменить существующую неблагоприятную ситуацию, и в этом смысле не последнюю роль играет международное право.

Литература

1. United Nations, Treaty Series, vol. 96, No. 1342, p. 271
2. United Nations, Treaty Series, vol. 189, No. 2545.
3. United Nations Treaty Series, vol. 212, No. 2861.
4. United Nations Treaty Series, vol. 266, No. 3822.
5. Волобуев А.Ф. Криминалистическая классификация форм и способов торговли людьми // Публичное и частное право. № II (VI). – М: Издательство МПСИ, 2010. – С. 134-138.
6. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Российская газета. 1995. 12 апреля. № 5. – С. 21.
7. Морозов П.Е. Формирование правовых основ устранения торговли людьми в зарубежных странах // Вестник Пермского университета. 2011. Выпуск 3(13). – С. 183.
8. Нарочницкий А. Л. Международные отношения европейских государств с 1794 по 1830. – М., 1946. – С. 54.

УДК 340

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ ПО РУКОВОДСТВУ ПОЛИЦИЕЙ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА**

**ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN
EMPIRE FOR THE MANAGEMENT OF POLICE AT THE BEGINNING
OF THE XIX CENTURY**

*М.С. Дмитрян, преподаватель-методист учебно-методического отделения учебного
отдела Ставропольского филиала Краснодарского университета, г. Ставрополь
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
M.S. Dmitriyan, teacher-methodologist of educational and methodical part of training
department, Stavropol, Stavropol branch of the Krasnodar university of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
maria_police@mail.ru*

Аннотация: В статье излагается роль министерства внутренних дел Российской империи в руководстве деятельностью полиции. Прежде всего, его деятельность была направлена на решение ответственных задач построения единообразной полиции в масштабах всего государства.

The summary: In article the role of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the management of police activity is stated. First of all, its activity was directed on the solution of responsible problems of creation of uniform police in scales of all state.

Ключевые слова: полиция, Российская империя, функции, борьба с преступностью, Комитет, Устав.

Key words: police, Russian Empire, functions, fight against crime, Committee, Charter.

Министерство внутренних дел Российской империи является важнейшим звеном государственного аппарата, которое было создано в начале XIX века в ходе реформ. С момента своего образования министерство решало широкий круг вопросов, касавшихся различных сторон жизни страны: политической, экономической, общественной. Руководство полицией стало одним из основных направлений его деятельности. От министерства требовалось своевременное принятие необходимых мер по укреплению кадров и улучшения организационной структуры, ее реорганизации с учетом всех требований того времени.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период, деятельность министерства по поддержанию безопасности и правопорядка на всей территории империи не являлась первоочередной и осуществлялась наряду с хозяйственно-контрольными функциями, от выполнения правоохранительных функций ни кто его не освобождал.

Основными нормативными документами, регламентирующими организацию и деятельность полиции к началу XIX века были «Учреждения для управления губерний Российской империи» 1775 года [9] и «Устав благочиния» 1782 года [9]. Руководство над полицией министерство осуществляло в соответствии с Уставом благочиния 1782 г. Таким образом, согласно данному документу, в обязанности полиции входило борьба с преступностью по различным направлениям и обеспечение общественного порядка. В первую очередь речь идет об охране порядка в общественных местах (наружный контроль и надзор за обществами проявлениями, обеспечение безопасности движения, борьба с проституцией, пьянством, азартными играми).

В том числе деятельность министерства осуществлялась по следующим направлениям:

- обеспечение паспортного режима;
- контроль за печатью (цензура);
- предупреждение пожаров и борьба с ними;
- хозяйственный и санитарно-эпидемический надзор.

Последнее направление требует отдельного изучения, остановим свое внимание на охранительных функциях.

Министерство внутренних дел осуществляло наружный надзор на территории площадей, улиц, дворов домов и т.д. Говоря о деятельности по «наружной части» надо иметь в виду поддержание чистоты в общественных местах. Для наведения надлежащего порядка указом от 2 августа 1803 г. [9] были подтверждены положения ст. 270 Устава благочиния. Согласно положениям устава, городская полиция во главе с городничими осуществляла эту обязанность. Министром внутренних дел были направлены губернаторам циркуляры, определившие, что «наблюдение сие может иметь следующие предметы:

1. Чтобь не дозволять ни под каким видом обывателям засорять улицы свозом нечистот, отводя им для сего в отдаленности от города удобные места.
2. Чтоб не терпеть на самих дворах нечистот ярко вредных здоровью самих хозяев и обывателей вообще.
3. Чтоб улицы против каждого дома были чищены, а нечистоты отвозимы были в указанные полицией места.
4. Чтоб канавки, что есть по сторонам улиц, везде содержимы были в их надлежащем углублении и давали бы нужный исток...
5. Чтоб колодези были надлежащим образом чищены, не засоряемы и везде нужным возвышением огорожены для безопасности в случае падения.
6. Чтоб реки и источники, где в городах они протекают, ничем не были засоряемы.
7. Если гражданский губернатор усмотрит, что выше городов по течению рек и протоков построены какие-либо фабрики и заводы, чистоте

воды вредные, о таковых с подробным описанием качества из вины представлять министерству, а впредь таковых строить не дозволять» [3].

Деятельность полиции по осуществлению паспортного режима также регулировалась Уставом благочиния 1782 г., ст. 157 которого предписывала, что квартальный надзиратель «должен ведать о всех в квартале его ведомства живущих людях; чего ради хозяев домов, или их поверенные обязаны всегда давать знать квартальному надзирателю о всех к ним на житие приезжающие или приходящих, отъезжающих или отходящих» [7].

Контроль за передвижением населения в начале XIX века находился под особым вниманием самого монарха помимо руководства министерства и чинов полиции. С целью борьбы с использованием фальшивых документов и участившимся бегством крепостных Указ 1803 г. установил вместо письменных печатные паспорта для купцов, мещан и крестьян [9]. Особое беспокойство у правительства вызывала часть населения, которая прибывала в города, живя продажей своей рабочей силы.

Указ от 29 августа поручал Санкт-петербургскому военному губернатору повеление о введение штрафных санкций для хозяев домов, которые немедленно не заявили в полицию о своих постояльцах. Хозяева домов, дававшие пристанище беспаспортному или с просроченным паспортом облагался штрафом в размере 25 рублей за каждый день и за каждую ночь, с удвоением за каждые следующие сутки [6].

Указ от 18 декабря предусматривал и некоторые уступки провинившимся хозяевам. Первое число каждого месяца установили днем обязательной проверки полицией всех своих обывателей в проживающих домах. До их сведения доводили, согласно статье 4 Указа, что те из хозяев, кто, пропустив определенное время для сообщения о прибывших людях, после этого «добровольно и не более как, через 8 дней, объявит о том полиции» - заплатит только четвертую часть штрафа; кто же сделает такое добровольное признание «спустя положенного срока более 8 дней», но прежде установленной даты общей проверки – заплатит половину, кто же промедлит до проверки и такое «упущение открыто полицией будет», тот подвергается полному штрафу [6].

Император надеялся, что благодаря такому снисхождению к владельцам домов, они будут исполнять все предписания. Тем не менее, полиции не удалось добиться полного послушания со стороны обывателей.

В основном все внимание центрального аппарата сосредотачивалось на преступлениях политического характера. Данный факт подтверждается участием министерства внутренних дел в двух секретных комитетах. В их обязанности входило «сохранение всеобщего спокойствия и тишины граждан». Один из них был создан в сентябре 1805 г. – это Комитет высшей полиции в составе министров юстиции, внутренних дел и военно-сухопутных сил. Комитет создавался на время отсутствия императора в столице для координации действий по «сохранению общественного спокойствия и тишины» и «отвращения недостатка и дороговизны жизненных припасов в столице» [10].

В компетенцию вышеуказанного органа входил сбор и анализ сведений о людях, вызывавших особый интерес, об известиях, вызывавших тревогу и опасение и обо всех подозрительных переписках. Все эти сведения должны были поступать в Комитет от столичного обер-полицмейстера, а также от министра внутренних дел. В свою очередь, министр получает их от начальников губерний и Дирекции почт. Соответственно при поступлении данной информации комитет должен был принять меры по восстановлению. Новая война с Францией и необходимость принятия мер «для предупреждения пагубных замыслов внешних врагов государства» послужила поводом для создания другого Комитета в январе 1807 г. Вновь образуемый комитет в точности повторял инструкцию Комитета высшей полиции, однако при этом задачи были намного шире. В его компетенцию вошел широкий спектр проблем поддержания внутренней безопасности и «дела политического свойства:

1. О лицах, подозреваемых в переписке с неприятелем и зловерных разглашениях.
2. О разглашаемых слухах относительно восстановления Польши.
3. Возбуждение народа слухами относительно вольности крестьян.
4. О подозрения и изветах заговоров против Высочайшей особы Государя Императора.
5. Об оскорблениях особы Государя Императора и членов Императорского дома дерзкими и неприличными словами.
6. О государственной измене.
7. О распространяющих в народе ложные и вредные слухи по поводу военных событий.
8. Составление и распространение возмутительных воззваний, вредных сочинений.
9. О тайных обществах и запрещенных сходбищах.
10. О различных предоставляемых правительству проектах победы над неприятелем, расширения владений, открытия людей злонамеренных.
11. О лицах, выдающих себя или принимаемых за особ Высочайшей фамилии.
12. О преступлениях по службе.
13. О вредных книгах.
14. По подозрению в делании фальшивых ассигнаций.
15. О грозивших общественному благоприличию поступках разных лиц» [10].

Губернаторы информировали Комитет обо всех проводимых на местах следствиях и предоставляли в него на ревизию их материалы. Все материалы направлялись также в министерство внутренних дел. Таким образом, осуществлялся контроль над перепиской. В России в этот период времени был распространен такой вид преступления как фальшивомонетничество, поэтому в этом направлении велась также активная работа. Обо

всех случаях подделок докладывалось губернатору, а с 1802 года – министру внутренних дел.

Под руководством министерства в исследуемый период также проводились мероприятия по разоблачению шпионов. Усиливался контроль за книгопечатанием. С 1796 году цензура литературы была передана в ведение органов полиции. На Управы благочиния в начале XIX века были возложены цензурные функции, которые на основании указа 9 февраля 1802 года отвечали за выдачу разрешений на открытие типографий. Напечатанные книги должны были передаваться для просмотра. В России таким образом, вместо «предупредительной» стала вводиться «карательная» цензура, т.е. запрещение изданий, запрещение продажи, ликвидация тиража.

С 1804 г. с изданием Цензурного устава эта деятельность была передана министру просвещения, а за министром внутренних дел, и соответственно за полицией, остался лишь контроль за продажей книг. В обязанности полиции также входило ознакомление «книгопродавцев» с присылаемыми из МВД перечнями запрещенных изданий с получением от них письменного в том уведомления [2].

Необходимо упомянуть и об организации пожарной охраны. Это также входило в обязанности Управы благочиния. В исследуемый период со стороны министерства осуществлялась в основном координация деятельности по сбору сведений о наличии и состоянии «огнестрельных» орудий и численности пожарной команды.

Таким образом, говоря о деятельности министерства внутренних дел по обеспечению общественного порядка и борьбы с преступностью в исследуемый период, необходимо отметить, что, прежде всего она была направлена на решение задач построения единообразной полиции в масштабах всей страны. В повседневную деятельность полиции МВД практически не вмешивалось. Оно непосредственно участвовало в пресечение политических и других наиболее опасных преступлений. В лице министерства внутренних дел в этот период впервые в истории нашего государства был создан центральный общегосударственный орган управления полицией. Несмотря на то, что в изучаемый период средства связи не позволяли оперативно передавать информацию на большие расстояния, министерство контролировало и координировало деятельность местной полиции при ведении дел государственной важности.

Литература

1. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. / Н.П. Ерошкин, М., 1968. - 418 с.
2. Желудкова, Т.И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. /Т.И. Желудкова, М., 1977. – 31 с.
3. Ключевский, В.О. Император Александр I. / В.О. Ключевский, М., 1998. – 49 с.
4. Михеева, И.В. Российские министерства в XIX в. / Журнал российского права // И.В. Михеева. 2000. - № 4. - С. 155-162.

-
5. Оглоблина, О.Г. Историческое своеобразие эпохи Александра I (1801-1825 гг.) и его реформ / Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2001. - № 1. - С. 30-34.
 6. Собрание законов о полицейском управлении. № 114 С. 256-257.
 7. Собрание законов о полицейском управлении № 14. С. 81.
 8. Покровский, С.П. Министерская власть в России. /С.П. Покровский, Ярославль, 2001. - С. 213-231.
 9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 1 XX. № 14392.; Т. XXI. № 15379.; Т. XXVII. № 20881.; Т. XXVII. № 20595.
 10. Шильдер, Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование /Н.К. Шильдер, – СПб., 1897. Т. 2. С. 362-364., С. 367.

УДК 340

**НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ
SOME REFLECTIONS ON THE IMPROVEMENT OF THE RESPONSIBILITY
FOR TAX OFFENCES**

Истомин П.А. к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и защиты прав человека Ставропольского государственного университета

Istomin P.A. candidate of jurisprudence, associate Professor of the Department of the criminal process, criminalistics and protection of human rights of the Stavropol state University

e-mail :stavsu@stavsu.ru

Аннотация: Гуманизация действующего уголовного законодательства России наводит на мысль о пересмотре уголовной политики и внедрение в практику, особенно за экономические преступления, наказаний, не связанных с лишением свободы.

Summari: the humanization of the current criminal the legislation of Russia suggests the review of criminal policy and implementation in practice, especially for economic crimes, punishment, not connected with the deprivation of freedom.

Ключевые слова: гуманизация уголовного законодательства; применение рациональной социально-экономической политики; применение экономических санкций.

Key words: humanization of the criminal legislation; the application of a rational socio-economic policy; the application of economic sanctions.

Сегодня большая часть юристов, как теоретиков, так и практиков, склоняется к пониманию того, что положительных результатов в сдерживании преступности в стране можно достичь, с одной стороны, путём совершенствования законодательства и применением рациональной социальной политики, а, с другой стороны, посредством оказания положительного воздействия на личность правонарушителя. В тех социально-экономических условиях, в которых оказалась Россия в начале XXI столетия второй аспект может оказаться даже экономически менее затратным, но, с учётом гуманизации законодательства, более эффективным и продуктивным. Дело в том, что информация в обществе о назначенном наказании (особенно среди близких и знакомых) распространяется не в арифметической, а в геометрической прогрессии. И последствия применения судебных и иных санкций к нарушителю воздействуют в положительном ключе на неустойчивых граждан, склонных к совершению различного рода правонарушений. Хотя более строгие и жёсткие санкции далеко не всегда достигают указанных в уголовном законодательстве целей – восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений...

В современных сложных условиях глобализации экономики, проникновения к нам различного рода веяний (как положительных, так и отрицательных) со стороны Запада, российское общество и руководство всё острее начинает осознавать, что у нас, как и в развитых капиталистических странах, одним из важнейших условия поступательного развития экономики рыночных отношений является предпринимательство, развитие инициативы граждан, не связанных с плановой экономикой.

В своём учебнике по криминологии Д.А. Шестаков отмечает, что крупные и значительная часть средних предпринимателей сделали свой стартовый капитал противозаконным путём. Иное при мизерных материальных возможностях людей ушедшего советского времени было просто невозможно [1]. Пример оказался заразительным и в сферу предпринимательства, с целью скорейшего обогащения без приложения особого труда и знаний, ринулись лица, в большинстве своём не имеющие познаний ни в бухгалтерском учёте ни в налогообложении. Не имели они элементарных понятий и в области юриспруденции. То есть, она при всей своей заманчивости и привлекательности, была для них *terraincognita*.

Для широкомасштабного развития предпринимательства в условиях непрекращающихся и чередующихся экономических кризисов в мире, провоцируемых определённой группой крупнейших международных олигархов, в стране необходимо создавать соответствующие экономические, социальные и, самое главное, правовые условия, направленные на сохранение народонаселения и развитие его инициатив, консолидации и укрепления единства нации.

Экономист Г.Г. Бубнов пишет, что изменения в отношении собственности, приватизация, проводимая в несколько этапов, не дали сколько-нибудь реальных результатов. И параллельно отмечает, что сформировавшийся частный сектор в экономике не может развиваться из-за отсутствия необходимых инвестиций, нет разумного налогового кодекса, а также государственного регулирования. Частный сектор, *(который должен стать практически локомотивом развитой экономики, направленной на удовлетворение повседневных нужд граждан И.П.)* испытывает на себе политическую и экономическую нестабильность, отсутствие поддержки государства. [2]

В обществе переходного периода предпринимательская среда только ещё формируется, что существенно затрудняет организацию предприятия и успешную деятельность. Поэтому, когда речь идёт о развитии предпринимательства, то следует различать условия, которые создаются для успешной деятельности, во-первых, на уровне государства и, во-вторых, самими предпринимателями внутри предприятия. Однако, несовершенство законодательной базы, неприемлемые условия для предпринимательства порождают такие явления, как «теневая экономика» и бегство капитала из страны. Добавим от себя, что в современных условиях отсутствия в государстве чёткой и стабильной законодательной базы, поощряющей их деятельность, предоставляющей на начальном этапе развития налоговые льготы, предприниматели не заинтересованы также и в полной уплате налогов...

Неоднозначные подходы к определению экономической преступности, разнообразные криминологические термины и противоречивые концепции негативно сказываются на понятийном аппарате сотрудников правоприменительных органов, вводят их в сомнения и заблуждение, позволяют одни и те же законодательные понятия разным правоприменителям толковать по-разному. Это ещё раз подтверждает и в целом обвинительный уклон нашего уголовно-процессуального законодательства.

В своё время В.В. Колесников и С.В. Степашин предложили свою систему ключевых признаков экономической преступности, куда они включили следующие признаки:

1. Совершение преступлений в сфере предпринимательства (в сфере бизнеса) в рамках законной экономической деятельности или под ее прикрытием.
2. Совершение преступлений непосредственно в процессе экономической (предпринимательской) деятельности, в ее границах и пределах компетенции.
3. Совершение преступлений субъектами экономической деятельности, субъектами предпринимательства (бизнеса).
4. Использование криминальных методов присвоения экономических благ в процессе осуществления экономической деятельности, паразитирование на хозяйственно-правовых условиях, воспроизводимых официальной (разрешенной) рыночной экономической средой.
5. Специфичность и множественность объектов посягательства.
6. Массовость и типичность преступлений.
7. Скрытность преступных деяний.
8. Корыстный характер преступлений.
9. Ненасильственный характер преступлений.
10. Преимущественно умышленный характер преступлений.
11. Мошеннический характер многих преступных деяний.
12. Виктимо-анонимность, отсутствие персонификации жертв.
13. Отсутствие прямого контакта с жертвой.
14. Высокий социальный статус предпринимателей в обществе, на котором паразитируют бизнесмены-делинквенты; имидж бизнесмена служит им прикрытием для осуществления преступной деятельности.
15. Феномен безразличного, индифферентного отношения общества к экономической преступности и экономическим делинквентам. [3]

Многие криминологи, изучавшие налоговую преступность (Б.В. Волженкин, А.П. Зрелов, М.В. Краснов, И.И. Кучеров, Н.А. Лопашенко, Т.В. Пинкевич, И.Н. Соловьёв), отмечают повышенный интеллектуальный уровень данной категории граждан по сравнению с грабителями, насильниками, ворами и убийцами. Поэтому, по-видимому, согласно статистике, из ста уголовных дел, возбуждённых работниками правоохранительных органов, до суда доходит только десять. А осуждённым по этим составам оказывается только один из десяти. Сколько же правонарушений налоговой направленности остались вне статистического учёта, не знает практически никто.

В то же время многие специалисты, как у нас, так и за рубежом, критикуют наше и уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, где за преступления небольшой и средней тяжести предусмотрены достаточно суровые санкции и где можно обойтись более мягким, но в то же время, действенным, наказанием.

Применение жёстких наказаний к этой категории граждан (предпринимателей), в том числе и лишения свободы, не может привести к желаемым результатам по многим причинам. Данная категория, как правило, имеет определённое положение в обществе. Изъятие виновного из привычной среды становится трагедией и для него, и для окружающих. Помещение его в «места не столь отдалённые», с учётом царящих там специфических «законов», воспитывает отнюдь не законопослушание, а, наоборот, отрицание законов государства и подчинение «закону силы и авторитета».

Говоря о развитии мировых тенденций в криминологии в конце XX века, профессор Д. А. Шестаков ссылается на мнение Г. Е. Пепински, который полагает, что наказание человека только способствует конфликту. Вместо насилия в обществе, и без того построенном на насилии, когда общественной реакцией на насилие и конфликт является конфликт и насилие, исходящее от государства в виде уголовных санкций, таких, как смертная казнь или лишение свободы, необходимо снижение уровня насилия, реагирование на насилие посредством примирительных, посреднических мер, мирного разрешения споров. Отказ от насилия этот автор связывает с демократией, децентрализацией, равноправной социальной структурой [1]. Не говоря уже о проблемах доказывания совершения уклонения от уплаты налогов как физическими, так и юридическими лицами (в УК РФ они названы «организации»), необходимо параллельно остановиться на санкциях этих статей. И в одной и в другой статье одной из разновидностей наказания указано лишение свободы. Если в статье 198 УК РФ санкция в виде лишения свободы указана (максимально) до трёх лет, то в статье 199 УК санкция в виде лишения свободы может быть назначена на срок до шести лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет. Применяя к лицам, совершившим такие преступления иные санкции, в виде исправительных работ или штрафа, без лишения свободы, принудив его полностью уплатить установленные налоги и пени, государство добилось гораздо больших результатов. Авторитет его от применения в этом случае «слабых» санкций несколько бы не уменьшился.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что уголовно-правовое регулирование налоговых отношений должно иметь исключительный характер. У государства в настоящее время имеется достаточно широкий набор средств и методов принуждения граждан к соблюдению законодательства. Нет необходимости «стрелять из пушки по воробьям», когда к нарушителям налогового законодательства можно (и нужно) применять другие менее затратные и угрожающие, но не менее эффективные меры воздействия. Касается это, в первую очередь, штрафных санкций и запрета заниматься определённой деятельностью. Причём, штрафные санкции в рамках административно-правового порядка и налогового законодательства должны быть установлены не в твёрдой

денежной сумме, а соответствовать сумме, кратной размеру причинённого ущерба, так, как это закреплено в антикоррупционных санкциях законодательства. Особенно это, на наш взгляд, применимо к нарушителям - физическим лицам, указанным в статье 198 УК РФ. Не последнюю роль в борьбе с уклонением от уплаты налогов может играть и конфискация имущества в счёт уплаты налоговой задолженности. По нашему мнению, в условиях стабилизирующихся экономических отношений это будет достаточно действенный и эффективный (а, возможно, и устрашающий) рычаг государства по укреплению своего авторитета и налоговой дисциплины в обществе.

Литература

1. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Предисл. В.П. Сальникова. – СПб: Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 214.
2. Бубнов Г.Г. Предпринимательство и его роль в экономическом возрождении России (вопросы теории). Дисс. д-ра.экон. наук. М., 2002. С.3.
3. См.: Колесников В.В., Степашин С.В. Экономическая преступность в современном рыночном хозяйстве // Криминология XX век / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб., 2000. С. 334 – 337; Колесников В.В., Степашин С.В. Экономическая преступность // Частная криминология / Отв. ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2007. С. 61.

УДК 340

**РОЛЬ ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1922 ГОДА И МЕЖДУНАРОДНЫХ
КОНФЕРЕНЦИЙ 20-30 ГГ. XX ВЕКА В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
ФИНАНСОВОГО ПРАВА**
**THE ROLE OF THE 1922 GENOA CONFERENCE AND OTHER INTERNATIONAL
CONFERENCES OF 20-30 YEARS OF THE XX-TH CENTURY IN THE EVOLUTION
OF THE INTERNATIONAL FINANCIAL LAW**

М.Е.Косякова, РПА МЮ РФ (филиал г. Ростов-на-Дону)
M.Kosyakova, The Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation
(the branch of the Rostov-on-Don)
e-mail: puta_1990@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу вклада международных финансовых и экономических конференций 20-30-х гг. XX века в формирование и развитие отдельных норм, принципов, институтов международного права, ставших в последующем частью международного финансового права. Особое место в этом процессе в указанный исторический период заняла Генуэзская конференция 1922 года, которая проложила дорогу в глобальную финансовую систему национальным валютам ведущих развитых стран мира.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the contribution of the international financial and economic conferences of 20-30-s' of the XX-th century in formation and development of the norms, principles, institutes of the international law institutions which have become in subsequent part of the international financial law. The special place in this process during the specified histories, period it was occupied by the Genoa conference of 1922 which has cleared the way in a global financial system for nations currencies of the leading developed countries of the world.

Ключевые слова: Международный монетный союз, Парижская валютная система, институт валютных курсов, институт поддержания платежных балансов, Генуэзская конференция, золотодевизный стандарт, суверенное право государства на эмиссию денег и других финансовых инструментов, международные обычаи.

Keywords: the International monetary union, the Paris monetary system, institute of rates of exchange, institute of maintenance of balances of payments, the Genoa conference, gold-devises' standard, the State' sovereign right for the money and other financial instruments emission, the international customs.

В современной российской и зарубежной правовой и экономической литературе распространено мнение, что глобальная валютно-финансовая система была юридически оформлена в XX веке - на Бреттон-Вудской конференции 1944 года, а затем лишь

подверглась незначительной корректировке на сессии Временного комитета Международного валютного фонда в 1976 году[1].

Однако следует иметь в виду, что Бреттон-Вудская система явилась логическим следствием развития предыдущих событий, уходящих корнями в первую половину XX века и даже во вторую половину XIX века.

Именно в XIX веке назрела и была интернационализована проблема соотношения одной валюты по отношению к другой в целях обеспечения международной торговли. Для международно-правового регулирования торговли европейские государства заключили между собой двусторонние торговые договоры[2]. А вот в валютно-финансовой сфере преобладали односторонние действия государств. В мировой экономике доминировала Англия, которая продвигала на роль мировой валюты английский фунт стерлингов, для чего в 1816 г. односторонним актом ввела конвертирование фунта стерлингов в золото, став родоначальницей золотомонетного стандарта.

Политическая и правовая позиция Англии столкнулась с торговыми и финансовыми интересами Франции, поскольку Франция также претендовала на роль лидера в Европе, в том числе в финансово-экономической сфере[3]. Англия обеспечивала свои интересы путем высвобождения частной инициативы и рыночных законов, Франция - через усиление вмешательства государства. В валютно-финансовой сфере это выразилось в создании под эгидой государства (центрального банка) новых французских банков.

В позиции Британской империи отразились особенности англо-саксонской правовой школы; в позиции Франции - особенности романо-германской школы. На цивилизационные различия правовых школ в международном праве позднее обратил внимание известный английский юрист-международник Л.Оппенгейм[4].

В рамках своих устремлений Франция инициировала создание в 1865 году международной организации - Международного монетного союза, в которую вошли также Бельгия, Италия, Швейцария, а позднее и Греция. Целью Союза была унификация правил чеканки золотых и серебряных монет, поддержание устойчивого денежного обращения. В обращение свободно допускались два вида монет - из золота и серебра[5].

Согласно положениям учредительного акта, соответствующие учреждения государств-участников были обязаны принимать для осуществления расчетов и платежей как золотые, так и серебряные монеты.

Латинский монетный союз стал первой в истории международной организацией, созданной с целью многостороннего решения проблемы состыковки национальных валют друг с другом. Это был переход от двустороннего метода решения проблемы международно-правовыми средствами к многостороннему.

В 1867 году Наполеон III созвал валютную конференцию, объединившую на этот раз уже 20 наиболее заинтересованных государств. На конференции было решено, что основным валютным стандартом будет золотая монета (золото как единственная форма «мировых денег»).

В 1868 году в Вене было подписано соглашение, положениями которого французский франк был выбран в качестве международной платежно-расчетной единицы в экономических взаимоотношениях государств-участников. Французский франк стал вытеснять английский фунт стерлингов на европейском пространстве.

Основные положения, о которых договорились государства - участники Парижской валютной системы (Латинского монетного союза), сводятся к следующему[6]:

- каждая национальная валюта получала золотое содержание, т. е. как бы «привязывалась» к определенному количеству золота, что позволяло сравнивать одну валюту с другой для нужд международных расчетов и платежей, прежде всего в международной торговле;
- национальные валюты должны были свободно конвертироваться в золото; таким образом, валютные курсы были «плавающими», т. е. устанавливались на основе спроса и предложения – в условиях честной конкуренции на валютном рынке;
- государства и банки создавали свои резервы из золота, которые должны были служить для конвертации денег в золото по желанию предъявителя.

Государства - участники Парижской валютной системы выравнивали свои платежные балансы за счет золота. Большинство европейских государств, а также США, Япония, Россия перестроили свои валютные системы на золотомонетный стандарт[7].

Период истории сообщества государств между Первой и Второй мировыми войнами характеризуется, с точки зрения международного экономического правопорядка, тремя обстоятельствами: во-первых, ведущие государства интенсивно восстанавливали свою экономику в условиях обострения экономической конкуренции и подготовки к новой войне; во-вторых, в 1929-1933 гг. имел место первый мировой экономический кризис, спровоцированный биржевым крахом и последовавшей затем так называемой Великой экономической депрессией в Соединенных Штатах Америки; в-третьих, западные государства предприняли усилия по экономическому удушению Советской России[8]. Эти обстоятельства сопровождались развитием международно-правовой системы как в нормативном, так и в институциональном плане, а также проявили недостатки международно-правового регулирования, в частности, в глобальной финансовой сфере.

В этот период Великобритания теряла свою экономическую гегемонию, а Франция стала играть роль мирового ростовщика; Великобритания осуществляла промышленные инвестиции, Франция активно предоставляла займы другим государствам. США оказались главным выгодоприобретателем от мировой войны, превратившись в страну-кредитора, экономического лидера в западном мире. Между Великобританией, Францией и США развернулась борьба за право считаться мировым финансовым центром. Большинство государств перешло на бумажные деньги, что породило новые проблемы. Об интенсивности взаимодействия государств в международных финансово-экономических вопросах говорит тот факт, что в 20-30-е гг. XX века ведущие европейские государства несколько раз инициировали проведение многосторонних конференций по решению соответствующих проблем.

Так, страны Антанты в целях изоляции Советской России, используя ее тяжелое положение, отказались принимать российское золото в оплату товаров, которые были необходимы стране в связи с разразившимся голодом. В 1921 году в Брюсселе была созвана конференция для решения вопросов развития отношений между Советской Россией и европейскими странами, в том числе по вопросам оказания помощи голодающим российского Поволжья. Однако в ответ на помощь и восстановление торговли западные страны потребовали, чтобы Россия признала царские долги и открыла экономику для западных компаний под жестким иностранным контролем. Разрушенная и ослабленная страна пойти на такие условия не могла, поэтому в дополнение к «золотой блокаде» государства Антанты применили «кредитную блокаду» России - отказали ей в кредитах, требовавшихся для восстановления экономики [9]. Подобные действия представляли собой попытку государственного финансово-экономического шантажа и свидетельствовали о крупных пробелах в международно-правовом обеспечении равноправных и справедливых отношений между государствами. Оценка резолюций Брюссельской конференции была дана в дипломатической ноте российского правительства от 28 октября 1921 года[10].

Этапным событием в развитии международных финансовых отношений и международного финансового права явилась Генуэзская конференция по экономическим и финансовым вопросам, созванная в апреле-мае 1922 года. Инициировали подготовку и созыв конференции Великобритания и Франция, а в ее работе приняли участие представители около 30 государств.

Подготовка к Генуэзской конференции велась в январе 1922 года на Каннской конференции во Франции. В резолюции конференции содержался параграф, в котором за «каждой нацией» признавалось «право избирать для себя ту систему, которую она предпочитает», что было расценено в России как признание двух систем собственности - частной и «общенародной» (государственной)[11].

Другие положения резолюции Каннской конференции касались России и Германии. От России по-прежнему требовали признать все долги и обязательства предыдущих (царского и Временного) правительств; вернуть иностранным инвесторам национализированную собственность и дать гарантии в отношении иностранного капитала, а точнее - предоставить иностранному капиталу широкие льготы, фактически ввести в стране «режим капитуляций»; отказаться от монополии внешней торговли. Германии предоставлялась отсрочка по репарационным платежам.

Согласованная европейскими государствами на Каннской конференции позиция явилась основой для переговоров на Генуэзской конференции[12]. «Русский вопрос» стал главным, хотя официальная повестка состояла в принятии мер по экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы.

Российское правительство создало специальную комиссию по подсчетам задолженности царского и Временного правительств и исчислению убытков, нанесенных интервенцией западных стран на территории России в 1917-1922 гг. Общая сумма

российских долгов составила около 18,5 млрд. золотых рублей; убытки, понесенные Россией от интервенции, - 39 млрд. золотых рублей[13].

Позиция России заключалась в том, чтобы все долги по военным кредитам, взятым предыдущими правительствами, были аннулированы вместе с процентами. Довоенные долги Россия готова была признать. Кроме того, Россия выразила готовность предоставить бывшим иностранным собственникам российские предприятия в аренду или в концессию. Взамен Россия просила кредиты, потребовала юридического признания нового - Советского - государства, а также предложила широкое сотрудничество, в том числе экономическое, на основе принципов равноправия, взаимной выгоды, сотрудничества. Это была программа мирного сосуществования двух экономических систем, противопоставленная программе западных стран по ликвидации «мирными средствами» советской власти в России. Все предложения России были отклонены, а «русский вопрос» было решено рассмотреть на отдельной - Гаагской - конференции в июне-июле 1922 года.

На Гаагской конференции стороны повторили свои позиции, и переговоры зашли в тупик. Россия в дополнение к предыдущим идеям выразила готовность в каждом конкретном случае обсуждать вопрос о компенсациях иностранным собственникам национализированных российских предприятий, но по-прежнему жестко отвергала требования реституции[14]. Гаагская конференция закончилась ничем. Линия Великобритании на создание единого фронта против России возобладала. Возрожденная Россия могла явиться серьезным конкурентом на хлебном и нефтяном рынках; ослабленная и контролируемая Россия становилась источником дешевых ресурсов.

На Генуэзской конференции среди прочих был создан финансовый комитет, который обсуждал специальные вопросы международных финансовых отношений. Финансовый комитет выработал рекомендации, положенные в основу соответствующей резолюции. Суть решений в целях нормального функционирования мировой финансовой системы сводилась к следующему:

- частично восстановить обратимость национальных валют в золото (только в виде слитков, что изымало золото из внутреннего денежного обращения)
- накапливать и выражать валютные резервы не только в золоте, но и в конвертируемой валюте, т. е. в валюте, которую можно обратить в золото (что позволяло странам, лишившимся золотых запасов, участвовать в международной торговле); этим решением за другими - конвертируемыми - валютами признавалось свойство (функция) средства накопления, международного средства платежа. Это и стало началом нового этапа развития международной финансовой системы - системы «золотодевизного стандарта».

Все это, с одной стороны, свидетельствовало об усилении государственного вмешательства в международные финансовые отношения, а с другой - открыло дорогу доллару США как наиболее стабильной валюте в международную торговлю, в государственные резервы, т. е. для последующей финансовой экспансии. По итогам Генуэзской конференции был восстановлен режим свободного колебания валютных курсов.

В письменной форме ни одна национальная валюта не получила статуса резервной, статуса мирового платежного средства. По факту такой статус постепенно приобретал доллар США. Не свидетельствует ли это о том, что на основе решений Генуэзской конференции зародился международно-правовой обычай (неписаная норма), в соответствии с которым доллар США превратился в мировые - наднациональные - деньги? Если учесть, что помимо практики присутствует и убежденность в обязательности такой нормы (*opinio juris*)[15], то можно дать утвердительный ответ на поставленный вопрос. Великая депрессия в США привела к падению цен на внутреннем рынке, банкротству предприятий и банков, ослаблению внутренних денежно-кредитных систем. США отменили конвертацию доллара в золото (как и многие другие государства). В сферу международного взаимодействия вышли центральные банки ведущих стран. В 1930 году была образована международная организация центральных банков - Банк международных расчетов (БМР).

В мировой финансовой системе началось формирование валютных блоков и зон. В результате выявились валюты, претендующие на роль глобальных (мировых, наднациональных). Зависимые валюты привязываются к такой валюте, т. е. выстраивают по отношению к ней свои валютные курсы. В этом случае международные расчеты в валютном блоке осуществляются в доминирующей валюте, валютные резервы зависимых стран часто находятся в стране-гегемоне; обеспечиваются зависимые валюты векселями и государственными облигациями страны-гегемона.

К середине 30-х гг. XX века образовались зоны фунта стерлингов и доллара США. Франция вела борьбу за контроль над финансовыми отношениями в зоне валют, еще привязанных к золоту, пытаясь создать и сохранить «золотой блок». Стараясь вырваться из мирового финансово-экономического кризиса 1929-1933 гг., США и европейские страны начали девальвировать свои валюты, чтобы сделать национальные товары на международном рынке более конкурентоспособными и через внешнюю торговлю подтолкнуть внутреннее производство. Конкурирующая девальвация - это прием, сопоставимый с нечестной конкуренцией в международной торговле.

Таким образом, Генуэзская конференция политически и юридически закрепила расклад сил в международной финансовой системе: три государства претендовали на господство в глобальной финансовой сфере, каждое из них получило под свой контроль некое финансовое пространство и определенный простор для дальнейших маневров.

В 1927 году по инициативе Великобритании состоялась многосторонняя Женевская конференция министров иностранных дел ряда европейских стран и Японии с целью укрепления антиросийского фронта, однако конференция окончилась фактически безрезультатно.

В 1930-1931 гг. дипломатическая и политико-правовая активность государств в международной системе вылилась в проведение Женевских конференций по унификации вексельных и чековых законов в государствах мира. В результате были приняты многосторонние международные конвенции, регламентирующие порядок применения в платежном обороте векселей и чеков[16].

В июне 1933 года в Лондоне под эгидой Лиги Наций состоялась Всемирная экономическая конференция[17]. Ставилась цель - согласовать план действий по оживлению мировой экономики, стимулированию международной торговли, стабилизации цен на сырье и восстановлению золотого стандарта. Соединенные Штаты отказались связывать руки какими-либо коллективными решениями, поскольку проводили самостоятельный «новый курс» в национальной экономике, и конференция завершилась без особых успехов. Этот шаг был воспринят как сигнал «спасаться самостоятельно»; США принесли общий порядок в международной системе в жертву эгоистичным национальным интересам. Как итог в мире возросли торговые барьеры, начались девальвации национальных валют, усилилась политическая нестабильность, а

Германия окончательно взяла курс на перевооружение страны и авторитаризм. В ходе Лондонской конференции встретились главы центральных банков Европы и США. Обнаружилось кардинальное различие в подходах: европейские центробанки выступали за возврат золотого стандарта, а США - против любой фиксации валютных курсов (поскольку в рамках «но-нэго курса» президента Рузвельта планировали «играть» на курсах в своих интересах).

Таким образом, стало очевидным, что правила в международной финансовой системе могут создаваться только двумя «игроками» - Европой и США. Если их воля совпадает - рождается норма, если нет - государства «продавливают» свои национальные интересы силой, часто силой экономической, финансовой.

На основе анализа указанного исторического периода в жизни мирового сообщества и итогов работы ряда международных конференций можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, мировой финансово-экономический кризис (известный в США как Великая депрессия) привел к усилению государственного вмешательства не только в экономику вообще, но и в финансовую сферу в частности. Усилилась роль государства не только во внутренних, но и в международных финансовых отношениях. Межгосударственное взаимодействие в международной финансовой системе стало принимать все более сложные формы. В 20-30-е гг. XX века государства активно использовали такой метод принятия коллективных решений и выработки норм на многостороннем уровне, как международные экономические и финансовые конференции. Эти конференции постепенно развивали механизмы международно-правового и неправового регулирования международных финансовых отношений.

Мировой финансово-экономический кризис 1929- 1933 гг. во многом схож с финансово-экономическим кризисом 2008-2010 гг., однако первый подготовил почву для укрепления международного статуса доллара США; второй - объективно готовит почву для ослабления роли и статуса доллара США в международной финансовой системе.

Во-вторых, всеобщий переход государств на бумажные деньги во внутреннем и международном оборотах расширил содержание государственного суверенитета в финансовой сфере: государству принадлежит суверенное право на эмиссию денег не только в форме монет, но и в форме бумажных денег; государства вправе самостоятельно

устанавливать курсы национальных валют по отношению к иностранным валютам или не устанавливать такие курсы (если иное не вытекает из их международных обязательств). Большая часть подобных правил сложилась и существовала как международно-правовые обычаи.

В-третьих, в 20-30-е гг. XX века западные государства осуществляли практические действия, которые были нацелены, среди прочего, на формирование соответствующих новых международно-правовых норм - писаных и / или неписаных. К такой практике можно отнести требования со стороны европейских стран к России о реституции в связи с национализацией иностранной собственности в нашей стране. Противодействие России данным требованиям не в последнюю очередь послужило основанием для закрепления права государства на национализацию иностранных предприятий (при условии адекватного возмещения).

Западные страны применили широкий набор финансово-экономических «санкций» по отношению к России - от платежно-расчетной до кредитной блокады. Позиция России, по сути, не позволила легитимизировать подобные меры. Принцип сотрудничества государств, в том числе экономического, предполагает исключение подобных мер из международной практики.

В-четвертых, в течение многих десятилетий Россия отказывалась возвращать кредиты, взятые царским правительством, но в итоге, тем не менее, проблему возвращения долгов пришлось развязывать уже в постсоветское время. Можно считать сложившимся в международном финансовом праве принцип возврата взятых кредитов, погашения государственных долгов: если кредит взят, сумма кредита должна быть возвращена на согласованных условиях; если долг имеет место, его следует погасить.

В-пятых, практика международного общения в финансовой сфере в 20-30-е гг. XX века подготовила к жизни некоторые новые формы решения проблем. Так, конференция кредиторов России, созванная в Париже в 1922 году, фактически стала прообразом возникшего позднее на постоянной основе в качестве международной параорганизации Парижского клуба кредиторов.

В-шестых, из всех международных экономических и финансовых конференций указанного периода наиболее важной по своим последствиям была, конечно же, Генуэзская конференция 1922 года. Решения конференции явились некими полумерами: с одной стороны, конференция выразила волю государств-участников на сохранение старой системы «золотого стандарта», хотя и в несколько измененном виде (возможность обращения национальных валют не в золотые монеты, а в золото в слитках); с другой стороны, за конвертируемыми валютами признавалась функция быть платежным средством в международных расчетах - таким же, как золото; валютные резервы государств стало возможным пополнять такими валютами, а не только золотом. В результате платежно-расчетный инструментарий расширился, международная финансовая система стала более гибкой.

Решения Генуэзской конференции положили начало новому этапу в развитии международной финансовой системы - этапу «золотодевизного стандарта». С этого

момента доллар США стал конкурировать с фунтом стерлингов и французским франком за статус мировой (глобальной, наднациональной) валюты. Дорога к этому статусу прокладывалась неюридическим путем, но в итоге сложился, как представляется, международно-правовой обычай, закрепивший статус доллара США как мировой, наднациональной валюты.

В-седьмых, именно в этот период и под влиянием финансово-экономического кризиса 1929-1933 гг. произошла глобализация кредитной системы. Национальные банковские системы, выходящие на центральные банки, получили свою институциональную площадку - Банк международных расчетов (БМР). БМР стал организацией, в рамках которой началось управляемое, скоординированное, многостороннее воздействие на международную банковскую систему.

В-восьмых, обнаружился ряд серьезных пробелов в международном финансовом праве. Так, конкурирующая девальвация национальных валют, к которой прибегали государства, особенно в период финансово-экономического кризиса, представляет собой эквивалент нечестной торговой практики (в данном случае это - нечестная финансовая практика). Международно-правовых норм, касающихся управляемой (намеренной) девальвации, в то время еще не было.

В-девятых, Женевские конференции 1930 и 1931 гг., а также вексельные и чековые конвенции свидетельствуют о том, что и в международной финансовой системе международно-правовое регулирование смещается в сторону внутренних правовых режимов: международное право во всё большей степени начинает регулировать отношения между государствами по поводу их внутреннего законодательства, в данном случае - законодательства, касающегося векселей и чеков. Эта тенденция в последующем охватила и другие стороны внутреннего права (например, вопросы борьбы с отмыванием преступных доходов).

Золотом оплачивалось лишь пассивное сальдо баланса международных расчетов той или иной страны.

Привязка национальных валют к золотому стандарту вновь поднимает вопрос об экономическом (финансовом) суверенитете государств[18]. С одной стороны, чеканить монеты (выпускать деньги), менять их форму, наполнение / содержание - это суверенное право государства, вытекающее из международно-правового обычая. При этом набор правоотношений, находящихся в сфере действия данного обычая, расширяется: так, помимо чеканки монет, в состав суверенных прав государства входит и печатание бумажных денег, использование в обороте таких финансовых инструментов, как чек, вексель и др.

Окончательно дорогу доллару США в глобальную валютно-финансовую систему проложила Бреттон-Вудская конференция 1944 года, однако управляемая экспансия доллара началась задолго до нее.

Литература

1. Альтшулер А.Б. Международное валютное право. - М., 1984. - С. 134 и след.; Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. - М., 2002. - С. 455 и след.; Корнелиус Лука. Торговля на мировых валютных рынках. - М., 2004. - С. 33 и след.
2. Лойберг М.Я. История экономики. - М., 1997. - С. 57.
3. История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. - М., 2006. - С. 283, 302.
4. Оппенгейм Л. Международное право. - М., 1948. - Т. I. - С. 70-71.
5. Финансово-кредитный словарь. - М., 1996. - Т. II. - С. 151.
6. Хасбулатов Р.И. Мировая экономика. - М., 2001. - Т. II. - С. 524-525; Энг М.В., Лис Ф.А., Мауер Л.Д. Мировые финансы. - М., 1998. - С. 24-26; Финансово-кредитный словарь / Под ред. В.Ф.Гарбузова. - М., 1984. - С. 442- 443; Mann F.A. The legal aspect of money. - Oxford, 1992. - P. 3-29.
7. Борисов С.М. Золото в современном мире. - М., 2006. - С. 5; Экономическая история России в XIX-XX вв.: современный взгляд / Под ред. В. А.Виноградова. - М., 2000. - С. 59-60.
8. История мировой экономики. - С. 438 и след.; Roche J.-J. Relations Internationales - Paris, 2001. - С. 34.
9. Финансово-кредитный словарь / Под ред. В.Ф.Гарбузова. - Т. 1. - С. 139, 437.
10. Документы внешней политики СССР. - М., 1961. - Т. 4. - С. 445-448.
11. Ленин В.И. Поли.собр. соч. - М., 1970. - Т. 45. - С. 192-193.
12. Иванов Л. Международные конференции и договоры: Краткий справочник. - Харьков, 1933; Генуэзская конференция 1922. Материалы Генуэзской конференции. - М., 1922; Документы внешней политики СССР. - Т. 5.
13. Финансово-кредитный словарь / Под ред. В.Ф.Гарбузова. - Т. 1. - С. 139.
14. Штейн Б.Е. Гаагская конференция. - М., 1922.
15. Словарь международного права. - М., 1992. - С. 128, 241.
16. Международное частное право: Сборник нормативных актов / Сост.: Г.К. Дмитриева, М.В.Филимонова. - М., 2007. - С. 288 и след.
17. Розенблюм Б.Д. Международные экономические конференции и соглашения - 1933-1935 гг. - М., 1937. - Ч. II. - С. 181 и след.
18. Карро Д., Жюйар П. Указ. соч. - М., 2002. - С. 453 и след.; Carreau D. Souverainete et cooperation monetaire internationale. - Paris, 1970. - P. 21-107.

УДК 34.04

**ИДЕЯ ПРАВОВОГО ПРОГРЕССА В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ.
THE IDEA OF THE PROGRESS IN LAW IN ANCIENT GREECE.**

*Куликов А.Е., г. Таганрог, Открытое акционерное общество Таганрогский
Котлостроительный Завод «Красный котельщик», юрист-консульт.
Alexander E. Kulikov, Taganrog, PJSC TKZ «Krasny Kotelshchik», lawyer.
e-mail: A.Kulikov@tkz.su*

Аннотация. В данной статье дается ретроспективный анализ развития идеи правового прогресса в период античности. Изучая труды трех выдающихся мыслителей эпохи, автор находит в них истоки идеи правового прогресса.

Annotation. The present article focuses on the retrospective analysis of the development of the idea of the progress in law in ancient times. When studying the works of three distinguished philosophers of the epoch, the author finds the routes of the idea of the progress in law.

*Ключевые слова: правовой прогресс, античность, Сократ, Платон, Аристотель.
Keywords: progress in law, ancient times, Socrates, Plato, Aristotle*

Идея прогресса в западноевропейской философской мысли начинает формироваться еще в период античности. Однако, первоначально размышления об изменениях, происходящих с человеком, обществом и миром в целом носили чисто оценочный характер. Философы натуралистического периода не рассматривали категорию прогресса.

Впервые, вопрос необходимости совершенствования поднимается Сократом, который концентрирует свое внимание на проблеме сущности человека. Сущность человека Сократ видит в его душе, под которой он понимает разум, мыслящую активность и нравственно ориентированное поведение[1]. Размышляя о душе, Сократ отмечает, что высшей задачей является ее «взращивание». В «Апологии» Сократ призывает «заботиться раньше и сильнее не о телах ваших или о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше», старается убедить каждого «не заботиться о своих делах раньше и больше, чем о себе самом и о том, чтобы самому стать как можно лучше и разумнее»[2]. Таким образом, мы видим, что Сократ поднимает проблему совершенствования души человека, его разума. Достижение же совершенства, по Сократу, происходит через добродетель, под которой он понимает знание.

Идея прогресса также прослеживается в диалоге Сократа с Евфидем о воздержанности, которую он считает наилучшим проявлением превосходства разума. Согласно Сократу, в любых ситуациях человек должен добиваться контроля над собой и своими страстями. Он ставит перед человеком новую задачу – победу над «внутренними врагами». Высшей целью является достижение полной самодостаточности, внутренней свободы.

Учение Сократа о добродетелях распространяется также и на его политико-правовые взгляды. Так, искусство управления полисными делами он считал наиболее высшей и важной добродетелью[3]. Однако добродетелью является не всякое управление, а только то, которое осуществляется на основе знания. «Цари и правители, не те, которые носят скипетр или избраны кем попало или получили власть по жребию или насилем или обманом, но те, которые умеют управлять»[4]. Сократ в равной мере критикует все существующие политические режимы. Его политический идеал строился на принципе компетентности в управлении полисом.

Таким образом, Сократ указывает на необходимость достижения совершенства не только каждым конкретным человеком, но и на то, что в совершенствовании нуждается и афинская демократия.

Существование государства по Сократу невозможно без законов, которые отождествляются им со справедливостью. «Что законно, то и справедливо» - цитирует Сократа Ксенофорт. Безусловное и повсеместное соблюдение гражданами полисных законов являлось одним из обязательных условий для процветания государства. «Государство, в котором граждане наиболее повинуются законам, и в мирное время благоденствует и на войне неодолимо»[4].

Однако, критическое отношение Сократа к существующему в Афинах политическому режиму, а так же к компетентности должностных лиц и народного собрания, позволяет сделать вывод, что отождествление законного и справедливого, и повсеместное соблюдения гражданами полиса законов является скорее желаемым, чем реальным состоянием дел. Следовательно, в данном случае мы имеем дело не с констатацией действительности, а с четко сформулированной идеей правового прогресса государства.

Идея правового прогресса также получила развитие и в трудах самого известного из учеников Сократа – Платона. Как и его наставник, Платон в первую очередь обращает внимание на человека. В своих знаменитых диалогах «Федон», «Горгий», «Филеб» и др. философ утверждает, что задача человека заключается в том, чтобы преодолеть свое несовершенство, стремиться понять высшие ценности бытия, очистить свою душу от греховных страстей[5]. Согласно Платону, каждый человек находится в непрерывной борьбе с самим собой, и «победа над самим собой есть первая и наилучшая из побед»[6].

Прогрессистские тенденции также прослеживаются в учениях Платона о государстве. Так в своем диалоге «Государство» Платон формирует модель идеального государства, основной принцип которой во многом представляет собой платоновскую версию сократовского «философа на троне». Подобно тому, как Платон выделяет три составляющие части человеческой души - «вождеющую», «страстную» и «разумную», он разделяет все население государства на три сословия «труженики», «стражи» и «мудрецы». Процветание государства, согласно Платону, возможно лишь в том случае, если к власти придут философы. «Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино - государственная власть и философия, и пока

не будут в обязательном порядке отстранены те люди - их много, - которые ныне порознь стремятся либо к власти, либо к философии, до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол»[6]. При этом Платон резко критикует существующие формы государственного устройства и не допускает возможности установление власти философов ни в одной из них. «На это-то я и сетую, что ни одно из нынешних государственных устройств недостойно натуры философа»[6]. Предпочтительным видом государственного устройства Платон считает аристократию – то есть правление лучших, установление которого возможно в том случае, если каждое из трех упомянутых сословий будет выполнять в нем свое дело.

В более позднем диалоге «Законы» нашли отражение взгляды Платона на основные принципы законодательства. В государстве, как и в каждом отдельном человеке, идет непрерывная борьба с самим собой. Государством, победившим самого себя можно считать то государство, в котором лучшие побеждают большинство худших. Цель же законодателя заключается в том, чтобы не допустить победы одних путем гибели других, а в том, чтобы «примирить бы их, установив на будущее время законы их взаимоотношений». Однако в дальнейшем Платон указывает на то, что действующие законы не соответствуют указанной цели.

Создавая модель «божественного государства» Платон отмечает, что для того «чтобы государство благополучно существовало, оно постоянно нуждается кроме удачного сочетания местных условий ещё и в законодателе, придерживающемся истины». Целью устанавливаемых в таком законов он считает предоставление гражданам главенствующих из божественных благ, к которым он относит разумение, сопутствующее разуму здоровое состояние души, справедливость и мужество. На законодателя возлагается обязанность убедить граждан, что все остальные предписания обращены именно на достижение вышеуказанных благ.

Согласно Платону, законодатель должен наблюдать за людьми во всех их взаимоотношениях, своевременно выражая им «порицание и похвалу посредством самих законов», определять «что хорошо и что дурно в каждом отдельном случае». Установив в государстве такие законы, Платон предлагает поставить над всем этим стражей, которые должны будут, руководствуясь «разумением» и «истинным мнением» следить за исполнением данных законов.

Важными условиями становления идеального государства Платон считает верховенство законов и недопустимость их подчинения частным интересам. «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги[7]» – отмечает Платон.

Таким образом, подводя итоги мы можем отметить, что идея совершенствования государственного устройства в целом и законодательства в частности занимает одно из центральных мест в трудах Платона.

Завершает и подытоживает развитие идеи правового прогресса в период античности политико-правовое учение Аристотеля, которое нашло отражение, прежде всего, в «Политике», а также «Никомаховой этике» и «Риторике».

Государственное благо Аристотель сравнивает с благом отдельно взятого человека, так как социальное всегда формируется из частного. Высшим или «последним» благом, согласно Аристотелю, является счастье. Отвечая на вопрос: «Что же такое счастье?» Аристотель приходит к выводу, что «высшее благо и счастье, доступное человеку, — в совершенствовании себя»[1]. Таким образом, проецируя взгляды Аристотеля на способ достижения счастья в политико-правовую сферу можно сделать вывод, что для государства «счастье» заключается в непрерывном совершенствовании государственного устройства, достижении качественно нового уровня правовой жизни.

Человек может достигнуть счастья, установив господство рациональной части души над ее вегетативной и чувственной частями. Такое «господство» Аристотель называет «этической добродетелью». Помимо нее он определяет так же «одну добродетель, в которой спрессованы все прочие, — это справедливость»[1]. Как особый вид справедливости Аристотель выделяет право и называет его полисной или «политической» справедливостью. Право «создается законом и имеет место лишь среди людей, по своей природе могущих жить в законе, а таковые суть те, у которых существует равенство во властвовании и в подчинении»[8].

Размышляя о сущности права, Аристотель приходит к ее тройственности. Во-первых, он неразрывно связывает право с государством, называя его «политической справедливостью». Во-вторых, основной задачей права определяет служение общей пользе. А, в-третьих, характеризует право как некоторое мерило общественного поведения, которое находит свое применение к соизмеримым, а иногда даже к формально равным субъектам[9].

Аристотель дифференцирует право на естественное – право установленное природой, и положительное – право установленное законом. К естественному праву относятся нормы, вытекающие из природы общежития, т. е. нормы, неизменно присущие, по его мнению, каждому обществу[9]. Нормы же положительного права несут в себе конкретные исторические особенности определенного общества и определенного государства, представляют собой модификацию норм права естественного. Закрепленную законом справедливость Аристотель называет частной или особенной.

Несмотря на то, что естественное право, согласно Аристотелю, составляет основу общежития и соответствует целям и задачам государства, его учение об идеальном государстве дает нам понять, что установление одной лишь естественной справедливости не позволит реализовать все государственные функции должным образом. Таким образом, Аристотель указывает на необходимость совершенствования естественного права путем введения норм права позитивного, то есть на необходимость правового прогресса государства.

Помимо рассмотренной дифференциации прогрессивный характер имеют также рассуждения Аристотеля о правде, которую он отличает от справедливости, закрепленной

в законе. Справедливость, которая находит свое выражение в законе, согласно Аристотелю, несет в себе ошибочность в силу своей общности. В частных случаях, когда применение общего закона может оказаться несправедливым следует опираться на правду. «Когда закон составлен для общего случая, а произошло нечто подсудное ему, но вне общего случая, тогда поступать правильно значит: там, где у законодателя, составившего закон без оговорок, пропуск или погрешность, поправить упущение, которое признал бы даже сам законодатель, окажись он тут, а если бы знал заранее, то внес бы эту поправку в законодательство»[8]. Данное суждение Аристотеля обнаруживает понимание неизбежной неполноты законодательства и необходимости его восполнения и развития со стороны правоприменителей.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что идея правового прогресса берет свое начало в трудах античных философов. Сформировавшиеся концепции совершенствования человека постепенно образуют идею общественного прогресса. Решая проблему достижения совершенства обществом, философы античности приходят к выводу, что это возможно лишь при установлении в государстве определенного политического режима и справедливых законов. Несмотря на различные подходы к пониманию понятия справедливости, идеального политического режима и законодательства эти идеи имеют общую направленность и носят явный прогрессистский характер.

Литература

1. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. Античность./ Дж. Реале, Д. Антисери; Пер. С. А. Мальцевой. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. С. 65, 156-157.
2. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Платон; Под общ.ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2006. С. 108.
3. Нерсисянц В.С. Сократ. / В.С. Нерсисянц. – М.: «Наука», 1977г. С. 36.
4. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе/ Ксенофонт; Пер. С.И. Соболевского. – М.: «Наука», 1993. С. 99-135.
5. Никулина Н.Н. Истоки идеи прогресса в творческом наследии европейских мыслителей античности и средневековья/ Н.Н. Никулина // Вестник МГТУ Том 14, 2011 год, 2 выпуск. С. 412.
6. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Платон; Под общ.ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 93-650.
7. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 2 / Платон; Под общ.ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 204.
8. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4. / Аристотель; Пер. Н.В. Брагинской, М.Л. Гаспарова; Под ред. Доватур Л.И. и Кессиди Ф.Х.М.: «Мысль», -1983г. С. 159-168.
9. Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве / С.Ф. Кечекьян; Отв. ред. И.Д. Левин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 91-93.

УДК 340

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕГУЛИРОВАНИИ
ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**
**JUDICIARY PRACTICE IN SPHERE OF THE ORGANIZATION AND REGULATION
OF GROUND RELATIONS IN REPUBLIC KAZAKHSTAN**

Нугыманов Е. Е., доцент кафедры гражданского, природоресурсного и экологического права, юридического факультета, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Республика Казахстан

Nugymanov E.E. assistant professor of civil, natural resource and environmental law, Faculty of Law, Eurasian National University them. L.N.Gumilev. The Republic of Kazakhstan
e-mail: murathanova@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования общественных отношений, которые возникают в сфере экономической и экологической безопасности оборота земли в Республике Казахстан.

The summary in article actual problems of legal regulation of public relations which arise in sphere of economic and ecological safety of a turn of the earth in Republic Kazakhstan are considered.

Ключевые слова: оборот земли; право на землю; землепользование.

Keywords: an earth turn; the right to the earth; land tenure.

Провозглашение Республики Казахстан демократическим правовым государством с социально ориентированной экономикой предполагает совершенствование имеющихся и формирование новых политических, правовых, экономических, иных институтов и механизмов обеспечения устойчивого развития, экономической и экологической безопасности.

Одним из предусмотренных законодательством и формирующихся таких механизмов является механизм правового регулирования земельных отношений.

О необходимости оптимизации системы управления, в том числе и в области земельных отношений, указывает Н.А. Назарбаев в своем Послании «Казахстан-2030»: «Не менее важно реализовывать намеченные планы. Поэтому крайне необходимо создать систему, при которой каждое министерство и ведомство организует свою работу таким образом, чтобы каждый день, месяц и год мы шаг за шагом продвигались к поставленным целям» [1].

Судебная практика играет важную роль в организации и регулировании земельных отношений, так как именно она является показателем, отражающим состояние земельного правопорядка в государстве. Чем больше земельных споров, тем более несовершенным является механизм регулирования земельных отношений. За последние

годы в Республике Казахстан количество земельных споров существенно увеличилось. И даже отсутствие земельных споров, рассмотренных в судах, в отдельно взятой области – это не значит, что они отсутствуют. «Отсутствие споров – не следствие отсутствия проблемы по данному вопросу, скорее, это незнание закона как со стороны юридических, так и физических лиц.

По мнению профессоров Б.Ж. Абдраим и С.А. Боголюбова, совершенствование правового регулирования и практики разрешения земельных споров – это, прежде всего показатель стремления законодателя и правоприменителя к упрочению начал справедливости и законности в земельных правоотношениях. Каждый законно разрешенный земельный спор – не только шаг на пути к упрочению земельного правопорядка, но и способ предотвращения других возможных нарушений земельного законодательства [2].

Причинами земельных споров могут быть недостатки земельно-правовых норм, практики его применения, системы органов государственного регулирования земельных отношений и иных органов, недостаточно развитое правосознание.

Судебная практика показывает, что земельные споры рассматриваются преимущественно по следующим вопросам.

По мнению Г.М. Ергалиевой можно выделить споры, связанные с:

- 1) признанием недействительными сделок с условными земельными долями;
- 2) выделением земельной доли;
- 3) самовольным захватом (запашкой) земель;
- 4) признанием незаконным решения акима об изъятии земельного участка;
- 5) оспариванием актов на право собственности на земельный участок, право постоянного землепользования [3].

Более подробный перечень земельных споров предлагается В.П. Савковым:

- о признании незаконным отказа акима в предоставлении земельного участка, в том числе для создания крестьянского (фермерского) хозяйства, ведения личного подсобного хозяйства, строительства индивидуального жилого дома и т.д.;
- о признании незаконными отказов в выдаче и регистрации документов, удостоверяющих права на землю;
- о признании незаконными решений акиматов о прекращении права собственности на земельный участок и других вещных прав на землю;
- обладателей вещных прав на землю о признании недействительными актов, изданных государственными органами с превышением их компетенции либо с нарушением требований законодательства, нарушающих их права и законные интересы;
- о возмещении убытков, причиненных изъятием, выкупом или временным занятием земельных участков, ограничением прав собственников земельных участков и землепользователей или ухудшением качества земель в результате негативного воздействия, вызванного деятельностью юридических и физических лиц;
- о возмещении убытков, причиненных в результате неправомерного занятия земельного участка и других нарушений прав собственников земельных участков и

землепользователей;

- об изъятии у собственников или землепользователей земельных участков, используемых с нарушением законодательства;
- об изъятии у землепользователей не используемых земельных участков;
- о признании недействительными решений о предоставлении земельного участка, которыми ущемляются права и охраняемые законом интересы собственника, землепользователя (например, собственник в результате решения акима лишен прохода (проезда) к своему земельному участку);
- споры между собственниками индивидуальных жилых строений, расположенных на смежных (соединенных) земельных участках, об устранении препятствий в пользовании земельным участком, в том числе и в случае, когда оспариваются граница и размеры земельного участка;
- споры по поводу раздела земельного участка, находящегося в общей собственности (общем землепользовании), либо определения порядка пользования этим участком;
- споры об устранении препятствий в пользовании землями общего назначения населенных пунктах;
- об истребовании земельного участка от добросовестного приобретателя;
- о признании права собственности на земельный участок и истребовании его из чужого незаконного владения [4].

В указанных судьями-практиками видах земельных споров повторяется одно основание – признание незаконными решений акиматов о предоставлении или прекращении права собственности на земельный участок и других вещных прав на землю, что является характерным в современный период.

Судебная практика показывает, что злоупотреблений в рассматриваемой нами области более чем предостаточно.

Не редки случаи, когда районные, городские, поселковые и сельские исполнительные органы (Акимы) выносят решения о предоставлении на праве собственности, постоянного или временного землепользования земельных участков, ранее выделенных другим лицам без отобрания их с соблюдением установленного законодательства порядка, а комитеты по управлению земельными ресурсами не принимают мер по недопущению нарушения земельного законодательства.

Также есть необходимость совершенствования земельного законодательства в части норм, касающихся изъятия земельных участков, так как в условиях развернутого строительства в населенных пунктах, особенно в крупных городах, осуществляется незаконное изъятие земельных участков, якобы для государственных надобностей.

Согласно ст. 94 Земельного кодекса изъятие земельных участков у собственников и землепользователей производится в судебном порядке по иску территориального органа по управлению земельными ресурсами.

Судебная практика подтвердила мнение ученых-земельников и практиков-судей о том, что большинство земельных споров порождает несовершенство деятельности местных исполнительных органов. Так, земельные споры, которые были предметом

разбирательства судов свидетельствуют о грубых нарушениях требований земельного законодательства, особенно со стороны местных исполнительных органов.

Зачастую принимаемые акимами решения выносятся с превышением предоставленных им полномочий. В частности, выявлены случаи принятия акимами решений:

- о прекращении права землепользования лица, изъятии у него земельного участка и предоставлении его другому лицу;
- о прекращении права временного землепользования лица в связи с истечением срока, на который это право было ранее предоставлено;
- о передаче права землепользования в порядке универсального правопреемства в связи со смертью главы крестьянского хозяйства;
- о предоставлении одного и того же земельного участка двум разным субъектам под одни и те же объекты недвижимости;
- о временном изъятии земель крестьянского хозяйства в связи с неиспользованием по назначению и передаче их другим субъектам.

Такая ситуация неудивительна. Так как именно местные исполнительные органы распоряжаются землями, то они склонны активно защищать принятые ими иногда незаконные решения.

В такой ситуации есть необходимость повысить ответственность должностных лиц за принимаемые ими решения по земельным вопросам, что предлагалось нами в предыдущих разделах работы.

Необходимость этого отмечается и практиками. «Законодательством не предусмотрена ответственность за вынесение с превышением полномочий или с нарушением установленного порядка решений о предоставлении права собственности либо права землепользования, о прекращении права собственности либо права землепользования путем изъятия земельного участка. Мы полагаем, что именно отсутствие таких санкций создает благоприятные условия для совершения правонарушений.

В связи с этим в целях предотвращения подобного рода нарушений в деятельности государственных органов по управлению земельными ресурсами и местных исполнительных органов полагаем, что следовало бы внести в Кодекс об административных правонарушениях изменения, устанавливающие соответствующую ответственность должностных лиц. По данному вопросу существуют разные мнения.

Некоторые судьи полагают излишним вводить административную ответственность за указанные нарушения, ссылаясь на то, что они влекут за собой гражданско-правовой спор, подлежащий разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

В свою очередь, противники данного мнения обосновывают необходимость введения административной ответственности тем, что это будет способствовать не только предотвращению подобных нарушений, но и своевременному привлечению к

реальной ответственности виновных лиц, идущих на подобные нарушения, чувствуя свою безнаказанность.

Устранение же допущенного нарушения путем разрешения спора в порядке гражданского судопроизводства на практике не влечет возложение на нарушителей какой-либо ответственности, поэтому они, как правило, остаются безнаказанными.

Литература

1. Послание Президента страны народу Казахстана «Казахстан – 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», 10 октября 1997 года // Казахстанская правда. – 1997. –11 октября.
2. Абдраим Б.Ж., Боголюбов С.А. Земельное право России и Казахстана. – М.: Юристъ, 2007. – 454 с.
3. Ергалиева Г.М. Судебная практика по делам, вытекающим из земельных правоотношений. // Земельное законодательство и судебная практика: Учебно-практическое пособие. – Алматы: Издательство LEM, 2002. – С.72-91.
4. Савков В.П. Об итогах изучения судебной практики рассмотрения судами Алматинской области гражданских дел о земельных правоотношениях // Земельное законодательство и судебная практика: Учебно-практическое пособие. – Алматы: Издательство LEM, 2002. – С.92-96.

УДК 342.553

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ**
**INTERACTION OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE
RUSSIAN FEDERATION, LOCAL SELF-GOVERNMENT**

*Плотникова А.Э. , г. Оренбург,
ГОУ ВПО «Оренбургский государственный аграрный университет»
Plotnikova Alexandra Eduardovna, Lecturer in constitutional and municipal law
FSBEI HPE «Orenburg State Agrarian University»
e-mail: sunny711@mail.ru*

Аннотация: В статье исследуются формы взаимоотношений уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и органов местного самоуправления, выявляя наиболее эффективные способы их взаимодействия путем анализа законодательства и практики их деятельности.

Annotation: This article explores the forms of relationships Ombudsman in the Russian Federation and local self-governments, identifying the most effective ways of their interaction by analyzing the law and practice in their activities.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека, органы местного самоуправления.

Keywords : Ombudsman, local self-government.

Конституция Российской Федерации (ст. 18) устанавливает, что права и свободы человека и гражданина определяют деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления. В отношении местного самоуправления это конституционное требование отражает сущность и целевое предназначение муниципальной власти как самостоятельной формы народовластия. Органы местного самоуправления имеют обширные полномочия в области обеспечения и защиты прав граждан, поскольку по закону [1] к их компетенции отнесены все вопросы повседневной жизни населения территориального образования - жилищные, транспортные, коммунального обслуживания и т.п., поэтому большое значение приобретает использование уполномоченным по правам человека (омбудсманом) различных форм взаимодействия с органами местного самоуправления в целях защиты и восстановления прав и свобод граждан. Важно отметить, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Этим конституционным положением корреспондирует ст. 4 Европейской хартии местного самоуправления (15.10.1985г.) [2], относящая к отличительным признакам местного самоуправления его максимальную

приближенность к жителям территориального образования. Вопросы местного значения неотделимы от государственного интереса, не остаются и не могут остаться без влияния государства. В становлении и развитии местного самоуправления большую роль играет Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (омбудсман), чье взаимодействие с органами местного самоуправления в значительной степени определяет эффективность осуществления региональной политики — решения экономических, политических и социальных проблем развития муниципального образования и субъекта в целом.

Сегодня взаимодействие уполномоченного по правам человека и органов местного самоуправления строится на основе ряда принципов: законности, самостоятельности органов местного самоуправления в пределах их полномочий, взаимного согласия омбудсмана и органов местного самоуправления при выработке совместного решения; обеспеченности финансовыми и материальными ресурсами при реализации вопросов, требующих совместного решения, добровольности заключения договоров и соглашений; взаимной ответственности и гласности.

Автор полагает, что взаимоотношения между органами местного самоуправления и омбудсманом развиваются по двум направлениям: в рамках управляющего воздействия, когда рассматриваемые институты выступают в качестве субъектов, наделенных властными полномочиями, и в рамках партнерских отношений, строящихся на основе добровольности и взаимного согласия ради достижения общей цели – повышения уровня и качества жизни населения каждого муниципального образования и региона в целом. Следует отметить, что проблемы взаимоотношений возникают в обоих направлениях, что приводит к снижению эффективности функционирования институтов.

Необходимо остановиться на рассмотрении полномочий омбудсмана и органов местного самоуправления в рамках первого обозначенного нами направления. Закон устанавливает ряд взаимных прав и обязанностей изучаемых институтов. Так, согласно статье 20 ФКЗ [3], получив жалобу, Уполномоченный имеет право передать ее органу местного самоуправления или должностному лицу, к компетенции которых относится разрешение жалобы по существу. Статья 23 того же закона закрепляет норму о праве уполномоченного при проведении проверки по жалобе беспрепятственно посещать все органы местного самоуправления, присутствовать на заседаниях их коллегиальных органов, запрашивать и получать от органов местного самоуправления и у должностных лиц сведения, документы и материалы, необходимые для рассмотрения жалобы; получать объяснения должностных лиц по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалобы; проводить самостоятельно или совместно с компетентными государственными органами, должностными лицами и государственными служащими проверку деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц. При этом по вопросам своей деятельности омбудсман пользуется правом безотлагательного приема руководителями и другими должностными лицами расположенных на территории РФ органов местного самоуправления. Подобные мероприятия, проводимые омбудсманом, способствуют повышению эффективности защиты прав граждан, поскольку они побуждают виновные в

нарушении прав органы вернуться к рассмотрению конкретных дел с целью исправления нарушений или для обоснования правомерности своих действий. При получении обращения государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо обязаны рассмотреть его в месячный срок и о принятых мерах сообщить Уполномоченному в письменной форме.

При рассмотрении жалобы уполномоченный обязан предоставить органу местного самоуправления или должностному лицу, чьи решения или действия (бездействие) обжалуются, возможность дать свои объяснения по любым вопросам, подлежащим выяснению в процессе проверки, а также мотивировать свою позицию в целом (статья 25 ФКЗ) [3]. По результатам рассмотрения жалобы Уполномоченный вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав и свобод, нарушенных решениями или действиями (бездействием) органа местного самоуправления или должностного лица, а также лично либо через своего представителя участвовать в процессе в установленных законом формах.

По результатам изучения и анализа информации о нарушении прав и свобод граждан, обобщения итогов рассмотрения жалоб омбудсман имеет право направлять органам местного самоуправления и должностным лицам свои замечания и предложения общего характера, относящиеся к обеспечению прав и свобод граждан, совершенствованию административных процедур, тем самым побуждая указанные органы вернуться к рассмотрению конкретных дел с целью исправления допущенных нарушений. При этом согласно закону орган местного самоуправления или должностное лицо, получившие заключение с рекомендациями уполномоченного, обязаны в течение одного месяца рассмотреть их и сообщить о принятых мерах в письменной форме уполномоченному.

Согласно ч.1 ст. 16 ФКЗ Уполномоченный рассматривает жалобы на решения или действия (бездействие) органов местного самоуправления и их должностных лиц, если ранее заявитель обжаловал эти решения или действия (бездействие) в судебном либо административном порядке, но не согласен с решениями, принятыми по его жалобе. Например, в сентябре 2009 года к Уполномоченному обратилась гражданка М., проживающая в Калужской области, с жалобой на отказ в предоставлении ей как сироте жилья вне очереди. По результатам проверки было установлено, что М. длительное время, в течение семи лет, вела переписку с органами местного самоуправления, которые под разными предлогами отказывали ей в постановке на жилищный учет, в результате чего заявитель не была своевременно признана нуждающейся в улучшении жилищных условий. Изучив проблему, уполномоченный направил губернатору области свое заключение о мерах по восстановлению прав М., которое было рассмотрено весьма поверхностно. В такой ситуации Уполномоченный лично обратился в защиту прав заявителя в суд, решением которого жилищные права М. были восстановлены [4].

Вопросы, возникающие у граждан, обращающихся к омбудсману за защитой своих прав, охватывают широкий круг правоотношений. Так, часто возникают споры о практике изменения границ муниципальных образований без должного учета мнения их жителей, а иногда и вопреки этому мнению. Закон [1] предусматривает, что изменение границ

поселений, влекущее отнесение территорий отдельных входящих в их состав населенных пунктов к территориям других поселений, осуществляется с согласия их жителей, выраженного путем голосования, либо на сходах граждан с учетом мнения представительных органов соответствующих поселений (ч. 3 ст. 12). Преобразование муниципальных образований путем объединения двух и более поселений осуществляется с согласия жителей каждого из поселений, выраженного представительным органом каждого из объединяемых поселений (ч. 3 ст. 13); изменение статуса городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа либо лишением его статуса городского округа осуществляется законом субъекта РФ с согласия населения соответствующего городского поселения, мнение которого выявляется путем голосования (ч. 7 ст. 13). Согласно ч. 3 ст. 84 того же закона при несоответствии муниципальных образований ряду критериев законодатель субъекта РФ обязан обеспечить соответствующие изменения в территориальном устройстве, рождая тем самым правовую коллизию, которую постарался разрешить Конституционный Суд РФ, указавший в Определении [5], что положениями абзаца пятого ч. 3 ст. 84 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ непосредственно не предусматривается необходимость учета мнения населения соответствующих муниципальных образований при принятии органами государственной власти субъектов Российской Федерации ряда решений. Однако эти положения во взаимосвязи со ст. 12 и 13, абзацем первым ч. 3 ст. 83 и абзацем первым ч. 3 ст. 84 закона также предполагают, что изменение границ территорий и преобразование муниципальных образований осуществляется в общем порядке, предусмотренном ст. 12 и 13, то есть с учетом мнения населения соответствующих территорий. Таким образом, Конституционный Суд подтвердил приоритет права жителей муниципальных образований дать согласие на изменение их границ над интересами государственных органов. Практика показала [6], что органы местного самоуправления часто игнорируют мнение жителей своих муниципальных образований, да и сами граждане склонны упрощенно толковать свое право соглашаться на изменение границ муниципальных образований, не учитывая установленные законом формы выявления мнения населения. Так, в 2007 году к Уполномоченному поступило обращение гражданки Ш., жительницы одного из поселков Липецкой области, о том, что власти Липецкой области игнорируют мнение жителей поселка о включении его в границы Липецкого городского округа. В ходе проверки выяснилось, что согласие жителей поселка на включение его в состав Липецкого городского округа в установленной законом форме получено не было. В муниципальных образованиях, где проживает свыше 100 граждан, обладающих избирательным правом, мнение населения определяется путем голосования в порядке, установленном для проведения местного референдума, что в данном случае сделано не было. Подробные разъяснения на этот счет были направлены заявительнице.

Часто уполномоченному поступают жалобы граждан, проживающих на территории муниципального образования, в связи с нарушением их избирательных прав в ходе проведения местных выборов или референдума. Злоупотребления в этой области

правоотношений со стороны органов власти различны. Так, нарушение свободы участия в выборах произошло в марте 2007 года, когда к уполномоченному по правам человека в РФ поступила информация о том, что накануне голосования на выборах депутатов Государственной Думы по Брянскому одномандатному избирательному округу четверо из пяти зарегистрированных кандидатов в знак протеста против административного ресурса, применявшегося властями для поддержки пятого кандидата, подали заявления об аннулировании своей регистрации. В соответствии с действующим законодательством такие заявления носят уведомительный характер и удовлетворяются автоматически. Не желая допустить отмены проведения выборов из-за наличия в избирательном списке только одного зарегистрированного кандидата выборы, окружная избирательная комиссия в нарушение установленного законом порядка отказала одному из кандидатов в удовлетворении его личного заявления об аннулировании регистрации. В результате выборы, в которых один из кандидатов участвовал помимо своего желания, состоялись, а победу на них одержал кандидат, поддержанный властью [7]. Омбудсман РФ также указывает на проблемы, связанные с недостаточным обеспечением принципа тайны голосования (граждане жалуются на отсутствие на некоторых избирательных участках кабин для голосования).

Следует сказать, что нарушения прав граждан органами местного самоуправления в области семейных правоотношений, при том, что право граждан на защиту семьи, закрепленное в ряде законов РФ и международных актах, предполагает невмешательство государства в семейные отношения. Вместе с тем в установленных законом случаях вмешательство государства в дела семьи необходимо, например, в случаях неисполнения своих обязанностей членами семьи друг перед другом, например родители не заботятся о своих детях (или наоборот). К уполномоченному часто обращаются граждане в случаях, когда местные органы власти, не изучив досконально все объективные обстоятельства, решают вопрос об ответственности родителей. Так, в 2010 году к Уполномоченному обратилась гражданка Е. из г. Юбилейного Московской области. Местные органы власти отобрали у заявителя дочь, девочку-инвалида, обвинив при этом мать в нарушении права ребенка на образование, не учитывая фактор огромной привязанности дочери к матери. Уполномоченному удалось защитить права этой семьи, причем по причине неисполнения местными органами власти всех требуемых процедур (проверка на месте установила отсутствие оформления предусмотренных законом документов и других нарушений). Девочка была возвращена в семью. В целом опыт рассмотрения подобных обращений приводит к выводу о том, что в действующем законодательстве необходимо предусмотреть более четкие и понятные критерии и механизмы, позволяющие разлучить ребенка с семьей лишь в том случае, когда это действительно необходимо.

Одним из направлений деятельности Уполномоченного по правам человека является направление органам местного самоуправления замечаний и предложений общего характера, относящихся к обеспечению прав и свобод человека, совершенствованию административных процедур. Наличие подобных правомочий часто

приводит к конфликту омбудсманов субъектов РФ с органами государственной власти, поскольку в ряде случаев они ставят под сомнение правомерность таких широких полномочий местного омбудсмана [7]. В этих случаях омбудсман РФ находит целесообразным направить в конкретный субъект РФ свое заключение по существу возникшего спора, что в большинстве случаев приводит к урегулированию спора. Например, после вмешательства омбудсмана РФ удалось разрешить конфликт, возникший вокруг Закона Удмуртской Республики «Об Уполномоченном по правам человека в Удмуртской Республике» после внесения прокурором республики протеста с требованием ограничить полномочия омбудсмана в отношении органов местного самоуправления. После отзыва протеста в марте 2007 года Государственным Советом Удмуртской Республики были приняты изменения к указанному закону, в соответствии с которыми омбудсман в Удмуртской Республике получил право законодательной инициативы, экспертизы проектов нормативно-правовых актов, а также назначения своих общественных помощников.

Кроме того, органы местного самоуправления и омбудсмены осуществляют сотрудничество в области правового просвещения населения, в рамках которого аппарат уполномоченного выпускает информационно-просветительские материалы о правах человека, формах и методах их защиты - комментарии к законам, методические пособия, буклеты. Эти публикации, а также ежегодные и специальные доклады Уполномоченного на безвозмездной основе направляются в органы местного самоуправления с целью удовлетворения потребности общества в правовых знаниях. Можно также отметить такое важное направление деятельности омбудсмана, как совершенствование правовых актов органов местного самоуправления, осуществляемое на различных уровнях.

В целях приближения института Уполномоченного по правам человека к населению в муниципальных образованиях субъекта РФ Н.Ф. Лукашовой предлагается использование такой формы взаимодействия с органами местного самоуправления, как создание института общественных помощников (представителей) Уполномоченного в муниципальных образованиях, что позволит повысить доступность Уполномоченного как одного из средств внесудебной защиты для наиболее уязвимых социальных слоев населения [8]. Следует отметить, что подобный институт уже появился и функционирует в ряде муниципальных образований различных субъектов РФ, например, общественные представители Уполномоченного в муниципальных образованиях поселений Ненецкого автономного округа, представители Уполномоченного по правам ребенка в Иркутской области в муниципальных образованиях Иркутской области и других. С помощью работы этих общественных помощников на территории муниципальных образований реализуется важная задача всего института Уполномоченного — его доступность, кроме того помощники лучше знают те проблемы, которые волнуют их земляков, понимают — каким образом может быть реализовано то или иное начинание, достигнут желаемый результат, хорошо знают потребности жителей на местах. Во многих субъектах РФ действуют также общественные представители Уполномоченного по правам ребенка, задачами которого являются обеспечение, защита и восстановление прав и законных интересов

несовершеннолетних на территории муниципального образования; оказание содействия Уполномоченному по правам ребенка в осуществлении его деятельности на территории муниципального образования; правовое просвещение несовершеннолетних и их семей, проживающих на территории муниципального образования.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что развитие взаимоотношений омбудсмана и органов местного самоуправления в РФ необходимо для обеспечения защиты прав граждан, и в этих целях важно добиваться повышения ответственности и подотчетности обществу органов местного самоуправления за допускаемые ими нарушения прав и свобод человека и более внимательной и содержательной реакции органов местного самоуправления на предложения и рекомендации, высказываемые Уполномоченным в обращениях, а также в ежегодных и специальных докладах. Внесение соответствующих поправок в законодательство РФ и содействие в распространении института общественного помощника омбудсмана будет способствовать повышению эффективности функционирования муниципальных образований и защиты прав граждан, проживающих на их территории. По вопросам, касающимся всех муниципальных образований определенного региона, возможна совместная работа через ассоциации муниципальных образований, для чего им следует придать необходимый статус.

Литература

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Российская газета» от 8 октября 2003 г. N 202
2. Европейская хартия местного самоуправления ETS N 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 сентября 1998 г., N 36
3. Федеральный конституционный закон РФ от 26 февраля 1997 г. N 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание Законодательства РФ. 1997. N 9. Ст. 1011
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // «Российская газета» №5477 от 13 мая 2011 г.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 03.04.2007 N 171-О-П «По жалобе гражданина О.Б. Гуртуева и коллективной жалобе граждан - жителей Кабардино-Балкарской Республики на нарушение их конституционных прав положениями Законов Кабардино-Балкарской Республики "Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики", "О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике" и Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Российская газета», N 105, 19.05.2007
6. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // «Российская газета» №5477 от 13 мая 2011 г.
7. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год // «Российская газета» №4612 от 14 марта 2008 г.

8. Лукашова Н.Ф. Взаимодействие уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации с органами государственной власти и другими структурами в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 Саратов, 2011.

УДК 340

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
THE ACTIVITIES OF PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE FIELD
OF ENVIRONMENTAL MONITORING IN THE RUSSIAN FEDERATION**

*Пчельников М. В. , г. Ростов-на-Дону, Ростовский юридический институт
(филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации
Pchelnikov M.V., The Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian
Federation (the branch of the Rostov-on-Don)
e-mail: pchelnikov-m@mail.ru*

Аннотация. Работа посвящена исследованию правового регулирования деятельности общественных объединений в сфере экологического контроля, как элемента конституционного права на благоприятную окружающую среду.

Summary. Work is devoted to research of legal regulation of activity of public associations in the sphere of environmental control, as element of a constitutional law on favorable environment.

Ключевые слова: общественные объединения, экологический контроль, право на благоприятную окружающую среду, экологическое правонарушение.

Keywords: public associations, environmental control, right to favorable environment, ecological offense.

Возникший в последнее время в России интерес к проблемам конституционной защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду обусловлен рядом причин как правового, так и политико-экономического характера, направленных на укрепление и развитие России как социального государства, становление духовно, нравственно и физически здорового общества, в котором все усилия и мощь государства направлены на обеспечение благоприятной окружающей среды каждому гражданину, реализацию конституционного права настоящего и будущих поколений людей на благоприятную среду обитания, рационального и нерасточительного использования и охраны всего комплекса природных ресурсов, а также сохранения биологического разнообразия

Для российского природоохранного законодательства принципиальный характер носят положения, закрепленные в статьях 42 и 58 Конституции Российской Федерации [1] и сходные с аналогичными нормами Конституций большинства европейских стран: каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Провозглашая права личности, Конституция России устанавливает для человека определенные обязанности и ограничения, например,

сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам. Эти конституционные нормы составляют основу правового статуса человека и гражданина в экологической сфере.

Федеральный закон 2002 г. «Об охране окружающей среды» [2] закрепляет не только права и обязанности граждан в сфере охраны окружающей среды, но и права обязанности общественных и иных некоммерческих объединений в области охраны окружающей среды (ч. 2 ст. 12). Важно отметить, что в действующем российском законодательстве экологическим правам граждан и общественных объединений корреспондируют соответствующие обязанности государственных органов (Российской Федерации, её субъектов), муниципальных органов и их должностных лиц.

Должностные лица, препятствующие гражданам, общественным и иным некоммерческим объединениям в осуществлении деятельности в области охраны окружающей среды, реализации их прав, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, привлекаются к ответственности в установленном порядке. [3]

Конституция России создает предпосылки и для функционирования различных общественных объединений, деятельность которых способствует защите прав граждан на благоприятную окружающую среду. В статье 12 Федерального закона «Об охране окружающей среды» раскрывается право граждан создавать общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды. Общественные и иные некоммерческие объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды, в частности, имеют право разрабатывать, пропагандировать и реализовывать в установленном порядке программы в области охраны окружающей среды, защищать права и законные интересы граждан в области охраны окружающей среды.

Общественные объединения вправе осуществлять общественный контроль в области охраны окружающей среды (общественный экологический контроль). В соответствии со статьей 68 Федерального закона «Об охране окружающей среды» общественный экологический контроль осуществляется в целях реализации права каждого на благоприятную окружающую среду и предотвращения нарушения законодательства в области охраны окружающей среды. Результаты общественного экологического контроля, представленные в органы государственной власти России и её субъектов, органы местного самоуправления, подлежат обязательному рассмотрению в порядке, установленном законодательством.

Как указывает М.И. Васильева: открытое и активное выражение мнения может рассматриваться, во-первых, как способ и принцип осуществления любого взаимодействия общественности и органов государственной власти; во-вторых, как самостоятельная форма участия в принятии экологически значимых решений. Комплекс полномочий в этой области базируется на конституционных правах граждан участвовать в управлении делами государства, обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления, проводить публичные мероприятия и т.д. [4]

В современном российском законодательстве помимо, собственно общественного экологического контроля, установленного Федеральным законом «Об охране окружающей среды», предусмотрен целый ряд иных видов общественного экологического контроля:

- общественный земельный контроль (Земельный кодекс Российской Федерации 2001 г. [5]);
- общественный контроль за охраной атмосферного воздуха (Федеральный закон 1999 г. «Об охране атмосферного воздуха» [6]);
- общественный контроль за соблюдением санитарных правил (Федеральный закон 1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [7]);
- общественный контроль в области обращения с отходами (Федеральный закон 1998 г. «Об отходах производства и потребления» [8]);
- общественный контроль за соблюдением законодательства при осуществлении садоводства и огородничества (Федеральный закон 1998 г. «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» [9]);
- общественный контроль за радиационной безопасностью населения (Федеральный закон 1996 г. «О радиационной безопасности населения» [10]);
- общественный контроль за охраной и использованием животного мира (Федеральный закон 1995 г. «О животном мире» [11]);
- общественный контроль в области охраны окружающей среды в субъектах Российской Федерации (например: Областной закон Ростовской области 2003 г. «Об охране окружающей среды в Ростовской области» [12]).

Анализируя указанный перечень направлений общественного экологического контроля Н.В. Кичигин, считает, что общественный контроль в области охраны окружающей среды как правовой институт в целом закреплен в действующем законодательстве, однако при этом, за некоторыми исключениями, в законодательстве отсутствуют механизмы, процедуры реализации общественного экологического контроля. Столь общее правовое регулирование не позволяет ответить на ряд вопросов, которые необходимы для реализации общественного экологического контроля на практике: какие права есть у общественных контролеров; как ограничен общественный экологический контроль; каковы объекты общественного экологического контроля; каковы юридические последствия проверки, проведенной общественным инспектором. [13]

Полагаем, что в данном случае законодательная регламентация деятельности по осуществлению общественного экологического контроля общественными объединениями не является столь необходимой. В статье 5 Федерального закона 1995 г. «Об общественных объединениях» [14] под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

Федеральным законом «Об общественных объединениях» (ст. 15) установлено, что деятельность общественных объединений, в том числе в области охраны окружающей

среды, основывается на принципах добровольности, равноправия, самоуправления и законности. Они свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов деятельности. Деятельность общественных объединений гласная, а информация об их учредительных и программных документах является общедоступной, а в соответствии со статьей 68 Федерального закона «Об охране окружающей среды» общественный экологический контроль осуществляется общественными объединениями и иными некоммерческими организациями в соответствии с их уставами. Можно согласиться с мнением М.И. Васильевой о том, активная деятельность природоохранных организаций может способствовать восполнению пробелов в надлежащем исполнении требований законодательства по охране окружающей среды. [4]

Поэтому полагаем, что объем прав при проведении общественного экологического контроля, объекты такого контроля и права лиц, осуществляющих контроль может устанавливаться самим объединением, в рамках существующего законодательства и в пределах полномочий, определяемым уставом общественного объединения. Однако, стоит отметить, что низкий уровень информированности общественности об экологических проблемах, связанных с регионом, и степень ее влияния на принятие решений в этой области может снижать роль общественного контроля.

Считаем необходимым упомянуть, что в соответствии с пунктом 1 статьи 12 Федерального закона «Об охране окружающей среды», правом обращаться в суд с заявлениями об ограничении, о приостановлении и прекращении хозяйственной и иной деятельности в случае негативного воздействия такой деятельностью на окружающую среду, наделены лишь общественные организации, но не граждане, т.к. указанным законом прямо не предусмотрено обращение граждан в суд в защиту публичных интересов с требованием о запрете эксплуатации объектов, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды. [15]

В связи с внесением изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» с 2011 года в России разделены понятия экологический контроль и экологический надзор, ранее использовавшиеся как равнозначные [16]. Функции экологического контроля могут выполнять как общественные организации и граждане, так и производственные предприятия, в то время как экологический надзор - сугубо государственная функция.

В настоящее время, общественный экологический контроль имеет немалое значение для сохранения благоприятной окружающей природной среды. Осуществление общественного экологического контроля должно быть основано и на общих правовых принципах (законности, гласности, неотвратимости юридической ответственности за совершение правонарушения и других), и на отраслевых - основных принципах охраны окружающей среды, закрепленных в статье 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» (ответственность органов власти за обеспечение благоприятной окружающей среды на соответствующих территориях, независимость экологического контроля, возмещение вреда окружающей среде).

Реализация конституционного права на благоприятную окружающую среду является тесно связанной с развитием демократических институтов и гражданского общества в целом, а субъектами таких правоотношений выступают граждане, общественные организации и государство.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета, № 7, 21.01.2009.
2. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 2, ст. 133.
3. Закон Российской Федерации от 27 апреля 1993 года № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 19, ст. 685.
4. Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. - Москва: МГУ, 2003.
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 44, ст. 4147.
6. Федеральный закон от 4 мая 1999 года № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 18, ст. 2222.
7. Федеральный закон от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 14, ст. 1650.
8. Федеральный закон от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 26, ст. 3009.
9. Федеральный закон от 15 апреля 1998 года № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 16, ст. 1801.
10. Федеральный закон от 9 января 1996 года № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 3, ст. 141.
11. Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 17, ст. 1462.
12. Областной закон от 11 марта 2003 года № 316-ЗС «Об охране окружающей среды в Ростовской области» // Наше время, № 57-58, 19.03.2003.
13. Кичигин Н.В. Совершенствование экологического контроля // Экологическое право, 2007, № 3.
14. Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 21, ст. 1930.

15. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.04.2010 по делу № А63-5501/2009 // Справочная правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 30.04.2012).

16. Федеральный закон от 18.07.2011 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2011, № 30 (ч. 1), ст. 4590.

УДК 351.83

**СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА, ЕГО ФОРМЫ,
УРОВНИ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
THE SPECIFICITY OF SOCIAL PARTNERSHIP, ITS FORMS,
LEVELS AND THE BASIC PRINCIPLES.**

А.И. Рашидова, Санкт-Петербург, РГПУ им .А.И.Герцена
A.I. Rashidova, Saint-Petersburg, RGPU of A.I. Gertcen
e-mail: aselisa@mail.ru

Аннотация: В статье раскрывается специфика социального партнерства, его место в системе правового регулирования труда работников, определяется круг участников, исследуются основные принципы, формы и уровни.

Abstract: The article deals with the specifics of social partnership and its place in the system of legal regulation of labor, determines the number of participants, explores the basic principles, forms and levels.

Ключевые слова: социальное партнерство, работники, работодатели, органы государственной власти, принципы социального партнерства, уровни социального партнерства.

Key words: social partnership, workers, employers, public authorities, the principles of social partnership, the levels of social partnership.

В современных условиях преобладающим способом регулирования отношений наемного труда становится способ достижения договоренности между трудом и капиталом, получивший наименование «социальное партнерство». Данный термин условен, поскольку истинно партнерские отношения между наемными работниками и работодателями не складываются ввиду противоположности их интересов. Однако наряду с конфликтом интересов имеет место и их общность: обеспечение эффективного функционирования организации как необходимого условия для реализации интересов и работодателя, и работников.

В России социальное партнерство выступает как определенного рода амортизатор социальной напряженности, открытой конфронтации интересов и институтов в сфере труда. В ходе процедур социального партнерства происходит оформление интересов и прав, реструктурированных социальных, корпоративных и региональных групп, формирование адекватных им институтов представительства, нормативно-правовой базы, наработка практики коллективных договоров.

Наличие как противоположных, так и общих интересов обуславливает, с одной стороны, конфликтность взаимоотношений между работниками и работодателем, с другой, необходимость заключения соглашения о «социальном мире», выработки механизмов, позволяющих обеспечить сочетание производственных и социальных

аспектов в деятельности организации (работодателя). Такие механизмы принято именовать «социальный диалог» или «социальное партнерство» (термин, принятый в РФ). Спецификой становления отношений социального партнерства на современном этапе является их формирование в условиях отказа от централизации регулирования трудовых отношений. Ослабление вмешательства государства в трудовые отношения существенно повышает роль локального регулирования, в рамках которого договорные формы установления прав и обязанностей участников процесса труда имеют определяющее значение[1].

Трудовой кодекс РФ (ТК РФ)[2] – первый федеральный закон, регулирующий весь комплекс отношений социального партнерства. Ранее действовавшее федеральное законодательство применялось лишь в отношении отдельных проявлений социально-партнерского взаимодействия работников и работодателей (заключение коллективных договоров и соглашений, деятельность трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений).

Социальное партнерство представляет собой совокупность способов, с помощью которых работники и их представители, работодатели и их представители, органы государственной власти, органы местного самоуправления осуществляют согласование интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений (ст. 23 ТК РФ).

Конкретные способы взаимодействия работников и работодателей, относящиеся к социально-партнерским, именуются «формы социального партнерства».

Универсальными сторонами отношений социального партнерства являются работники и работодатели. Отношения по договорному регулированию трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, в которых не принимают участия либо работники (их представители), либо работодатели (их представители), нельзя рассматривать в качестве отношений социального партнерства, поскольку в данном случае не происходит согласования интересов работников и работодателей. Соответственно к регулированию данных отношений не применяются нормы раздела 2 ТК РФ. В качестве примера соответствующих договоренностей можно привести соглашение, во-первых, между несколькими работодателями о проведении единой политики по оплате труда наемных работников, во-вторых, между профсоюзами как представителями работников и органом государственной власти о необходимости подготовки какого-либо нормативного правового акта, регулирующего трудовые отношения.

Отношения социального партнерства, сторонами которых являются работники и работодатели, принято именовать «отношениями двусторонними» или «бипартизмом». Отношения социального партнерства, участниками которых помимо работников и работодателей выступают органы государственной власти, органы местного самоуправления, именуют «отношениями трехсторонними» или «трипартизмом».

Органы государственной власти, органы местного самоуправления являются сторонами социального партнерства: 1) когда они выступают в качестве работодателей

или их представителей; 2) в других случаях, предусмотренных федеральным законом. В частности, участие Правительства РФ в отношениях социального партнерства предусматривается Федеральным законом от 1 мая 1999 г. № 92-ФЗ «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» [3].

Под сторонами социального партнерства следует понимать лиц, чьи интересы согласовываются в ходе партнерских взаимоотношений. Такими лицами являются работники и работодатели. Сторонами социального партнерства могут быть органы государственной власти, органы местного самоуправления.

Стороны социального партнерства участвуют в конкретных отношениях, регулируемых нормами раздела 2 ТК РФ, через своих представителей, уполномоченных в установленном порядке.

ТК РФ не определяет круг лиц, представляющих в отношениях социального партнерства органы государственной власти, органы местного самоуправления. На практике от имени государства, местного самоуправления в отношениях социального партнерства выступают соответствующие органы исполнительной власти. При разрешении разногласий, возникающих в отношениях социального партнерства между работниками и работодателями, государство, местное самоуправление представляет особый орган – Служба по урегулированию коллективных трудовых споров.

Основными принципами социального партнерства являются:

- равноправие сторон;
- уважение и учет интересов сторон;
- заинтересованность сторон в участии в договорных отношениях;
- содействие государства в укреплении и развитии социального партнерства на демократической основе;
- соблюдение сторонами и их представителями законов и иных нормативных правовых актов;
- полномочность представителей сторон;
- свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда;
- добровольность принятия сторонами на себя обязательств;
- реальность обязательств, принимаемых на себя сторонами;
- обязательность выполнения коллективных договоров, соглашений;
- контроль за выполнением принятых коллективных договоров, соглашений;
- ответственность сторон, их представителей за невыполнение по их вине коллективных договоров, соглашений (ст. 24 ТК РФ).

Принципы социального партнерства – это основные начала, исходные положения, которым в своей деятельности должны следовать стороны социального партнерства. Принципами социального партнерства руководствуется и государство, осуществляя нормативное регулирование трудовых и непосредственно связанных с ними отношений. Данный тезис находит подтверждение в статье 24 ТК РФ, поскольку закрепленная в ней совокупность принципов объединяет в себе и принципы взаимодействия сторон социального партнерства, и принципы законодательного регулирования отношений

социального партнерства [4].

Принцип равноправия сторон обеспечивается прежде всего гарантиями независимости организаций трудящихся и работодателей.

Конвенция МОТ № 98 «Относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров» [5] гарантирует трудящимся надлежащую защиту против любых дискриминационных действий, направленных на ущемление свободы объединения в области труда.

Организации как трудящихся, так и работодателей, должны пользоваться надлежащей защитой против любых актов вмешательства со стороны друг друга или со стороны их представителей или членов данных организаций. Соответствующая защита распространяется на отношения, опосредующие создание и деятельность организаций или управление ими. В частности, как недопустимое вмешательство квалифицируются действия, имеющие своей целью способствовать учреждению организаций трудящихся под контролем работодателей или организаций работодателей или поддерживать организации трудящихся путем финансирования или другим путем с целью поставить такие организации под контроль работодателей или организаций работодателей.

Равноправие сторон социального партнерства также достигается особой ролью органов государственной власти, органов местного самоуправления в отношении социального партнерства, которые выступают в них в качестве равноправных партнеров, а не носителей функций публичной власти, способных диктовать определенное поведение участникам партнерских взаимоотношений [6].

Принципы уважения и учета интересов сторон, заинтересованности сторон в участии в договорных отношениях определяются самим характером отношений социального партнерства, материальным продуктом которых является договор, регулирующий трудовые и непосредственно связанные с ними отношения. В процессе его заключения неизбежно происходит согласование воли соответствующих сторон, основанное на взаимном учете их интересов.

Принцип содействия государства в укреплении и развитии социального партнерства на демократической основе определяет содержание как законодательной, так и исполнительно-распорядительной деятельности государства. Государство не может издавать законы и иные нормативные правовые акты, нарушающие права сторон социального партнерства.

Соответствующие органы государственной власти, как правило, обеспечивают деятельность комиссий по регулированию социально-трудовых отношений.

Государство также содействует сторонам социального партнерства в разрешении разногласий, возникающих в процессе коллективных переговоров.

Принцип соблюдения сторонами и их представителями законов и иных нормативных правовых актов равнозначен общеправовому принципу законности и обеспечивается установлением юридической ответственности сторон социального партнерства.

В силу принципа полномочности представителей сторон соответствующие

представители должны обладать полномочиями на принятие обязательств, имеющих юридическую силу и для себя самих, и для представляемых ими лиц. Полномочность представителей субъектов социального партнерства может устанавливаться либо законом, либо посредством наделения лица полномочиями на участие в конкретных переговорах. При отсутствии необходимых полномочий на представительство, заключенное с участием такого лица, соглашение не будет являться правовым актом социального партнерства, поскольку права и обязанности по такому соглашению возникнут исключительно у представителя, но не у представляемых им лиц [4].

Содержание принципа свободы выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда, состоит в том, что никакие лица, в том числе и государственные органы, не вправе обязать представителей сторон социального партнерства вести переговоры по каким-либо определенным вопросам.

Принцип добровольности принятия сторонами на себя обязательств вытекает из свободы сторон в обсуждении вопросов труда и означает, что никакие лица, в том числе и государственные органы, не вправе диктовать решения, принимаемые в партнерском порядке. При этом стороны коллективного договора, соглашения не могут включать в данные акты условия, снижающие уровень прав и гарантий, установленный для работников трудовым законодательством.

В силу принципа реальности обязательств сторонам следует включать в коллективный договор, соглашение только те обязательства, которые они в состоянии исполнить. Реальность того или иного обязательства определяется сторонами в процессе коллективных переговоров на основании анализа представленной информации, характеризующей экономическое положение организации, компетенцию органа, уполномоченного осуществлять регулирование трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, и т.п.

Принцип обязательности выполнения коллективных договоров, соглашений основан на характеристике коллективного договора, соглашения как правовых актов, регулирующих социально-трудовые отношения (устанавливающих общие принципы регулирования социально-трудовых отношений и связанных с ними экономических отношений). Исполнение данного принципа обеспечивается установлением юридической ответственности за нарушение или невыполнение коллективного договора, соглашения [7].

Осуществление контроля за выполнением принятых коллективных договоров, соглашений – один из способов, обеспечивающих развитие отношений социального партнерства. При надлежащей организации контрольной деятельности обеспечиваются наличие и постоянное обновление оперативной информации о ходе развития взаимоотношений между представителями работников и работодателей, о соблюдении трудовых прав работников. Без осуществления постоянного контроля за выполнением коллективных договоров, соглашений невозможно обеспечить их выполнение [8].

Принцип ответственности сторон, их представителей за невыполнение по их вине коллективного договора, соглашения вытекает из принципа обязательности выполнения

этого договора, соглашения и обеспечивает реализацию указанного принципа.

Перечень принципов социального партнерства не исчерпывается принципами, закрепленными в ст. 24 ТК РФ. Принято выделять еще принцип примирительного разрешения разногласий, возникающих в отношениях социального партнерства, означающий, что конфликтная ситуация, возникающая в ходе партнерского взаимодействия, должна разрешаться на основе общих принципов и процедур, сложившихся в отношениях социальных партнеров, – самими сторонами социального партнерства, их представителями [9].

Социальное партнерство может осуществляться на шести уровнях: 1) федеральном (РФ в целом); 2) межрегиональном (два и более субъекта РФ); 3) региональном (субъекта РФ); 4) отраслевом (определенной сферы экономической деятельности); 5) территориальном (муниципальных образований); 6) локальном (конкретной организации).

Взаимодействие сторон на указанных уровнях создает целостную систему социального партнерства, способную обеспечить социальный мир в обществе.

На федеральном уровне взаимодействие сторон осуществляется на трехсторонней основе (деятельность Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, заключение генерального соглашения).

На региональном уровне стороны взаимодействуют также на трехсторонней основе (деятельность Региональной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, заключение регионального соглашения).

Взаимоотношения сторон на отраслевом (межотраслевом) уровне носят двусторонний характер и материализуются в заключении отраслевого (межотраслевого) соглашения, устанавливающего основы регулирования труда в конкретной отрасли (отраслях). Социальное партнерство на уровне отрасли (отраслей) может охватывать как всю территорию РФ, так и территорию субъекта Федерации или муниципального образования.

На региональном уровне взаимоотношения сторон обычно складываются как отношения трехсторонние (заключение территориального соглашения, регулирующего отношения в сфере труда на уровне муниципального образования).

В конкретной организации отношения сторон носят двусторонний характер (заключение коллективного договора, устанавливающего конкретные обязательства в сфере труда, действие которых ограничено рамками соответствующей организации).

Формы социального партнерства – это способы осуществления социального партнерства, конкретные виды взаимодействия его сторон в целях согласованного регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Социальное партнерство осуществляется в формах:

- коллективных переговоров по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и их заключению;
- взаимных консультаций (переговоров) по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, обеспечения гарантий трудовых прав работников и совершенствования трудового законодательства;

- участия работников, их представителей в управлении организацией;
- участия представителей работников и работодателей в досудебном разрешении трудовых споров.

Основной и наиболее распространенной формой социального партнерства выступает проведение коллективных переговоров, результатом которых является заключение коллективных договоров, соглашений.

Не менее значимо проведение консультаций (переговоров) по вопросам регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, в том числе обеспечения гарантий трудовых прав работников. Консультации могут проводиться как в процессе реализации обязательств социального партнерства, так и вне процедуры осуществления контроля за выполнением коллективного договора, соглашений [7]. В частности, проведение взаимных консультаций возможно в процессе учета мнения выборного профсоюзного органа при принятии локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права, и при расторжении трудового договора по инициативе работодателя в случаях, предусмотренных законом. Консультации проводятся как путем прямого взаимодействия сторон социального партнерства, так и в процессе деятельности специальных формализованных органов социального партнерства. Основания и порядок проведения консультаций определяются сторонами социального партнерства самостоятельно.

Участие работников, их представителей в управлении организацией осуществляется в формах, предусмотренных ТК РФ, учредительными документами организации, коллективным договором, локальным нормативным актом организации. Включение досудебной процедуры разрешения трудовых споров в число форм социального партнерства объясняется новым порядком формирования органа досудебного разрешения индивидуальных трудовых споров – комиссии по трудовым спорам. Последняя образуется из числа представителей работников и работодателя на паритетной основе, что позволяет рассматривать ее как особую форму сотрудничества между работниками и работодателем [10].

Формы социального партнерства не исчерпываются перечнем, содержащимся в статье 27 ТК РФ. Стороны социального партнерства по соглашению между собой могут избрать и иные способы взаимодействия, не запрещенные законом.

Специальные правила взаимодействия работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений могут быть установлены исключительно федеральным законом в отношении: а) государственных служащих; б) работников военных и военизированных органов и организаций; в) работников органов внутренних дел; г) работников учреждений и органов безопасности; д) работников органов уголовно-исполнительной системы; е) работников таможенных органов; ж) работников дипломатических представительств РФ.

Изучая сущность социального партнерства, приходим к выводу, что оно является особым типом социально-трудовых отношений, характеризующих экономические,

психологические и правовые аспекты взаимосвязей индивидуумов и социальных групп в процессах, обусловленных трудовой деятельностью.

Литература

1. Лушников, М.В. Очерки теории трудового права. Монография /А.М. Лушников, М.В. Лушников. – М.: Юридический центр Пресс, 2006. –С.48.
2. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 22.11.2011, с изм. от 15.12.2011) // Консультант Плюс: Версия Проф [Электрон. ресурс] - 2012.
3. Федеральный закон «О Российской трехсторонней Комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» от 01.05.1999 № 92-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф [Электрон. ресурс] - 2012.
4. Молодцов, М.В., Головина С.Ю. Трудовое право России: Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА, 2008. – С. 116.
5. Конвенция № 98 Международной организации труда «Относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров» (Принята в г. Женеве 01.07.1949 на 32-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919 – 1956. Т. I. – Женева: Международное бюро труда, 1991. – С. 1010 – 1014.
6. Трудовое право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция" : с учетом новой ред. Трудового кодекса РФ / Н. А. Бриллиантова и др. ; под ред. О. В. Смирнова и И. О. Снигиревой; Академия труда и социальных отношений. - 3-е изд., перераб. и доп. - М. : Проспект, 2007. – С. 96.
7. Российское трудовое право [Текст] / Под ред. А.Д.Зайкина. – М.: Норма, 2000. – С. 106.
8. Нестерова, Э. Социальное партнерство и коллективное трудовое право // Российская юстиция. – 2004. – № 1. – С. 32.
9. Сошникова, Т.А. Проблемы развития социального партнерства в Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2003. – № 4. – С. 36.
10. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) (седьмое издание, переработанное и дополненное). //Под ред. К.Н. Гусова. – М.: Проспект, 2008. - С. 85.

УДК 340

**МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ
LIABILITY FOR BREAKAGE IN THE LABOR LAW**

В.В. Шанько, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

V. Shanko, the teacher of Chair of Legal Disciplines of the Stavropol branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of Russia

v.shanko@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы неравного положения субъектов трудового правоотношения, когда работник является экономически более слабой стороной трудового правоотношения.

Annotation: In the article the questions of unequal position of labor legal relationship subjects when the employee is economically weaker side of labor legal relationship are considered.

Ключевые слова: право на труд; право на защиту от безработицы; материальная ответственность; условия наступления материальной ответственности.

Keywords: right to work; right to protection against unemployment; liability; conditions of liability approach.

Согласно ст.37 Конституции Российской Федерации важнейшими правами и свободами человека и гражданина являются право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также право каждого на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, и на защиту от безработицы. К основам конституционного строя относятся также охрана труда и здоровья людей, признание и защита равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности.

Эти положения Конституции РФ соответствуют требованиям Всеобщей декларации прав человека, утвержденной и провозглашенной Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года и ряду других международно-правовых актов в сфере труда.

Применительно к субъектам трудовых правоотношений приведенные конституционные положения получают развитие в актах трудового законодательства. Так если в результате ненадлежащего исполнения работником или работодателем своих обязанностей другой стороне трудового договора причинен материальный ущерб, то он подлежит возмещению.

Актуальность рассмотрения данного вопроса заключается в том, что субъекты трудового правоотношения находятся в неравном положении по отношению друг к другу. Работник – экономически более слабая сторона трудового правоотношения. Он находится

в более зависимом положении от работодателя, нежели работодатель от него. Работник обязан подчиняться хозяйской власти работодателя, выполнять его указания в процессе трудовой деятельности, стремиться к обеспечению сохранности имущества, вверенного ему в связи с исполнением своих трудовых обязанностей. В свою очередь работодатель обязан не только правильно организовать трудовой процесс, но и принимать меры по недопущению возникновения имущественного ущерба.

Такое неравенство субъектов трудового правоотношения обуславливает существенные различия в правовом регулировании материальной ответственности работодателя перед работником и работника перед работодателем, что не допустимо в молодом правовом государстве и на что необходимо обратить особое внимание законодательным органам.

Анализ судебной практики позволяет подтвердить правильность выводов данного теоретического утверждения.

Материальная ответственность является одним из видов юридической ответственности. По своей правовой сущности материальная ответственность имеет многие общие черты с дисциплинарной ответственностью. И та и другая наступают за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, составляющих содержание трудовой дисциплины, то есть за дисциплинарный проступок. Вместе с тем материальная и дисциплинарная ответственность работников – это самостоятельные виды юридической ответственности, регламентируемые нормами трудового права, а поэтому между ними имеются принципиальные различия. Материальная ответственность в отличие от дисциплинарной непосредственно не направлена на обеспечение трудовой дисциплины. Основная её цель – возмещение (компенсация) причинённого ущерба.

Материальная ответственность сформировалась и выделилась в самостоятельный вид из гражданско-правовой ответственности, однако до сих пор существуют трудности разграничения данных видов ответственности. Основной акцент делается на отличительных чертах данных видов ответственности вместо самостоятельности материальной ответственности как вида юридической ответственности. В Трудовом кодексе РФ установлено, что трудовое законодательство регулирует не только трудовые, но и иные, непосредственно связанные с ними отношения. Таковыми, помимо прочих, названы и отношения по материальной ответственности работодателей и работников в сфере труда. Таким образом, законодатель признает материальную ответственность в качестве самостоятельного вида юридической ответственности, регулируемого трудовым законодательством.

Материальная ответственность является двусторонней, состоит из двух частей: материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю, и материальной ответственности работодателя перед работником. Эта ответственность по общему правилу наступает за причинение ущерба одной из сторон трудового договора в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей другой стороной данного договора и состоит из обязанности виновной стороны возместить причиненный ущерб.

Сторона трудового договора (работодатель или работник), причинившая ущерб другой стороне, возмещает этот ущерб в соответствии с Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами.

Вопросы материальной ответственности сторон трудовых отношений могут быть установлены либо непосредственно в трудовом договоре при его заключении, либо в заключаемых в письменной форме соглашениях, прилагаемых к трудовому договору.

Порядок заключения подобных договоров установлен Постановлением Министерства труда Российской Федерации от 31 декабря 2002 г. N 85 "Об утверждении Перечней должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также типовых форм договоров о полной материальной ответственности" [3].

Трудовым договором или заключаемыми в письменной форме соглашениями, прилагаемыми к нему, может конкретизироваться материальная ответственность сторон этого договора. При этом договорная ответственность работодателя перед работником не может быть ниже, а работника перед работодателем - выше, чем это предусмотрено Трудовым кодексом РФ или иными федеральными законами.

Обязанность сторон трудового договора возместить причиненный одной из сторон другой стороне договора ущерб наступает независимо от привлечения их к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности [4]. В этом также проявляется самостоятельный характер материальной ответственности как вида юридической ответственности.

Условия наступления материальной ответственности стороны трудового договора установлены в статье 233 Трудового кодекса РФ, которая гласит: "Материальная ответственность стороны трудового договора наступает за ущерб, причиненный ею другой стороне этого договора в результате ее виновного противоправного поведения (действий или бездействия), если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или иными федеральными законами.

Каждая из сторон трудового договора обязана доказать размер причиненного ей ущерба".

Каждая сторона (в нашем контексте - работник и работодатель) должна доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

В основу обязанности доказывания сторон трудового договора ложатся только те доказательства, на которые ссылаются стороны, доказывая и предъявляя свои требования и возражения.

В отличие от гражданского права доказыванию подлежит только реальный ущерб (он также называется прямым или действительным), который фактически нанес работодатель или работник. В гражданском праве, кроме реального ущерба, взыскиваются и неполученные доходы, которые лицо (физическое или юридическое) получило бы при

обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода или неполученные доходы).

Нормами трудового законодательства взыскание неполученных доходов (прибыли, которую работодатель мог бы получить, но не получил в результате неправомерных действий (бездействия) своих работников) не предусматривается. К такому работнику могут быть применены, в частности, меры дисциплинарного воздействия с соблюдением правил и установленным порядком их применения в трудовом законодательстве.

Условиями привлечения к любой ответственности являются: противоправное поведение, ущерб, причинная связь, а также виновность стороны. Противоправным признается поведение (действие или бездействие), если оно нарушает те или иные обязанности, возложенные на сторону трудового договора соответствующими трудовыми нормами. Основные обязанности работника предусмотрены в статье 21 Трудового кодекса РФ, а работодателя - в статье 22 Трудового кодекса РФ. Кроме того, обязанности для сторон трудового договора вытекают из содержания самого договора, а также правил внутреннего трудового распорядка. Противоправным признается такое поведение работника, при котором он не выполняет своих трудовых обязанностей или выполняет их ненадлежащим образом, но только тех обязанностей, которые прямо или косвенно связаны с бережным отношением к материальным ценностям (имуществу работодателя и других работников), согласно статье 21 Трудового кодекса РФ. [2]

Вина каждой из сторон трудового договора может быть в форме умысла, редко встречающегося в трудовых отношениях, и неосторожности.

Правильное установление формы вины чрезвычайно важно, ибо форма вины служит основанием для разграничения преступного и неприступного характера поведения того или иного лица. Любая форма вины достаточна для возложения материальной ответственности, но размер возмещаемого ущерба обычно зависит от того, является ли вина умышленной или неосторожной.

Таковы основные существенные, юридически значимые обстоятельства, которые закреплены в общей норме об условиях материальной ответственности. Отступление от них может иметь место только с целью улучшения положения работников. Однако в специальных нормах могут быть предусмотрены более жесткие условия для работодателей при привлечении работников к материальной ответственности. При этом бремя доказывания юридически значимых обстоятельств (условий) лежит на представителях работодателя.

Если подробно рассматривать материальную ответственность каждой из сторон трудовых отношений, то следует особо подчеркнуть, что в Трудовом кодексе Российской Федерации впервые предусмотрена обязанность работодателя возместить работнику материальный ущерб во всех случаях незаконного лишения его возможности трудиться. Статья 234 Трудового кодекса РФ гласит: "Работодатель обязан возместить работнику не полученный им заработок во всех случаях незаконного лишения его возможности трудиться. Такая обязанность, в частности, наступает, если заработок не получен в результате:

- незаконного отстранения работника от работы, его увольнения или перевода на другую работу;
- отказа работодателя от исполнения или несвоевременного исполнения решения органа по рассмотрению трудовых споров или государственного правового инспектора труда о восстановлении работника на прежней работе;
- задержки работодателем выдачи работнику трудовой книжки, внесения в трудовую книжку неправильной или не соответствующей законодательству формулировки причины увольнения работника;
- других случаев, предусмотренных федеральными законами и коллективным договором".

Следует подчеркнуть, что работодатель возмещает работнику материальный ущерб в размере среднего заработка за все время вынужденного прогула или разницы в заработке за время выполнения нижеоплачиваемой работы. Кроме того, необходимо отметить, что при возмещении среднего заработка работнику, восстановленному на прежней работе, выплаченное ему выходное пособие подлежит зачету. Подлежит зачету также заработная плата за работу в другой организации, если он не работал в ней на день увольнения, а также пособие по временной нетрудоспособности, выплаченное истцу в пределах срока оплачиваемого прогула.

Как уже отмечалось, обязанность работодателя возместить работнику материальный ущерб возникает и при отказе работодателя от исполнения или несвоевременного исполнения решения органа по рассмотрению трудовых споров или государственного правового инспектора труда о восстановлении работника на прежней работе. В этой связи следует необходимо заметить, что решение суда о восстановлении на работе незаконно уволенного, незаконно переведенного на другую работу работника подлежит немедленному исполнению (ст. 396 Трудового кодекса РФ) [5]. Следует отметить, что Трудовой кодекс Российской Федерации не ограничивает материальную ответственность работодателя за ущерб, причиненный в соответствии со ст. 234 Трудового кодекса РФ, каким-либо пределом. Более того, в ст. 395 Трудового кодекса РФ сказано, что при признании органом, рассматривающим индивидуальный трудовой спор, денежных требований работника обоснованными они удовлетворяются в полном объеме, а согласно ст. 396 Трудового кодекса РФ при задержке работодателем исполнения решения о восстановлении работника на прежней работе орган, принявший такое решение, выносит определение о выплате работнику за все время задержки исполнения решения среднего заработка или разницы в заработке.

В ст. 234 Трудового кодекса РФ, обязывающей работодателя возместить работнику материальный ущерб, дан примерный перечень случаев выплаты работнику среднего заработка. В федеральных законах могут быть предусмотрены и другие случаи, когда работодатель обязан возместить работнику утраченный им заработок. В коллективном договоре также может быть предусмотрена обязанность работодателя выплатить работнику средний заработок при нарушении его прав и законных интересов.

В ст. 235 Трудового кодекса РФ предусмотрена материальная ответственность за ущерб, причиненный имуществу работника. Ранее такая ответственность для работодателя могла

наступить по нормам гражданского законодательства. Работодатель обязан возместить ущерб имуществу работника при его повреждении или уничтожении в процессе трудовой деятельности или в связи с выполнением трудовой функции. Ответственность работодателя за имущество работника наступает при доказанности общих юридически значимых обстоятельств, установленных для материальной ответственности сторон трудового договора в соответствии со ст. 233 Трудового кодекса РФ.

Нам представляется, что работодатель несет ответственность за любое имущество работника, которое правомерно находится в организации, где работник выполняет трудовые обязанности, или за ее пределами, где он выполняет свою трудовую функцию по распоряжению представителей работодателя.

Работодатель обязан обеспечить сохранность личных вещей (имущества) работника, находящихся в организации при выполнении работником трудовых обязанностей. Разумеется, представители работодателя должны выделить специальные помещения для хранения личных вещей работника, в частности одежды, во время выполнения им трудовой функции.

Работник вправе обратиться с заявлением о возмещении причиненного его имуществу ущерба в суд общей юрисдикции по месту нахождения работодателя. Отсутствие доказательств обращения к работодателю с заявлением о возмещении причиненного имуществу ущерба не может служить основанием для отказа в принятии судом искового заявления от работника. В такой ситуации действуют нормы ст. ст. 18 и 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующие работнику право на судебную защиту независимо от подачи заявления работодателю. Заметим, что работник вправе одновременно обратиться с заявлением о возмещении ущерба к работодателю и в суд. При этом после вынесения полномочным представителем работодателя решения о возмещении работнику ущерба работник вправе продолжить разбирательство в судебных инстанциях, если считает, что причиненный работодателем ущерб возмещен не в полном размере.

Рассматривая так же остро стоящий вопрос о задержки денежных выплат необходимо отметить тот факт, что обязанность работодателя выплачивать работнику заработную плату своевременно и в полном размере предусмотрена в нескольких статьях Трудового кодекса: в абз. 6 ч. 2 ст. 22 Трудового кодекса РФ ("Основные права и обязанности работодателя"), в ст. 56 Трудового кодекса РФ, определяющей понятие трудового договора, в ч. 6 ст. 136 Трудового кодекса РФ, устанавливающей обязанность выплаты заработной платы каждые полмесяца.

В ст. 236 Трудового кодекса РФ установлена обязанность работодателя выплатить работнику проценты за задержку заработной платы и иных выплат, независимо от наличия или отсутствия вины представителей работодателя в данной задержке. Таким образом, работодатель, независимо от вины, несет ответственность за задержку работнику заработной платы и иных выплат. Он может быть освобожден от этой ответственности только в том случае, если докажет, что задержка произошла вследствие действия непреодолимой силы или в связи с умышленными действиями работника.

Следует также указать и на то, что установленные ст. 236 Трудового кодекса РФ проценты начисляются только на сумму основной задолженности работодателя перед работником.

В комментируемой статье определены минимальные требования к работодателю об ответственности перед работником за задержку выплаты заработной платы и иных выплат. Повышенная ответственность работодателя может быть предусмотрена в коллективном или трудовом договоре. Наряду с изложенным необходимо иметь в виду, что закрепление права работника на получение денежной компенсации за время задержки выплаты заработка не ограничивает его права на индексацию сумм задержанной заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. В соответствии со ст. 134 Трудового кодекса РФ ("Обеспечение повышения уровня реальной заработной платы") организации, финансируемые из соответствующих бюджетов, производят индексацию заработной платы в порядке, установленном трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы права, другие работодатели - в порядке, установленном коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами.

Что же касается материальной ответственности со стороны работника, то следует выделить, что на основании ст. 238 Трудового кодекса РФ работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб. Неполученные доходы (упущенная выгода) взысканию с работника не подлежат.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы:

- материальная ответственность сторон трудового договора представляет собой самостоятельный вид юридической ответственности;
- возникновение двусторонней материальной ответственности обусловливается осуществлением трудового договора;
- субъектами материальной ответственности являются стороны трудовых отношений (трудового договора) - работник и работодатель;
- субъекты материальной ответственности должны соблюдать и исполнять принятые на себя по трудовому договору обязанности;
- материальная ответственность наступает за причинение ущерба одной из сторон трудового договора в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей другой стороной данного договора;
- состоит из обязанности виновной стороны возместить причиненный ущерб.

Таким образом, материальная ответственность сторон трудового договора - обязанность субъектов трудового правоотношения соблюдать и исполнять возложенные на них обязанности, а в случае виновного нарушения данных обязанностей одной стороной трудового правоотношения, причинившего имущественный ущерб другой стороне, обязанность виновной стороны возместить ущерб другой стороне в пределах и порядке, установленных законом.

Несмотря на то, что большинство положений Трудового кодекса РФ изложено определенно и понятно, на практике часто нарушаются даже самые простые и

последовательно изложенные нормы. Причинами тому является элементарная юридическая безграмотность, а порой явное пренебрежение законом, как работника, так и работодателя.

Материалы многочисленных судебных разбирательств позволяют сделать вывод о том, что многих нарушений можно было бы избежать, если бы работник и работодатель, реализуя свои права и обязанности, четко и последовательно придерживались правил, определенных законодательством.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: текстом Государственного Гимна и вступ. статьей. - М.: ИНФРА-М, 2012. - 48 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ] по сост. на 20 января 2012 г. - М.: Проспект, 2012. - 224 с.
3. Комментарий Трудового кодекса Российской Федерации. (постатейный) / авт. коммент. и сост. В.И. Миронов. - М.: ИНФРА-М, 2002. – 384 с.
4. Глава 38. Материальная ответственность работодателя // Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / Под ред. И.О. Снигиревой. - М.: ИНФРА-М, 2002. – 440 с.
5. Викторов, И. Исполнение законодательства о труде / И. Викторов // Кадровик. - 2002. № 8. - С. 28.
6. Горячев, А.С. Материальная ответственность руководителя / А.С. Горячев // Право и экономика. – 2005. № 5. - С. 47 – 49.

УДК 342

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
ELECTRONIC JUSTICE: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

О.А. Курилкина – Таганрог, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ГОУ ВПО «Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова», кандидат юридических наук

Оганджян С.Р. – Таганрог, студентка 3 курса факультета истории и права ГОУ ВПО «Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова»

Kurilkina O. A. – Taganrog, associate professor of state and legal disciplines of Public Educational Institution of Higher Professional Training Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A.P. Chekhov, candidate of jurisprudence

Ogandzhanyan S.R. – Taganrog, the student 3 courses of faculty of history and the right of Public Educational Institution of Higher Professional Training Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A.P. Chekhov

Olga-kurilkina@mail.ru

Oganjanyan.sonna@mail.ru

Аннотация: в работе проанализирован зарубежный опыт становления и функционирования системы электронного правосудия с последующим его соотношением с российской действительностью.

Summary: in work foreign experience of formation and functioning of system of electronic justice with the subsequent its ratio with the Russian reality is analysed.

Ключевые слова: принцип открытости, гласность, судебная система, суд, электронное делопроизводство, правосудие, процессуальное законодательство, мониторинг, информационные ресурсы.

Keywords: openness principle, publicity, judicial system, court, electronic office-work, justice, the remedial legislation, monitoring, information resources.

Представленная работа посвящена вопросам зарубежного опыта электронного обеспечения правосудия. Авторы – кандидат юридических наук, доцент О.А. Курилкина и студентка 3-го курса факультета истории и права ГОУ ВПО «ТГПИ имени А.П. Чехова» С.Р. Оганджян осуществляют анализ зарубежного опыта правового регулирования и функционирования институтов электронного правосудия с последующим применением его результатов на отечественном политико-правовом пространстве.

Опыт применения электронной системы разрешения споров, включающей руководство судебным разбирательством, оборот судебных документов, доступ к судебной информации, правовой поиск, внутренние судебные процедуры есть уже у

многих мировых держав. Среди основных целей электронного правосудия зарубежные комментаторы выделяют следующие: сделать судебные учреждения более доступными, улучшить управление «бумажными» процедурами, сократить рабочее время сотрудников судов. Главное, что следует учитывать и законодателям и практикам во всех странах, где используется информационные технологии, - модернизация судопроизводства не должна нарушать основополагающих

Так, история информатизации судебной системы США берет начало в 1975 году. Именно тогда Федеральный судейский центр начал проект COURTRAN, в котором предусматривалось создание полной электронной системы для ведения уголовных дел и контроля за сроками, установленными Актом об ускоренном судопроизводстве.

Сердцем системы был компьютер, находившийся в Вашингтоне, которым осуществлялись хранение и обработка данных. Соединение между судами обеспечивали «немые терминалы», которые служили лишь для доступа к информации, находящейся в базе данных. Система впервые была опробована в сентябре 1977 года в Федеральном окружном суде Северного округа штата Джорджия. Эксперимент оказался удачным, а в 1979 году завершилась разработка программы COURTRAN для ведения гражданского судопроизводства. В 1981 году были добавлены программы для учета отпусков и управления собственностью судов.

В середине 80-х состоялся переход от COURTRAN к интегрированным системам автоматизированного судопроизводства (ICMS). В 1987 году Административный офис выдал компании Everex Federal Systems первый национальный контракт на поставку в суды персональных компьютеров и соответствующего оборудования. К 1989 году около четверти судов имели новое оборудование.

Автоматизация американского судопроизводства в конце 80-х и начале 90-х велась под руководством Ральфа Мечема (Ralf Mechem), директора Административного офиса, судьи Джона Годболда (John Godbold), директора Федерального судейского центра, и судьи Ричарда Билби (Richard Bilby). Последний добился от Конгресса США принятия закона о создании Фонда автоматизации судебной системы.

В 1996 году в судах штатов Огайо, Миссури и Нью-Йорк в качестве образца была введена система подачи обращений Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF), а с 2001 года данная система активно используется для подачи исковых заявлений и иных судебных документов в электронной форме, подписываются которые электронной цифровой подписью (ЭЦП), выполняющей функции идентификации и аутентификации и гарантирующей целостность и неизменность скрепленного ею документа.

Само понятие «электронное доказательство» в процессуальном законодательстве РФ отсутствует, поэтому и в этом случае можно также обратиться к опыту американских коллег. Профессор университета Калифорнии, юридического колледжа Гастингс Ричард Маркус указывает, что под электронными доказательствами можно понимать любую информацию, сохраненную на цифровом носителе (ESI) [11]. Электронные доказательства также должны отвечать требованиям относимости и допустимости, обладать признаками

достоверности и достаточности. В связи с этим Р. Маркус выделяет некоторые проблемы электронных доказательств, на которые необходимо обратить внимание.

Во-первых, сложной задачей является сохранение достоверности сведений, указанных в электронных документах. Хотя электронные средства доказывания могут храниться долгое время, они также легко могут быть видоизменены, что установить сложнее, чем изменения в средствах доказывания, облеченных в письменную форму [12]. Во-вторых, согласно п. 901 Федеральных Правил о доказательствах США: «Требование удостоверения или идентификации как предварительное условие допустимости удовлетворяется путем представления доказательств, достаточных для обоснования того, что вопрос, о котором идет речь, является именно тем, который доказывает заявитель» [13]. Зачастую такими доказательствами выступали показания свидетелей. Но с того момента, как стали допускаться электронные доказательства, свидетель не всегда может подтвердить тот или иной факт, лишь просто взглянув на них. Это обстоятельство свидетельствует о том, что требуется более четкая регламентация процессуальных норм, усложнение их структуры.

Таким образом, динамический, модифицируемый характер электронных доказательств порождает ряд сложностей с установлением их подлинности в суде. В настоящее время все рассматриваемые в федеральных судах США дела совершаются при использовании систем PACER (Public Access to Court Electronic Records) CM/ECF (Case Management Electronic Case Files). Система PACER предлагает круглосуточный доступ к документам дела через сеть Интернет, возможность скачивать и распечатывать документы непосредственно из суда, а также одновременный доступ к файлу дела нескольких лиц, участвующих в деле.

Практически все федеральные суды установили систему Case Management Electronic Case Files для электронной подачи судебных документов. Как указано на сайте судов США, CM/ECF предоставляет судам возможность делать свои документы общедоступными через Интернет.

В Гражданском процессуальном уложении Германии давно нашли свое закрепление термины «электронная информационная система», «электронный документооборот».

В Финляндии понятие «электронное правосудие» включает в себя обращение в суд в электронной форме, управление делом с помощью информационных технологий, цифровую запись хода разбирательства, применение видеоконференции, безопасную электронную почту, календарь судебных заседаний. В стадии судебного разбирательства в электронном виде сторонам могут направляться решения суда, заочные решения суда, утвержденное мировое соглашение. Отмечается, что использование новых технологий позволяет ускорить рассмотрение и разрешение дел; улучшить качество судебных услуг; снизить расходы на судопроизводство и временные затраты работников суда; повысить прозрачность правосудия; достигнуть качественно нового уровня доступности правосудия за счет того, что отправка и ознакомление с необходимыми документами могут осуществляться семь дней в неделю и двадцать четыре часа в сутки [15].

В гражданском судопроизводстве Франции электронный документооборот также возможен. Новый ГПК Франции допускает передачу документов или процессуальных актов электронным способом. Однако использовать электронные коммуникации разрешено только с согласия адресата сообщения. Таким способом могут быть переданы судебные повестки, иск, заявление, ходатайства [16].

В Федеральном суде Австралии с 2001 г. осуществляется проект eCourt, позволяющий подавать заявления, обмениваться документами в электронной форме, проводить видео- и телефонные конференции; создан форум «Виртуальный зал судебных заседаний» [8].

В Италии «электронное гражданское судопроизводство» (ЭГС) является не новой гражданско-процессуальной процедурой, а дополнительной возможностью для сторон, участвующих в процессе, судей, председателей судов, работать с процессуальными документами, используя электронную передачу данных. При этом ЭГС является именно правом, а не обязанностью сторон. Следовательно, ЭГС является вспомогательным электронным средством в дополнение к обычной процедуре документооборота в гражданском судопроизводстве.

В Италии электронное гражданское судопроизводство обладает следующими ключевыми особенностями:

- электронное заполнение исковых документов;
- виртуальные консультации по исковым документам и судебным решениям;
- электронные запросы и представление электронных копий;
- возможность использования определенного электронного адреса, на который внешне пользователи могут получать информацию на канцелярии или от юристов [14].

В соответствии с положением итальянского законодательства, электронный документ, подписанный электронной подписью, имеет такую же юридическую силу, как и соглашение, выполненное в простой письменной форме («частный документ»). Поэтому можно сказать, электронный документооборот может быть признан в Италии абсолютно законным.

В Англии нет системы электронного правосудия, но есть система «электронной подачи». С 1 апреля 2009 г. начала действовать экспериментальная программа «Электронный документооборот», рассчитанная на один год, согласно которой процесс мог быть инициирован и последующие действия выполнены в электронной форме в некоторых специализированных судах Высокого суда. Данная программа оправдала себя на практике и с 1 апреля 2010 г. законодательно закреплена программа электронного документооборота.

В настоящее время использование электронных систем в судах Англии и Уэльса регулируется ч. 5 практическими указаниями к ней Правил гражданского судопроизводства 1998 г. Практическое указание 5 предусматривает уже не экспериментальную программу, а программу «Электронный документооборот», которая

действует в специализированных судах отделения Королевской скамьи и Канцелярского отделения Высокого суда: в Суде по морским делам, Коммерческом суде, Суде по технике и строительству, Суде по делам компаний, Патентном суде, а также в Лондонском торговом суде.

Практические указания устанавливают, что сторона должна, если только возможно, использовать электронную почту для общения с судом. Для этого сторона предоставляет суду адрес электронной почты, по которому с ней можно связаться, использует адрес электронной почты, данный судом для подачи документов, и если суд предоставил уникальный идентификационный номер, указывает его в письме, в строке «Тема общения».

Что касается общего доступа к системе электронной подачи документов, то правила устанавливают, что обработанная версия электронных судебных файлов доступна только в отношении тех документов, доступ к которым является открытым. Таким образом, лицо, желающее получить копии общедоступных документов, может выбрать необходимые документы, используя возможности компьютера, предоставляемые открытым терминалом и должно оплатить соответствующий сбор. Копии документов после получения соответствующего сбора направляются по адресу электронной почты лица, обратившегося за копией [5].

В России наиболее перспективными элементами системы «электронного суда» на современном этапе являются рассмотрение дел с использованием видеоконференцсвязи, электронный документооборот, обязательная аудиозапись судебного процесса и т.д. Рассмотрение дел с использованием видеоконференцсвязи включает в себя также целый ряд систем, обеспечивающих доступ к информации о деятельности районных судов, систем автоматизации судопроизводства. Использование видеоконференцсвязи позволяет получить доказательства из любой точки страны, что, безусловно, способствует правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских дел [16].

Система электронного документооборота также предусматривается Федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2007-2011 годы». Стоит отметить, что проблема использования в качестве доказательств в судебном процессе электронных документов получила отражение в отечественном процессуальном праве еще в советский период. Инструктивными указаниями Госарбитража СССР № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники», принятыми еще 29 июня 1979 г., отмечалось: «Стороны по арбитражным делам в обоснование своих требований и возражений вправе представлять арбитражам документы, подготовленные с помощью электронно-вычислительной техники. Эти документы, поскольку они содержат данные об обстоятельствах, имеющих значение для дела, должны приниматься органами арбитража на общих основаниях в качестве письменных доказательств» [17].

Кроме того, в п. 6 постановления Пленума ВС СССР № 7 от 9 июля 1982 г. «О судебном решении» было разъяснено следующее: «В обоснование решения суд в случае необходимости вправе сослаться и на письменные доказательства в виде документов,

полученных с помощью электронно-вычислительной техники. Эти документы принимаются в качестве доказательств, при условии их надлежащего оформления в соответствии с установленным порядком» [19].

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1983 г. (в ред. постановления Пленума от 3 апреля 1987 г.) «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции» отмечалось, что «в случае необходимости судом могут быть приняты в качестве письменных доказательств документы, полученные с помощью электронно-вычислительной техники» (п. 9) [18].

В середине 90-х годов XX в. был принят Гражданский кодекс РФ, впервые узаконивший электронную цифровую подпись (ЭЦП) и иные аналоги собственноручной подписи при совершении и оформлении сделок (ст. 160, 434 ГК РФ) [2], и Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации», установивший, что «документ, полученный из автоматизированной информационной системы, приобретает юридическую силу после его подписания должностным лицом в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Юридическая сила документа, хранимого, обрабатываемого и передаваемого с помощью автоматизированных информационных и телекоммуникационных систем, может подтверждаться электронной цифровой подписью. Юридическая сила электронной цифровой подписи признается при наличии в автоматизированной информационной системе программно-технических средств, обеспечивающих идентификацию подписи и соблюдение установленного режима их использования» [4].

Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» также определил правовые условия использования цифровой подписи в электронных документах, при соблюдении которых цифровая подпись в электронном документе признается равнозначной собственноручной подписи в документе на бумажном носителе [3].

Таким образом, независимо от особенностей политического режима, царившего в тот или иной период истории, независимо от сферы компетенции, государство и общество всегда стремились к оптимизации судебной власти, в частности к использованию информационно-технологических возможностей, имеющихся в конкретный промежуточный период времени.

Очевидно, применять электронный документооборот между участниками процесса и судом следует, конечно, на добровольной основе. Причем, как было сказано выше, особое значение при этом приобретает электронная цифровая подпись, которая позволяет гарантировать, что информация действительно была направлена отправителем, а не каким-либо иным лицом, и что она не подверглась изменениям во время передачи.

Вместе с тем представляется возможным применение новых технологий для информационного обеспечения участников гражданского процесса. Например, в Сингапуре, такая форма оповещения является обязательной, в других, таких как Израиль, США - ее применение осуществляется на добровольной основе, тем не менее, в

большинстве государств вызов в суд все-таки осуществляется традиционным способом – повестками [7]. Что касается России, то размеры ее территории говорят сами за себя и определяют целесообразность дополнительного электронного оповещения лиц, участвующих в деле о месте и времени судебного разбирательства.

Не менее важным элементом системы «электронного суда» является размещение судебных актов в сети Интернет. В общепризнанных принципах и нормах международного права об обязательном использовании сети Интернет для опубликования актов судебной власти, на первый взгляд, ничего не упоминается. Однако, цитируя Международный пакт о гражданских и политических правах [10] «любое судебное постановление по уголовному или гражданскому делу должно быть публичным, за исключением тех случаев, когда интересы несовершеннолетних требуют другого или когда дело касается матримониальных споров или опеки над детьми», и Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод [1], предполагающую публичность объявления решения суда, становится понятно, что под публичностью судебной системы в современном мире вполне может пониматься и использование различных информационных систем, в том числе сети Интернет.

Причем, во многих государствах размещение судебных актов в сети Интернет не потребовало принятия дополнительных законодательных актов, поскольку Всемирная сеть рассматривается как дополнительное средство распространения судебных актов наряду с бумажными носителями, а не как самостоятельный путь размещения информации. Судебный акт, оглашенный публично, не может считаться конфиденциальным или секретным и должен быть доступен каждому [9].

Действующее российское законодательство предусматривает публичность объявления решения суда, за исключением тех случаев, когда такое объявление решений затрагивает права и законные интересы несовершеннолетних. Поэтому, можно сказать, размещение принятых судебных актов на интернет-сайтах судов является одним из наиболее современных способов обеспечения прозрачности правосудия.

И, наконец, обязательная аудиозапись судебного разбирательства как перспективное направление развития системы «электронного правосудия» помогло бы решить проблемы, связанные с неполнотой протоколов и нарушением порядка их ведения. В зарубежном опыте также можно найти примеры выявить, где в стадии судебного разбирательства уже используются новые технические средства, например, фото- и аудиосъемка на DVD-носитель (Испания). Тем не менее, из-за финансовых ограничений в большинстве государств ведется лишь аудиозапись [7].

Таким образом, информационное общество, становление которого происходит в настоящее время, требует наличия соответствующих данному этапу различных механизмов разрешения споров, позволяющих эффективно урегулировать разногласия в максимально сжатые сроки [8]. При анализе же основных элементов системы «электронного суда» не только в отечественном политико-правовом пространстве, но и в зарубежной традиции, становится понятно, что все они перспективны и целесообразны в настоящее время, но требуют доработки и процессуального закрепления. Внедрение

возможностей информационных технологий в гражданское судопроизводство должно осуществляться обдуманно, взвешенно, без излишней спешки, чтобы, прежде всего, способствовать реальному достижению и выполнению задач арбитражного и гражданского судопроизводства.

«Литература»

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства РФ. 2001. №2. Ст. 163.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 21 июля 2005 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; СПС Гарант. Версия 2012.
3. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 127.
4. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (в ред. от 10 января 2003 г.) «Об информации, информатизации и защите информации» // СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609. Утратил силу.
5. *Кудрявцева Е.В.* Внедрение информационных технологий в гражданское судопроизводство // Закон. 2011. №2. С. 54.
6. *Малешин Д.Я., Филатова М.А., Ярков ВВ.* Тенденции развития современного гражданского процесса (по материалам XIII Всемирного конгресса процессуального права, 2007 г.) // Вестн. ВАС РФ. 2008. N 11. С. 103.
7. *Миорова С.Н.* Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров. М., 2010. С. 106-107.
8. *Миорова С.Н.* Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров // Администратор суда. 2009. № 1. С. 43.
9. Открытость правосудия в России: проблемы и перспективы правового регулирования / Под ред. С.В. Кабышева, Н.Н. Чучелиной. М., 2007. С. 71-80.
10. Принят резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1966 г. Вступил в силу 23 марта 1976 г. // СПС «Гарант».
11. *Richard L.Marcus* «The Impact of Digital Information on American Evidence-Gathering and Trial. The Straw that Breaks the Camel's Back? »// Electronic Justice - Present and Future, Colloquium of the International Association of Procedural Law, Pecs, September 23-25, 2010.
12. *Richard L.Marcus.* Указ. соч. с. 134.
13. Rule 901. Authenticating or Identifying Evidence, Article IX, Authentication and Identification, Federal Rules of evidence
14. *Ринальди Д.* Электронное гражданское судопроизводство в Италии // www.pravo.ru
15. *Хиетанен А.* Электронный суд и электронные правовые коммуникации в Финляндии // Использование новых информационных технологий в арбитражном

- процессе и при осуществлении нотариальной деятельности. Материалы международного семинара 7-8 сентября 2006 г., г. Екатеринбург. М., 2007. С. 37-38.
16. Чудаева О.П. Применение технических средств в стадии судебного разбирательства для обеспечения своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел // Законодательство. 2009. № 3. С. 34.
17. Инструктивные указания Госарбитража СССР от 29 июня 1979 г. № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств документов, представленных с помощью электронно-вычислительной техники» // Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража СССР. М., 1983. Утратил силу.
18. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1983 г. № 10 «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции» // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР по гражданским делам. Москва. 1994. Утратил силу.
19. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 июля 1982 г. № 7 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1982. № 4. С. 19.

УДК 343

**К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАЦИИ КОРРУПЦИОГЕННОГО
ХАРАКТЕРА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА
TO THE QUESTION OF DETERMINATION OF CORRUPTION
CHARACTER OF CRIMINAL LAW**

*С.А. Иванов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного права СГУ*

*S. A. Ivanov, Candidate of Law, Professor assistant, Assistant of Criminal Law of SSU
e-mail: ug_pravo11a@mail.ru*

Аннотация: В статье делается вывод, что коррупциогенность уголовного закона, носит неустранимый характер и образуется вследствие трех основных видов детерминант: воли законодателя, ошибки законодателя и несовершенства юридической техники.

Annotation: In an article the conclusion is drawn that corruption of the criminal law has ineradicable character and is formed in a consequence of three main types: will and mistake of legislator, imperfection of legal equipment.

Ключевые слова: коррупция, уголовный закон, коррупциогенный фактор, детерминанты коррупциогенности уголовного закона.

Keywords: corruption, criminal law, corruption factor, determinants of corruption of criminal law.

В философской науке принято считать, что любое явление имеет свою причину либо обусловлено целым рядом факторов. Не является в данном случае исключением и коррупциогенность как одно из свойств уголовного закона (юридическое явление), проявляющееся в полной мере только в процессе применения уголовно-правовых норм. Её появление также определяется целым рядом факторов, иначе называемых детерминантами. Прежде чем разобраться в том, что представляют собой детерминанты коррупциогенности уголовного закона необходимо несколько слов сказать о ней самой.

Как известно коррупциогенность уголовного законодательства представляет собой определенную совокупность содержащихся в нем коррупциогенных факторов. Она не является определяющей, сущностной чертой уголовного закона, присущей всем уголовно-правовым нормам. Это скорее *побочный результат* действия и применения уголовного закона, имеющий однозначную социально-отрицательную природу. Но, тем не менее, выражаясь через специфические юридические конструкции уголовного закона, его коррупциогенность имеет *неустранимый характер*. То есть само существование такого «идеального» уголовного закона, в котором бы вообще не было коррупциогенных факторов в принципе невозможно.

В основе того факта, что коррупциогенность является неотъемлемой чертой уголовного закона прежде всего лежит сложный и неоднозначный механизм её детерминации. С точки зрения науки детерминация это причинное обусловливание процессов и явлений [1]. Аналогичным образом данное понятие можно использовать и применительно к рассматриваемому нами вопросу. Поэтому детерминацию коррупциогенности уголовного закона можно определить как причинное обусловливание возникновения коррупциогенных факторов в уголовном законодательстве как юридического явления особого рода.

Большое разнообразие содержащихся в уголовном законе коррупциогенных факторов, несомненно, предполагает и многообразие причин и условий, определяющих возникновение коррупциогенной среды уголовного закона. Это тот случай, когда вывод о сущности причины делается на основе характера её следствия. Используя этот метод все детерминанты коррупциогенности уголовного закона можно разделить на следующие группы:

Первую группу составляют детерминанты возникшие, по воле законодателя, то есть в тех случаях, когда законодатель сам передал решение ряда уголовно-правовых вопросов на усмотрение правоприменителя, создав соответствующие этому юридические конструкции и закрепив их в уголовно-правовых нормах. Естественно они носят сугубо субъективный характер и отражают специфику той уголовно-правовой политики, что проводится в государстве. Итогом воздействия таких детерминант в уголовном законе является: 1) установление широких пределов санкций уголовно-правовых норм; 2) освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим в зависимости усмотрения судебно-следственных органов; 3) наличие большого числа оценочных признаков и понятий, содержащихся в уголовном законодательстве, конкретное содержание которых должны определять правоприменительные органы и т.д.

Понятно, что в основном те нормативные конструкции, в которых юридическая судьба человека отдана на усмотрение правоприменителя, разработаны законодателем отнюдь не в целях повышения общего уровня коррупциогенности уголовного закона. Они созданы прежде всего для того что бы в максимально возможной степени индивидуализировать уголовную ответственность, сделать уголовный закон более гибким, способным учитывать любые конкретные фактические обстоятельства содеянного. Однако, как правильно подметил В. И. Ленин «нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях превратиться в свою противоположность[2]». То же самое постигло и уголовно-правовые нормы с широким правоприменительным усмотрением. Уже практически всем известно, что в настоящее время в России коррупция проникла во все сферы жизни, включая и деятельность судебно-следственных органов. И те уголовно-правовые нормы, которые могли бы делать уголовный закон в наибольшей степени справедливым, поскольку способны благодаря правоприменителю учесть малейшие нюансы содеянного виновным, превращаются в мощнейший коррупциогенный фактор. Здесь на самом деле пролегает очень тонкая грань. С одной стороны, если во всех

уголовно-правовых нормах у правоприменителя отнять право на усмотрение, при решении тех или иных вопросов, уголовный закон в процессе его применения станет явно несправедливым. В статьях УК РФ не представляется возможным учесть как все возможные обстоятельства имеющих место в действительности общественно опасных деяний, так и все особенности лиц, виновных в их совершении. Реальность для этого, (а преступление всегда совершается в тех или иных реальных условиях) слишком сложна, неоднозначна и противоречива. И полностью вместить в тесные уголовно-правовые рамки, такой факт реальной действительности как совершенное преступление, дать ему исчерпывающее законодательное описание невозможно. С другой стороны передача правоприменителю большого объема функций, которые он может решать при применении уголовного закона *исходя при этом только из своего правосознания* чревато тем, что уголовный закон в аналогичных ситуациях в отношении разных лиц будет действовать различным образом. Особенно это станет заметным в тех случаях, когда у правоприменителя его личные потребности имеют приоритет над государственными и общественными интересами. И тогда даже небольшое коррупционное воздействие, оказываемое на него со стороны заинтересованных в деле лиц, может значительным образом изменять его точку зрения по какому-нибудь уголовно-правовому вопросу. На практике это приводит к тому, что разные лица, совершившие одно и то же преступление с точки зрения его юридической характеристики, могут иметь далеко неодинаковую участь. На них может возлагаться различная по характеру и объему уголовная ответственность, что будет свидетельствовать о серьезных нарушениях принципа равенства всех перед законом. Да и сам этот принцип превратиться лишь в формальное требование, не получающее никакого реального воплощения в процессе применения норм уголовного права. К сожалению, последние изменения уголовного законодательства, указывают на то, что такой вариант развития событий становится все более и более вероятным.

Не следует также думать, что и все изменения, направленные на расширение правоприменительного усмотрения в уголовном законодательстве продиктовано желанием законодателя сделать уголовный закон максимально гибким в его применении и обеспечить индивидуализированный подход к каждому лицу, попавшему в сферу уголовно-правового воздействия. Иногда за внесением подобных изменений в УК РФ стоят интересы небольших групп населения, которые находясь во властных структурах (например, чиновники) и (или) обладая большими материальными и финансовыми ресурсами (например, олигархи) способны лоббировать их, оказывая влияние на законодателя при принятии им тех или иных уголовных законов. Как ни банально это звучит, но коррупционное поведение законодателя в ходе принятия им уголовных законов может обуславливать точно такое же поведение правоприменителя при их исполнении.

Вторую группу обстоятельств, обуславливающих появление коррупциогенных норм уголовного законодательства, составляют те факторы, которые возникают *вследствие ошибок законодателя*, которые он допустил в ходе правотворческой

деятельности в сфере уголовного права. Это в частности может быть нарушение логики построения уголовно-правовых норм, неправильно проведенная систематизация и кодификации уголовного закона, нарушающая его согласованный характер и приводящий к появлению противоречивого УК РФ, неправильный учет или игнорирование социальных факторов, способствующих принятию уголовного закона и другие аналогичные заблуждения законодателя. Основные причины подобных ошибок законодателя кроются в низком уровне профессионализма тех юристов, что разрабатывают уголовный закон, в отсутствии у государства четкой и продуманной уголовной политики, в быстроте принятия уголовных законов, порождающих нестабильность уголовного законодательства, в желании при принятии уголовного закона угодить «сиюминутной» политической конъюнктуре, или принять заведомо популистский закон, не имеющий реального социального или криминологического обоснования и т.д.

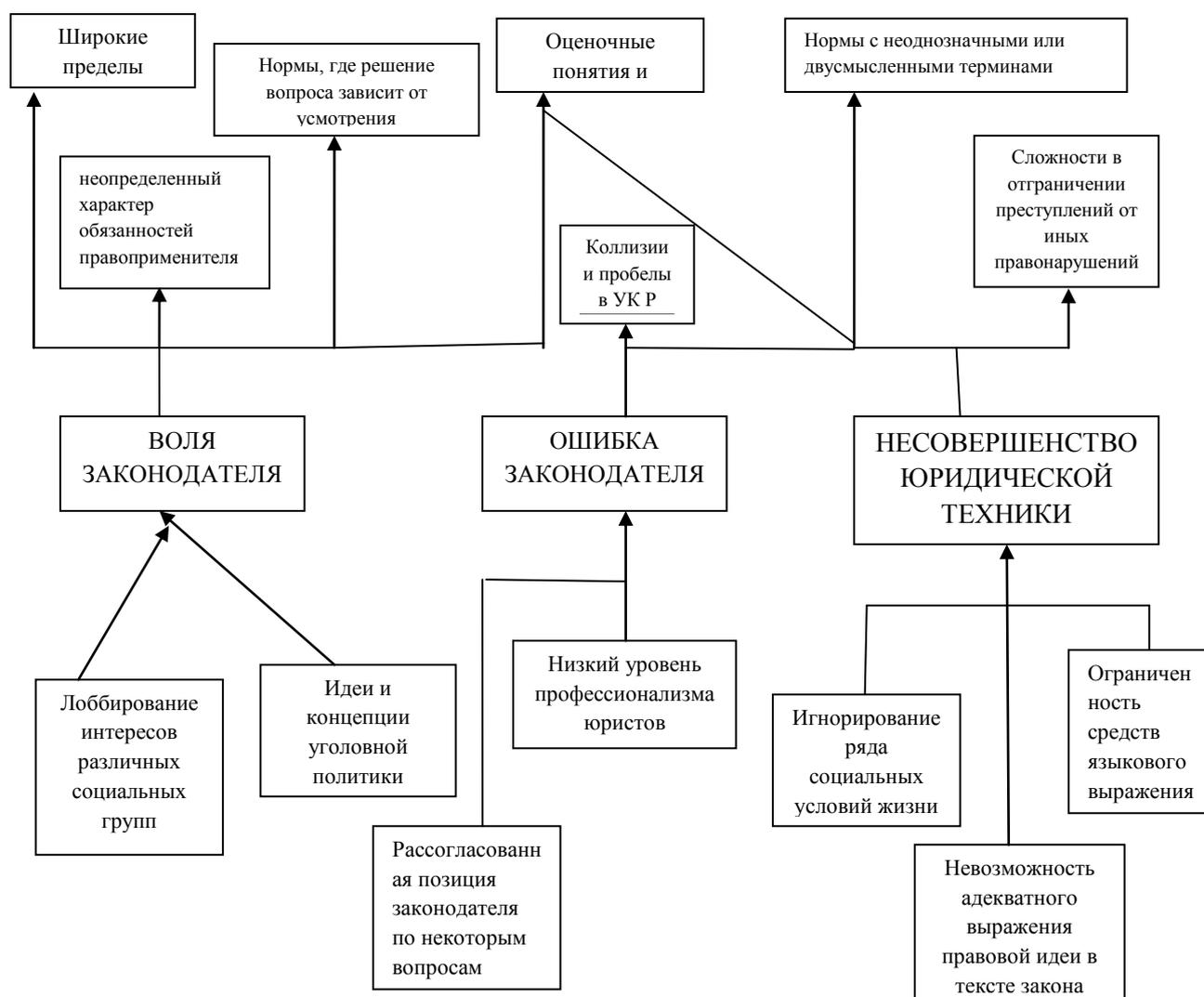
И наконец, третья группа факторов, обуславливающих коррупциогенный характер уголовно-правовых норм, связана с несовершенством и ограниченными возможностями юридической техники, используемой законодателем при создании уголовных законов. Причем здесь в понятие юридической техники вкладывается тот же смысл, что вкладывает в него С.С. Алексеев, а именно «совокупность средств, приемов, правил разработки, оформления, публикации и систематизации законов, иных правовых актов, обеспечивающая их совершенство, эффективное использование» [3]. Как указывает А. В. Малько при принятии правовых актов «важно учитывать, чтобы содержание таких предписаний (дух) и форма (буква) соответствовали друг другу, чтобы не было неясности, двусмысленности» [4]. Однако в том то и заключается основная трудность, что добиться такого соответствия между идеями законодателя и их текстуальным выражением нелегко, а подчас и попросту невозможно. Это происходит потому, что формой выражения правовых идей законодателя в тексте закона является язык. Представляя собой систему знаков, служащую средством общения, мышления и выражения [5] язык обладает известной долей условности, которая определяется тем, что язык и мышление есть лишь две разные стороны единого процесса деятельности человеческого разума, они неразрывно взаимосвязаны между собой. Вместе с тем, в мыслительной деятельности человека имеется момент, который делает язык не совсем точным средством воспроизведения действительности. Он заключается в том, что предмет мысли существует вне неё [6] и поэтому язык выражает не взятое само по себе какое-нибудь явление, событие или процесс, а лишь представление субъекта о нем. И даже если эти представления адекватны, они в любом случае не могут быть тождественны предмету языкового выражения. Так правоприменитель, не может точно в таком же ключе, как и законодатель, воспринять заложенную тем в законе правовую идею, хотя бы потому, что у них разный внутренний (субъективный) мир, а значит и различные ощущения, представления, убеждения, культурные и религиозные предпочтения которые, безусловно, влияют на содержание усвояемой мысли. Сколько раз даже в обычной жизни приходилось видеть, как два человека общаясь на одном и том же языке, тем не менее, не могли понять друг друга и прийти к согласию. В правовой же

сфере ситуация гораздо более сложная. Ведь законодатель это не один конкретный человек, а целая группа людей, на которых еще и работает большой организационно-технический аппарат, помогающий разрабатывать и принимать законы. В психологическом плане эта целая совокупность различных человеческих сознаний, каждое из которых обладает своей волею, но которым в то же время необходимо в законе отразить не свои предпочтения и интересы, а волеизъявление всего общества и государства. Именно поэтому механизм принятия законодателем решений весьма непростой, а адекватное правовое выражение уже принятого решения, тем более. В связи с этим для правильного воспроизведения в законе какой-либо правовой идеи важно учитывать ряд моментов. К ним, например можно отнести, выбор нормативно-правового акта, в котором эта идея будет наиболее полно и эффективно выражена, учет интересов различных участников общественных отношений в процессе формулирования идеи языковыми средствами, соответствие грамматическим, лексическим и синтаксическим правилам законодательного текста, посредством которого данная идея получит свое существование и т.п.

Подводя итог рассмотрению механизма детерминации коррупциогенности уголовного закона, следует сказать следующее:

- 1) разные по видам коррупциогенные факторы детерминируются и различными по характеру объективными и субъективными причинами. При этом *однозначной причиной связи* между характером того или иного детерминанта и каким-либо видом коррупциогенного фактора все же не наблюдается.
- 2) как и сами коррупциогенные факторы, их детерминанты носят неустранимый характер, поскольку они *постоянно воспроизводятся* вследствие непрерывно меняющихся реалий жизни общества, несовершенства языковых форм выражения правовых идей, направленности уголовного политики государства на создание более справедливого уголовного законодательства и т.д. Следовательно, они обладают *атрибутивными свойствами* по отношению к правотворческой деятельности в области уголовного права. Однако это не означает, что законодатель не должен пытаться ограничить влияние детерминант на появление коррупциогенных факторов. Повышая качество юридической техники, не предоставляя правоприменителю чрезвычайно широких полномочий, учитывая реалии жизни общества и масштаб его криминализации, а также другие факторы он может и обязан это делать.
- 3) обычно детерминанты коррупциогенности уголовного закона *обнаруживают свое действие в законотворческий период*, то есть когда уголовно-правовые нормы разрабатываются и принимаются законодателем в установленном законом порядке и при соблюдении всех процедурных правил. Но иногда они могут приводить к образованию коррупциогенных факторов и во время действия уголовно-правовых норм уже обладающих юридической силой.
- 4) механизм детерминации коррупциогенного характера уголовного закона весьма сложен. Поэтому в детерминации коррупциогенности уголовного закона следует выделять причины первого порядка, то есть те которые непосредственно приводят к образованию

коррупциогенных факторов и причины второго порядка, которые приводят к появлению причин первого порядка и т.д. Таким образом, если взять, к примеру, широкие пределы уголовно-правовых санкций как коррупциогенный фактор, то решение законодателя об их установлении в законе это непосредственная причина их появления, а лоббирование интересов различных социальных групп или концептуальные основы уголовной политики, направленные на максимально возможную индивидуализацию наказания и т.д. являются уже причинами второго порядка. Образно это можно представить в виде следующей схемы.

Литература

1. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест. 1998. С. 103.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 5.
3. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 1998. С. 116.

4. Малько А.В. Теория государства и права. Учебник. М., Юристъ. 2001. С. 189.
5. Философская энциклопедия. В 5 т. Т.5 (Сигнальные системы – Яшты) / под общ.ред. Ф. В. Константинова, М., Изд-во «Советская энциклопедия». 1970. С. 604.
6. Большая Советская Энциклопедия. В 50 т. Т. 49 (Элоквенция – Яя). 2-издание / Под ред. Б. А. Введенского. М., Изд-во «БСЭ». 1957. С. 495.

УДК 343.9

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ:
ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД
THE HISTORICAL PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE:
A GENDER PERSPECTIVE**

*Н. П. Купрова, соискатель СГУ, кафедры уголовного процесса, криминалистики
и защиты прав человека*

*N. P. Kuprova, Competitor of SSU, chair of criminal procedure, criminalistics
and protection of human rights.*

e-mail: maxa11@list.ru

Аннотация: Статья посвящена историческим проблемам насилия в семье. Автором настоящей работы рассматриваются различные подходы к определению понятия «семья». Рассматриваются понятие и сущность гендерного подхода, особенности его применения в семейной криминологии.

Annotation: the article is concerned with historical problems of domestic violence. The author of present article considers different approaches to definition of term family. There are considered conception and essence of gendar approache, aspects of it's using in family criminology.

Ключевые слова: семья, насилие, гендерный конфликт, причины и условия семейного насилия.

Keywords: family, violence, gender conflict, reasons and conditions of spousal assault.

Семья – это малая группа и социальный институт. В семье формируются духовные и материальные потребности человека, создаются и поддерживаются определенные традиции, происходит становление личности. Как малая группа, семья может быть средоточием дружбы, любви, интеграции, взаимопомощи и взаимной поддержки. Но она же может служить источником межличностных, внутригрупповых (гендерных, поколенческих) конфликтов [1].

Именно этим можно объяснить неуклонный интерес к семье специалистов различных областей знаний – социологов, юристов, педагогов, психологов, но в нормативной и научной практике понятие «семья» является вариативным и остается неустойчивым.

Приведем несколько определений семьи. Социолог А. Г. Харчев определяет семью как обладающую исторически определенной организацией малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, которая обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [2].

Действующее российское законодательство не содержит правового определения семьи, а в юридической литературе по вопросу о его необходимости существует две противоположные позиции. Сторонники одной указывают на сложность выработки универсального понятия семьи, приемлемого для всех отраслей права, так как различные отрасли права регулируют разные по содержанию отношения с участием членов семьи, но считают необходимым закрепить законодательно определение понятия семьи. Более 10 лет назад П. И. Седугин обращал внимание на необходимость законодательного закрепления понятия «семья», которое имело бы общеправовое значение [3]. Сторонники другой позиции выделяют многообразие критериев, характеризующих семью, подчеркивают различия в условиях существования семей, и поэтому отрицают необходимость законодательного определения понятия семьи. Так, О.Ю. Ильина считает, что семья определяется в качестве разных по содержанию понятий как социальная категория и как правовая категория. Такой подход к пониманию семьи стал основой для формулирования вывода «о невозможности существования и нормативного определения единого понятия, которое было бы равно применимо как в семейном праве, так и в иных отраслях права» [4].

Профессор А.М. Нечаева предлагает семейно-правовое определение семьи как общности совместно проживающих лиц, объединенных правами и обязанностями, предусмотренными семейным законодательством. Она обращает при этом особое внимание на такое важное составляющее понятия семьи, как общность совместно проживающих лиц, которая «служит своеобразным фундаментом существования семьи, ее ядром, ради создания которого и совершались шаги к ее образованию» [5].

Мы согласны с профессором Р. П. Мананковой, которая предлагает выработать определения понятия семьи, общего для всех областей знания, и закрепить в следующей дефиниции: «Семья – это малая социальная группа (объединение, союз лиц), основанная на браке, родстве, усыновлении и иных формах принятия детей на воспитание, связанная общностью жизни, а также семейными правами и обязанностями» [6]. Она выделяет в качестве существенного признака семьи «общность жизни», и предлагает рассматривать его как целый комплекс действий, обеспечивающих существование семьи: это совместное проживание и ведение общего хозяйства, воспитание и забота о детях, действий повседневных или систематически совершаемых в течение длительного времени.

Мы считаем, что необходимо законодательное закрепление определения понятия семьи, так как оно обусловлено как практической, так и теоретической целесообразностью, созданием эффективного механизма, обеспечивающего стабильность и устойчивость семьи в российском обществе, а так же необходимостью создания действенной защиты от насилия в семье.

В современном мире проблема домашнего насилия (domestic violence) глобальна. Члены семьи становятся жертвами агрессивных действий значительно чаще, чем посторонние люди. Это относится как к мелким эксцессам, связанным с незначительным причинением вреда здоровью, так и к более серьезным преступлениям, включая убийства. Направленность значительной доли агрессии против близких, отмечается практически во

всех странах, что дает основание говорить об универсальности этого явления.

Исследования Д. А. Шестакова подтверждают тот факт, что каждая третья женщина во всем мире была избита, принуждена к сексуальным отношениям или же подверглась каким-либо иным формам насилия. Каждая четвертая женщина в мире подвергалась насилию во время беременности. Нападение супруга/партнера более распространено, чем автомобильные катастрофы, хулиганские нападения и раковые заболевания, вместе взятые; вероятнее женщину может убить ее предыдущий или настоящий партнер, чем незнакомец. В России внутрисемейные убийства составляют около 40 % всех убийств [7].

По замечанию О.А. Ворониной, «домашнее насилие – любая форма физического, сексуального или психологического насилия, которая угрожает безопасности или здоровью членов семьи со стороны других членов семьи. Формами домашнего насилия считаются угрозы применения физической силы, побои и избиения, психологическое и сексуальное насилие. Чаще всего жертвами оказываются женщины и дети, хотя могут быть и мужчины, особенно если речь идет о психологическом насилии» [8].

П.В. Румянцева отмечает гендерную направленность физического насилия в семье. «Насилие рассматривается как проявление мужской доминантности и агрессивности, приветствуемыми в культуре. Патриархатные гендерные установки порождают искаженное восприятие ситуации насилия, формируют, в частности, представления о виктимности, о том, что женщина «сама виновата» в произошедшем» [9]. Многими мужчинами и женщинами физическое насилие воспринимается как атрибут «нормальной» жизни.

В ходе исследования по данной проблеме, мы пришли к выводу о неразработанности эмпирических исследований по проблеме семейного насилия в отношении женщин, что позволяет говорить о недостаточном восприятии и чувстве ответственности общества за данную ситуацию. Нормативно-правовые акты, действующие сейчас в Российской Федерации в отношении насилия над женщинами направлены на ликвидацию последствий случившегося. К сожалению специальных законодательных актов, которые бы способствовали урегулированию насилия в семье, на данный момент не существует.

Принципиальная особенность семейного насилия состоит в том, что, как показывают исследования, проведенные в разных странах мира, данное насилие имеет четкие очертания гендерной проблемы. Чаще всего жертвами этого вида насилия становятся именно женщины.

Согласимся с О.Л. Даниловой в том, что при рассмотрении семейного насилия против женщин, «векторная направленность насилия не является гендерно-нейтральной, а, следовательно, ее нельзя рассматривать без учета гендерного аспекта и применения гендерного анализа» [10].

В современных научных исследованиях по юриспруденции используется гендерный подход, разработанный социологами и позволяющий глубже проникнуть в проблемы, связанные с личностью человека в целом и личностью преступника в

частности.

Гендер является социальной конструкцией системы социополоролевых отношений [11]. С данным вопросом связано два понятия: «пол» – биологический пол, суммирующий биологические различия между мужчиной и женщиной, и собственно гендер – своего рода «социопол» – конструкция, означающая особенности поведения, социальных стратегий. Пол детерминирован биологическими факторами (генетическими различиями, анатомией), а гендер – это своеобразный итог социализации человека в обществе.

Понятие гендера является одним из механизмов преодоления идеологии патриархатности и андроцентризма. Так, Г.А.Брандт пишет, что разведение понятий пола и гендера в теории западного феминизма часто связывалось с критикой андроцентризма и поддержкой андрогинного [12] типа общества. «В противоположность андроцентристскому в андрогинном обществе половые различия будут делом очень маленькой значимости – здесь не будет мужчин и женщин в традиционном смысле слова, здесь будут индивидуальности с разным набором мужских и женских качеств, которые распределены вне зависимости от физиологического строения органов, и свободным, не навязываемым обществом выбором вида социального поведения и сексуальной ориентации» [13]. Говоря о преодолении патриархатности, речь, безусловно, не идёт о восстановлении матриархата, если таковой когда-либо существовал в истории. Речь идёт о равных правах и возможностях для мужчин и женщин по представительству во всех структурных и иерархических сегментах общества, обретение всеми индивидами из разных слоёв общества равной «субъективной свободы».

Таким образом, гендерный подход подразумевает анализ и учет социально-культурных, половых, поведенческих, статусно-семейных и других различий субъектов, обусловленных социальными, культурными, экономическими условиями жизни общества на определенном этапе его развития.

По мнению К. В. Дядюна, в настоящее время предметом гендерных исследований является весь спектр особенностей и различий, входящих в содержание статуса личности. При этом половым аспектам по-прежнему уделяется большое значение, однако, с учетом взаимодействия с другими компонентами [14].

Гендер включает в себя не только биологическую принадлежность индивида, но и условия его воспитания, психические особенности, социальный статус [15]. Такой подход к пониманию личности можно назвать индивидуализацией, а если это определение типа личности, то – дифференциацией. Соответственно, гендерное равенство (или равновесие) – это равенство индивидов с учетом их биологических, психологических, социальных и культурных особенностей.

Необходимо учитывать и то, что каждое изменение в общественном строе неизбежно выражается в соответствующем изменении норм правопорядка, а, следовательно, влечет за собой и соответствующее изменение области запрещенных деяний. То, что в одну эпоху было дозволенным, в другую является запрещенным и наоборот [16].

В силу близости части уголовно-правовых запретов к запретам моральным

некоторые деяния, бывшие преступлениями в одну эпоху, переходили в разряд заслуживающих лишь морального осуждения – в другую. Насилие в семье – феномен конкретно-исторический, зависящий от особенностей моральной парадигмы того общества, в котором он проявляется. Родственно-семейное насилие считалось допустимым до определенного исторического периода общественного развития, поскольку семья обладала специфическими контрольно-карательными функциями, признаваемыми обществом.

Гендерная асимметрия была присуща законодательству в данной области, поскольку правил формальный принцип невмешательства в семейные дела, муж (отец) традиционно наделялся широкими властными полномочиями по отношению к другим членам семьи, которые беспрекословно должны были подчиняться ему во всем. Жены и дети безнаказанно подвергались разнообразным формам жестокого обращения, включая телесные наказания за «плохое поведение». В Англии, Франции и Америки до середины XVIII в. только отец управлял семьей, государство практически не вмешивалось. Более того, оно дополняло отцовскую власть, предоставляя тюрьмы в распоряжение отцов для наказания непослушных детей. Британские законы, например, позволяли мужу наказывать жену с применением «любого разумного орудия». Правда, постепенно вводились ограничения на разрешенное орудие наказания. К началу XX в. муж мог применять палку или кнут не толще собственного большого пальца руки.

В России, как и в западноевропейских государствах, домашнее насилие было допустимым явлением во всех слоях общества. Фрагментарную информацию о формах его проявления можно найти в различных источниках: хрониках/летописях, нормативных правовых актах, каноническом праве, народном фольклоре, литературных произведениях, в исторических монографиях, этнографических описаниях, публицистических статьях и др. По Соборному уложению 1649 г. [17], за мужеубийство устанавливалось такое наказание, как «окопание в землю». Правда, существовало положение об отсрочке приведения в исполнение приговора беременным женщинам, но регулировалось оно со свойственной законам того времени жестокостью: до родов к женщине применялось тюремное заключение, после – назначенное наказание применялось без каких-либо оговорок. При этом женоубийство как отдельный вид убийства не выделялось. Однако оскорбление женщины и по этому правовому акту также признавалось тяжким преступлением против чести [18]. Избиение жен было распространенным явлением среди всех сословий. Например, жена бригадира Мария Потемкина просила Синод развести ее с мужем, так как тот бил ее, несмотря на семидесятилетний возраст. В архивах есть и такие дела, в которых побои мужей приводили к смерти жен. Синод же в основном приговаривал виновных к церковной епитимье.

Как отмечает Костомаров, не всегда, однако жены безропотно и безответно сносили суровое обращение мужей, и не всегда оно оставалось безнаказанным. Были примеры, что жены травили мужей и «мстили за себя доносами» (19).

Заслуживает внимания рассмотрение эволюции гендерной асимметрии,

обусловленной не только половыми, но и статусно-семейными различиями субъектов. Среди преступных деяний в рассматриваемом аспекте наиболее примечательно детоубийство.

По Уложению смертной казнью каралось убийство отца или матери детьми, убийство сестер или братьев. Смертная казнь назначалась и за убийство «прижитого в блюде» незаконнорожденного ребенка. В свою очередь, убийство родителями своих законнорожденных детей наказывалось не так строго - год заключения в тюрьме и церковное покаяние. В этом законодательном памятнике проведено глубокое различие между убийством, совершенным законными родителями и внебрачную матерью. О первом говорит 3 ст. XXII главы: «А будет отец, или мать сына, или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходиться им к Церкви Божий, и у Церкви Божий объявляти тот свой грех всем людям вслух. А смертью отца и матери за сына и дочь не казнить». Между тем обычным наказанием за убийство являлась смертная казнь. В Уложении очень немного указано случаев, когда допускалась для преступников такая легкая расплата за совершенные ими деяния. Но для детоубийцы матери одиночки нет снисхождения. Она виновна не только в том, что убила своего незаконного ребенка, но и в том, что жила в блюде. Наказывая ее, Уложение исходило из принципа устрашения и боролось не только с детоубийством, но и с блудом: «а будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блюде приживет с кем детей, и тех детей сама или иной кто по ее веленью погубит, а сыщеца про то допряма, и таких без-законных жен, и кто по ее велению детей ее погубит, казнить смертью безо всякия пошады, чтоб на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» (гл. XXII, ст. 26). Уложение в названной статье не определяет способа смертной казни. Исходя из существующей судебной практики, смертная казнь проводилась «на окопании виновных живыми в землю» [20].

Аналогичную картину гендерной асимметрии мы видим и в истории развития законодательства народов республик Северного Кавказа. А. Магомедов отмечает, что «глава семьи сосредоточивал в своих руках большую экономическую и духовную власть, нередко единолично распоряжался имуществом, финансами семьи. Ему беспрекословно подчинялись и дети, и все взрослые члены» [21]. В своде адатов горцев Северного Кавказа от 1847 года в специальной статье отмечалось, что «отец полновластен над сыновьями, и последние должны во всем повиноваться ему, со смирением и глубочайшим почтением принимать всякое приказание и безропотно исполнять оное. Малейшее сопротивление и непослушание воле родителей, по адату, есть величайший стыд, а по шарияту – грех» [22].

В соответствии со сложившимися патриархальными традициями на Северном Кавказе, мужское поколение пользовалось особыми правами, ибо сыновья являлись защитниками семьи, продолжателями рода и наследниками имущества. Большой радостью и жизненной удачей считалось (а кое-где считается и до сих пор) рождение в семье ребенка мужского пола при заметном равнодушии к появлению девочки, которая порой даже возбуждала недоброжелательность со стороны мужа и всей родни по отношению к «неудачливой» матери.

С самого раннего возраста мальчик в семьях чеченцев, ингушей и других народов Северного Кавказа знакомился с половой иерархией ему внушалось, что он призван в будущем играть главную роль в семье, что он опора дома. Пословица гласила: «Не будет сына, не будет крова». З. И. Хасбулатова отмечает, что «напротив, появление на свет девочки обставлялось без афиширования. В этом случае отец имел сконфуженный вид, всякий встречный избегал напомнить ему о свершившемся у него в семье событии, и только женщины-родственницы и соседки приходили проведать роженицу» [23].

Ущемленное, ограниченное в европейском понимании положение женщины по сравнению со статусом мужчины в мусульманских государствах всегда являлось традиционной отличительной чертой исламской концепции прав человека. Согласно исламской концепции общественного устройства надлежащая роль женщины состоит в замужестве и воспитании детей. И хотя женщинам не запрещено открыто появляться в общественных местах, им не рекомендуется общаться с мужчинами, которые не приходятся ей родственниками. Как и в случае с западным общим правом до XIX столетия, жены в соответствии с исламским правом обязаны подчиняться и служить своим мужьям, обулаивать дом, заботиться о детях. И Коран дарует мужу право воспитывать непослушную жену, пока она не начнет повинаться ему. Хотя они и являются равными в метафизическом смысле, но в терминах юридической власти мужчины на ступень выше женщин, и власть мужа включает физические ограничения женщины, не допускающие ее ухода из дома. Это не индивидуалистическая концепция, как обычно воспринимают ее на Западе, а аспект отношений внутри мусульманской общины. Обязанность вести моральный образ жизни во имя чести семьи лежит на всех членах клана, вне зависимости от пола, а не только на женщинах. Однако поведение женщин лежит в основе понятия чести рода, за поведение жен отвечают их мужья, а по Шариату все родственники-мужчины имеют как обязанности, так и власть исправлять поведение любой родственницы женского пола, если речь идет о чести всего рода [24].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что гендерный подход присутствовал в законодательстве народов на протяжении веков, отражая определенные социо-культурные условия развития конкретного общества, изменение которых в немалой степени определяли модификации законодательства. Хотя, само понятие «гендерного подхода» не существовало, однако соответствующие особенности и различия субъектов учитывались на законодательном уровне.

Мы согласны с мнением К.В. Дядюна, который считает, что «гендерный подход представляет собой совокупность приемов и способов, применяемых к какому-либо явлению на основе учета особенностей составляющих элементов личностного статуса субъектов, в частности половых, социально-культурных, поведенческих, статусно-семейных, психологических и др. Данное определение содержит основополагающий признак рассматриваемого подхода – учет особенностей составляющих элементов личностного статуса субъектов» [14].

Таким образом, мы считаем необходимым проведения детального анализа

специфики существующих различий с позиции гендерного подхода, а также их общее обоснование с позиций не только равенства, но и гуманизма, справедливости. Только при таком подходе можно оценить опыт прошлого, извлечь из него определенные уроки, чтобы избежать ошибок в будущем. Лишь совокупный учет всех аспектов социальной справедливости позволит плодотворно бороться с проблемой насилия в семье, достичь гендерного равенства (или равновесия) с учетом их биологических, психологических, социальных и культурных особенностей, что будет способствовать справедливости применения права и закона в целом.

Литература

1. Гишинский Я. И. Институт семьи в системе "девиантность – социальный контроль": Материалы Международной научной конференции "Семья и преступность" 2001 г. // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Материалы Международной научной конференции "Семья и преступность" 2001 г.. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. - С.-Пб.: Изд-во РГПУ, 2002, № 1 (2). С. 34–41.
2. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1964. С. 57.
3. Седугин П.И. Комментарий к Семейному кодексу РФ / Под ред. П.В. Крашенинникова, П.И. Седукина. М., 1997. С. 2.
4. Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 11 – 12.
5. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 90 – 91
6. Мананкова Р.П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации. Томск: Том.гос. ун-т, 2008. С. 13.
7. Шестаков Д.А. Семейная криминология. Криминофамилистика. 2-е изд. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 389 с.
8. Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований» под ред. О.А.Ворониной, И.С.Григорьевой. М: ЛЦГИ, МВСШСЭИ,2000.
9. Орлов А.Б. Психологическое насилие в семье – определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи // Психолог в детском саду, 2000. № 2 – 3. С.182 – 187.
10. Данилова О.Л. Психология восприятия насилия: культурный и гендерный аспекты // Практикум по гендерной психологии /Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. С.388 – 403.
11. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. Мн., 2001.
12. Андрогиния – совмещение в индивиде маскулинных и фемининных черт. Андрогинная личность вбирает в себя всё лучшее из обеих половых ролей.//Словарь гендерных терминов. С.8–9.

-
13. Брандт Г.А. Природа женщины как проблема. (Концепции феминизма) // Женщина в обществе: мифы и реалии. Сборник статей. / Редактор-составитель Круминг Л.С. М.: Информация - XXI век 2001. С.94.
 14. Дядюн К. В. Гендерный подход в уголовном праве: история и современность. Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. №1(15), 2011.
 15. Введение в гендерные исследования: учеб. пособие для студентов вузов / под общ. ред. И.В. Костиковой. М., 2005.
 16. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. – Т. 1. – СПб., 1908.
 17. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. - М. 1985.
 18. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов на / Д., 1995.
 19. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI-XVII столетиях. - М. 1989.С. 105.
 20. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. - М. 1985.
 21. Магомедов А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь 1999.с.53.
 22. Карачаевцы: историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С 229.
 23. Хасбулатова З. И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционный период.// <http://www.chechen.org/72-khasbulatova-z.i.-obrjady-obychai-i-роверja.html>// Дата обращения 14.05.2012.
 24. Магомедов А. М-А Женщины в мусульманском мире. Евразийский юридический журнал № 10 (41) 2011.

УДК 300-399 (34)

**О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ НЕОБОСНОВАННО БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА
ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ
ЗАСЕДАТЕЛЕЙ
ABOUT REASONS OF UNREASONABLE HIGH NUMBER OF JUDGMENT
CONVICTED BY COMMON JURY**

Е.Л. Рубачева, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и защиты прав человека, город Ставрополь, Ставропольский государственный университет
Н.М. Новик, студент третьего года очной формы обучения, юридического факультета, Ставрополь, Ставропольский государственный университет.

E.L. Rubacheva, assistant professor of criminal procedure, criminology and human rights. Stavropol, Stavropol state university.

Novik N.M., a student of the third year of full-time teaching faculty of law, Stavropol, Stavropol state university.

e-mail: novik-nikita@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются институт суда присяжных заседателей, проблемы повышения его эффективности, а также причины необоснованно большого количества вынесения оправдательных вердиктов.

Annotation: There are analyzed institute of common jury, problems of efficiency and also reasons of unreasonable high number of judgment convicted.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжный заседатель, убийство, обвинитель, справедливый вердикт.

Key words: trial by jury, member of jury, murder, just verdict, prosecutor.

В последнее время суды присяжных все чаще и чаще выносят оправдательные вердикты в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, вызвавших общественный резонанс в связи с их повышенной общественной опасностью, что расценивается как профессиональная несостоятельность стороны обвинения. Следователи не могут собрать доказательства, достаточные для изобличения виновных; государственные обвинители не в состоянии представить их в доходчивой, убедительной и понятной присяжным форме.

Только за 2008 год судами с участием присяжных заседателей было рассмотрено 536 уголовных дел, что составляет 14,5% от общего числа уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции. При этом судами с участием присяжных заседателей осуждено 900 человек, а оправдано 236 человек, или 20,5% от числа лиц, в отношении которых судами с участием присяжных заседателей вынесены судебные решения по существу дела. Для сравнения укажем, что доля оправданных лиц по всем остальным

уголовным делам, рассмотренным судами областного звена, составила всего 4,8%. [1] Таким образом, суд с участием присяжных заседателей постановил оправдательные приговоры в отношении каждого пятого подсудимого. Не является ли этот показатель свидетельством того, что суд с участием присяжных заседателей в настоящее время переживает серьезный кризис?

Многие авторы, в том числе и И.Н. Алексеев обоснованно говорят о том, что налицо полная непредсказуемость приговоров, выносимых судом с участием присяжных заседателей, как при осуждении, так и при оправдании подсудимых. [2]

На наш взгляд имеющиеся причины недоверия к суду с участием присяжных заседателей привело к тому, что круг уголовных дел, подлежащих рассмотрению в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей значительно сужается.

Так принятие законодателем нового Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму», которым из подсудности суда с участием присяжных заседателей изъяты уголовные дела о наиболее опасных преступлениях - о террористическом акте (ст. 205 УК РФ), о захвате заложников (ч. ч. 2 - 4 ст. 206 УК РФ), об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем (ч. 1 ст. 208 УК РФ), о массовых беспорядках (ч. 1 ст. 212 УК РФ), о государственной измене (ст. 275 УК РФ), о шпионаже (ст. 276 УК РФ), о насильственном захвате власти или насильственном удержании власти (ст. 278 УК РФ), о вооруженном мятеже (ст. 279 УК РФ) и о диверсии (ст. 281 УК РФ). [3]

Сокращение уголовных дел, подлежащих рассмотрению присяжными заседателями, вызвано тем, что суды присяжных не справляются по ряду причин, поэтому стоит задуматься, как сделать так, чтобы институт присяжных заседателей оказывал качественную помощь в рассмотрении уголовных дел, либо эти составы рассматривали коллегии из профессиональных судей.

Основной причиной необоснованных вердиктов присяжных, по мнению Н.Ф. Ворониной, является то, что по сравнению с обычным судопроизводством, количество оправдательных приговоров, постановляемых судом с участием присяжных заседателей, заключается в достаточно сложной процедуре исследования доказательств в суде присяжных, которая значительно повышает требования к качеству материалов предварительного расследования. Доказательства, признанные судом недопустимыми, исключаются из дела и не представляются на обозрение присяжных заседателей. [4]

Проблема заключается в серьезном ограничении прав присяжных заседателей в полном и независимом исследовании доказательств по рассматриваемому уголовному делу. Присяжные заседатели, по существу, лишены права принимать участие в исследовании доказательств на предмет их допустимости и достоверности.

Но при этом закон не запрещает сторонам поднимать вопрос о недопустимости доказательств непосредственно в ходе судебного следствия. Кроме того, согласно ч. 7 ст. 235 УПК РФ сторона вправе при рассмотрении дела по существу повторно заявить ходатайство о признании исключенного доказательства допустимым. И соответственно,

зная о том, что в деле имеются еще какие-то доказательства, собранные следствием и исключенные судьей, присяжные не могут полно и объективно оценить все фактические обстоятельства дела и правильно ответить на вопросы, которые перед ними поставил председательствующий перед удалением их в совещательную комнату. Поэтому, как верно отмечает А.Х. Энеев, даже заявление ходатайства об исследовании ранее исключенных доказательств ограничивает возможности участия присяжных в исследовании всех имеющихся в деле доказательств и дачи ими полной, всесторонней, объективной оценки для вынесения справедливого и обоснованного вердикта по вопросам фактических обстоятельств дела.

Также необоснованно ограничены законом в своих правах присяжные заседатели и при исследовании личности подсудимого. Некоторые авторы оправдывают такую позицию законодателя тем, что информация негативного характера о личности подсудимого и потерпевшего может вызвать формирование у присяжных заседателей предубеждение, которое воспрепятствует беспристрастному рассмотрению дела.[5] Но возникает вопрос - почему же законодатель не обеспокоен тем, что такая негативная информация может оказать влияние на председательствующего судью, который единолично определяет меру наказания в суде присяжных?

На наш взгляд, законодатель без достаточных оснований лишает присяжных заседателей права на активное участие в исследовании, проверке и оценке доказательств путем постановки вопросов подсудимому, потерпевшему, свидетелям и экспертам. Присяжные заседатели не имеют даже право самостоятельно задавать вопросы допрашиваемым в суде лицам.

Присяжные заседатели, в отличие от судьи, сторон защиты и обвинения не имеют права знакомиться с материалами уголовного дела и с обвинительным заключением. Весь ход судебного разбирательства и предъявляемые стороной обвинения и защиты доказательства они должны воспринимать на слух. При отсутствии самых необходимых правовых знаний и опыта участия в судебных процессах получить правильное, объективное представление об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела для присяжных заседателей в связи с этим весьма затруднительно.

Ряд авторов справедливо указывают, что к вынесению необоснованных оправдательных вердиктов присяжных заседателей приводят порой недостаточная квалификация самих судей.[6] Кроме того, большое значение имеет низкий уровень подготовки государственных обвинителей, участвующих в судебном рассмотрении дел с участием присяжных заседателей. Зачастую сторона обвинения не обращает достаточного внимания на тот факт, что вердикт выносят «непрофессиональные» судьи.

Уголовно-процессуальный закон (ч. 2 ст. 335 УПК РФ) устанавливает, что первым вступительное заявление делает государственный обвинитель, который в нем излагает существо предъявленного обвинения и предлагает порядок исследования представленных им доказательств. При этом законодательно не предусмотрено, какие конкретно обстоятельства и в каком объеме содержательно должны отражать существо обвинения. Не устранена эта неопределенность и в нормативно-правовых актах Генеральной

прокуратуры РФ.[7]

Обвинение, которое бытовым языком уместается в одно предложение, исходя из действующих требований УПК РФ, расписывается следователем на несколько листов, и при его оглашении присяжным трудно понять, в чем же конкретно обвиняется подсудимый. То же самое можно сказать и про протоколы осмотров, заключения экспертов, исследование документов.[8]

При этом одной из немаловажных целей гособвинителя является нахождение общего языка с присяжными заседателями, возможность заинтересовать их ходом исследования доказательств, и самое главное возбудить в них негативное отношение к совершенному преступлению и лицу, его совершившему, а также вызвать сочувствие к потерпевшим.

Интересно отметить, что согласно данным проведенного научными сотрудниками НИИ при Генеральной прокуратуре РФ анкетирования присяжных заседателей у 30% опрошенных присяжных заседателей убеждение в виновности подсудимого сформировалось после обвинительной речи прокурора - речь государственного обвинителя была убедительной по содержанию и форме, и ее было интересно слушать.[9] На наш взгляд, если бы присяжным заседателям перед началом судебного процесса вручалась копия обвинительного заключения, то им было бы проще понять суть обвинения подсудимого, собранные на предварительном следствии доказательства, которые будут исследоваться в суде, и следить за ходом судебного следствия.[10]

Таким образом, в настоящее время присяжные заседатели лишены доступа к полной информации по рассматриваемому уголовному делу, и, следовательно, они не могут представить себе объективную картину события преступления и вынести обоснованный вердикт. Поэтому мы считаем, что снижение необоснованных оправдательных вердиктов может быть достигнуто во многом путем расширения прав присяжных заседателей в исследовании доказательств в судебном разбирательстве.

Мы полагаем, что присяжные заседатели в любом случае должны иметь объективное представление о личности подсудимого, так как отделить преступление от человека, его совершившего, невозможно. Ознакомление с личностью подсудимого в значительной степени спасает от судебной ошибки, которая одинаково возможна как в случае осуждения только на основании сведений о дурном характере подсудимого, так и в случаях осуждения только на основании преступного факта. При наличии же сомнений в виновности подсудимого присяжные заседатели исходят из того, мог ли он, с учетом ставшей известной информации об его личности, совершить данное преступление.

На наш взгляд, законодатель без достаточных оснований лишает присяжных заседателей права на активное участие в исследовании, проверке и оценке доказательств путем постановки вопросов подсудимому, потерпевшему, свидетелям и экспертам. Присяжные заседатели не имеют даже права самостоятельно задавать вопросы допрашиваемым в суде лицам.

Присяжные заседатели, в отличие от судьи, сторон защиты и обвинения не имеют права знакомиться с материалами уголовного дела и с обвинительным заключением. Весь

ход судебного разбирательства и предъявляемые стороной обвинения и защиты доказательства они должны воспринимать на слух. В связи с этим верно заметил И. Маслов, что при оглашении обвинительного заключения присяжные могут просто «заснуть», абсолютно не поняв, в чем же конкретно обвиняется подсудимый.[11]

Таким образом, в настоящее время присяжные заседатели лишены доступа к полной информации по рассматриваемому уголовному делу, и, следовательно, они не могут представить себе объективную картину события преступления и вынести обоснованный вердикт. Поэтому мы считаем, что снижение необоснованных оправдательных вердиктов может быть достигнуто во многом путем расширения прав присяжных заседателей в исследовании доказательств в судебном разбирательстве.

Литература

1. Статистическая справка о работе судов общей юрисдикции за 2008 год // Российская юстиция. – 2009. – N 3. – С. 64.
2. Алексеев И.Н. Суд присяжных заседателей как угроза российской правовой системе // Уголовный процесс. -2005. – N 5. – С. 52.
3. Российская газета // 31 декабря 2008 г.
4. Воронина Н.Ф. Пределы судейского усмотрения при постановлении оправдательного приговора судом присяжных // Уголовный процесс. – 2005. – N 8. – С. 46.
5. Быков В.М., Митрофанова Е.Н. Причины вынесения присяжными заседателями необоснованных оправдательных вердиктов // Российская юстиция. – 2010. – N 2.
6. Маркова Т.Ю. Вопросы, не подлежащие разрешению коллегией присяжных заседателей // Уголовный процесс. – 2009. – N 9. – С. 26 - 31.
7. Крюков В.Ф. Государственный обвинитель в судебном следствии суда присяжных // Российский судья. – 2011. – N 10.
8. Маслов И. Почему обвинение проигрывает в суде присяжных? // Законность. – 2009. – N 9.
9. Быков В.М., Митрофанова Е.Н. Причины вынесения присяжными заседателями необоснованных оправдательных вердиктов // Российская юстиция. – 2010. – N 2.
10. Быков В.М., Митрофанова Е.Н. О расширении прав присяжных заседателей // Российская юстиция. – 2009. – N 3. – С. 30 - 34.
11. Маслов И. Почему обвинение проигрывает в суде присяжных? // Законность. – 2009. – N 9. – С. 23 - 29.

**ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCE**

УДК 316.774:1

**ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ
CONCEPT OF INFORMATION OF THE MODERN SCIENCE:
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

В. Н. Гончаров, доктор философских наук, доцент, действительный член (академик) Российской Академии Естествознания, профессор кафедры андрагогики, профессор кафедры философии и культурологи государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ставропольский государственный педагогический институт»

V. N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor, full member (academician) of the Russian Academy of Natural sciences, professor of andragogics department, professor of chair of philosophy and culturologists of the public budgetary educational institution of higher education «The Stavropol state teacher training college»

e-mail: vgn1968@rambler.ru

Аннотация: Как социально-философская категория, «информация» по объему выражает собой все виды информации, циркулирующие в обществе и используемые людьми во всех сферах их жизнедеятельности.

Annotation: As the social and philosophical category, «information» on volume expresses itself all types of information circulating in society and used by people in all spheres of their activity.

Ключевые слова: информация, информационные процессы, теория информации, сознание, познание.

Keywords: information, information processes, information theory, consciousness, knowledge.

Формирующиеся социально-информационные теории придают «информации» статус социально-философской категории. Однако, при этом, сам термин «информация» не имеет однозначного толкования - в социальных учениях часто не считают нужным пояснять его. Но смысловое содержание данной категории зависит от того, что, собственно, понимается под информацией, независимо от того, каким образом она кодируется, хранится и передается. В современной научной философской литературе нет ясного ответа на этот вопрос. Поэтому, естественно, возникает потребность в социально-философском анализе, прежде всего, самого понятия информации.

В процессах управления (особенно в социальных процессах) изучение роли информации показало, что в первую очередь здесь важны качественные характеристики информации, прежде всего ее ценность. Ценна та информация, которая полезна, важна для управления и значима для системы управления. Она ведет к осуществлению цели, поставленной в процессе управления. В этом случае информация включена в отношение: получатель информации – цель управления – информация. К измерению ценности информации существует в настоящее время несколько подходов. А. А. Харкевич (1960 г.) одним из первых обратил внимание на возможность измерения ценности информации. По его мнению, ценность может измеряться через приращение вероятности достижения цели до и после получения информации. Ценность информации здесь измеряется посредством количества. Насколько получение информации приближает кибернетическую систему к реализации цели (программы), настолько, в общем случае, зависит ценность этой информации. В 60-е годы XX века в работах М. М. Бонгарда, Р. Л. Стратоновича, Б. А. Гришанина, М. К. Газурина (использующих теорию игр и решений, теорию алгоритмов, теорию оптимального управления) появились кибернетические варианты теории ценности информации. Измерение ценности информации через ее количество является характерной чертой этих подходов. Отличие от подхода А. А. Харкевича заключается в том, что зависимость между ценностью информации и ее количеством имеет различные формы, а это позволяет вводить отрицательную меру ценности. Понятие ценности информации обязательно связывается с понятием цели. При одном и том же количестве мера ценности информации оказывается зависимой от субъекта управления (получателя) и от целей управления.

В современной науке существуют различные подходы к исследованию как количественной, так и качественной сторон информации, и все эти подходы могут быть интерпретированы с единых позиций как взаимосвязь отражения и разнообразия. Информационный процесс представляет собой передачу разнообразия от одного объекта к другому (в качестве примера служит передача разнообразия слов по телефону, знаков по телеграфу, разных величин по приборам). Тесную связь с понятием отражения обнаруживает движение разнообразия от одного объекта к другому, представление об информации как о чем-то таком, что содержится в одном объекте относительно другого. К формулировке общего определения понятия информации как отраженного разнообразия привело выявление взаимосвязи понятия информации с понятиями разнообразия и отражения. «Работоспособным» такое определение оказалось в математических теориях информации (хотя адекватно соответствует лишь синтаксическому аспекту любых реальных информационных процессов). Концепция информации как отраженного разнообразия в той или иной степени охватывала все информационные процессы, поскольку они оказываются какой-либо стороной отражения, но не все свойства информации одинаково полно выражают понятие разнообразия [1]. Разнообразие является довольно абстрактной характеристикой отражения, поэтому во всех отражательных процессах можно обнаружить и информацию.

В современной науке, изучая проблему информации, исследователь оказывается перед выбором двух возможностей, каждая из которых имеет свои недостатки. Попытка дать единую интерпретацию термину «информация» влечет за собой либо широкую, но, по сути, малосодержательную концепцию, либо ведет к более содержательной, но не охватывающей ряд предметных областей, где находят использование теоретико-информационные методы. В каждой реальной информационной ситуации охватывается лишь часть содержания и поэтому широкая концепция информации, «работая» везде, в конкретной науке используется лишь частично. Этот недостаток устраняют узкие концепции информации, давая, более богатые и содержательные определения, но сфера применимости этих определений оказывается весьма ограниченной. Такие понятия вне этой сферы не могут быть вообще использованы.

Проблемы и достижения специальных наук могут истолковываться с различных философских позиций, между результатами частных наук и философскими выводами из них нет однозначной связи. Противоположные и различные философские системы стремятся показать, что понятие информации соответствует этой, а не другой какой-либо системе философских категорий и исходных установок. Представители одного идеалистического направления определяют информацию как субъективный феномен, другого – признают ее объективный характер, но лишь как проявление некоторого духовного начала.

Представители позитивистского направления внесли определенный вклад в учение об информации. К таковым можно отнести Р. Карнапа и Й. Бар-Хиллела чьи исследования в области семантических свойств информации, без сомнения, являются плодотворными и перспективными направлениями в учении об информации. Однако оно еще не вышло за пределы первоначальных представлений об информации: исследуются сообщения, передаваемые человеческой речью (хотя и весьма упрощенной для формализации). Оно еще мало вносит (или почти не вносит), как, впрочем, и прагматические концепции, нового в развитие представлений о природе информации. Все неопозитивисты истолковывают информацию субъективно или интерсубъективно. Информация ими представляется стороной, чаще всего содержанием знаковых сообщений, которые, в свою очередь, выступают как определенные характеристики, состояние сознания или как результат конвенции, соглашения.

Теория информации не является новой универсальной методологией науки, и ее положения в содержательном аспекте не могут быть столь общими и содержательными, как философские. Теория информации не может служить основой для выработки единого языка науки, унифицированного знания, так как она исследует лишь одно из свойств материи. Учение об информации, правда, содействует развитию интегративных процессов в науке, синтезу нового знания. Однако это единство не носит чисто лингвистический, грамматический или логический характер, оно обусловлено материальным единством информационных процессов связи и управления.

Затрагиваемый в науке вопрос об объективности информации связан не только с чисто философскими проблемами, но и с развитием самого понятия информации. Долгое

время информация представлялась чисто духовным феноменом, свойством, если не отдельного индивидуума, то, во всяком случае, интересубъективным свойством. Информация мыслилась как сведения, сообщения о чем-либо, которые передавались с помощью звуков человеческой речи или иных знаков от одного человека к другому. Точка зрения, согласно которой информация - это свойство, характеристика только человеческого сознания и общения, существует и в настоящее время.

Проблема объективности информации реально возникла лишь с развитием теории информации и кибернетики. В теории информации (статистической теории информации, в частности), например, была сделана попытка измерения информации, передаваемой по техническим каналам массовых коммуникаций. Понятие информации трактовалось здесь как-то, что снимает, уничтожает неопределенность. Математические средства, выяснилось при этом, основанные на таком понимании информации, могут измерять не только информацию, которая циркулирует в общественных коммуникативных системах, но и еще ряд процессов, существующих независимо от общества и человеческого сознания.

Кибернетика изучает процессы связи и управления в живых организмах, обществе и технических устройствах (Н. Винер). Кибернетика установила, что управление невозможно без информации, значит, всякие управленческие процессы могут считаться одновременно и информационными. К их числу, согласно кибернетической точке зрения, относятся и процессы связи и управления в биологических системах. Однако, последние существуют и существовали, независимо от человеческого сознания, значит уже кибернетика как бы выявляет область информационных процессов, где информация объективна.

Техника, разумеется, также в определенной степени является такой областью. Основывать тезис об объективности информации исключительно на объективности технических процессов нельзя. Противники объективности информации это понимают. Как полагал П. Киршенман, на основании рассмотрения только кибернетической техники еще нельзя сделать вывод об объективности информации [2]. В современной кибернетике признают наличие информации и в биологических системах, которые появились задолго до человека. Поэтому, если в отношении технических систем управления и связи можно сказать, что здесь воплощено и передается то, что присуще сознанию человека, то этого нельзя сказать по отношению к информации в биосистемах. В технических кибернетических устройствах информация существует вне, но отнюдь не независимо от человеческого сознания. Технические устройства являются, с одной стороны, объектами неживой природы, а с другой - воплощением идей, проектов человеческого разума, воли и труда (машинная информация в кибернетических устройствах имеет иную форму своего существования, чем в человеческих системах).

Существуют и процессы передачи информации иного типа, в частности генетические информационные процессы. Наследственная информация кодируется в структуре дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), в последовательности гетероциклических оснований. Генетический код ДНК передается затем молекулам рибонуклеиновой кислоты (РНК), которые отображают, воспроизводят в особенностях

своей структуры (в последовательности аминокислот) особенности ДНК. Транспортная РНК выбирает определенный аминокислотный остаток и выстраивает его вдоль матричной РНК, аминокислоты формируют пептидные связи, в результате чего образуется белок. Последовательность аминокислот в синтезируемом белке, молекулярные конфигурации белка воспроизводят структуру ДНК, и, значит, структуру биологической системы, передающей наследственную информацию. Отсюда некоторые исследователи приходили к выводу, что это типичный информационный процесс, происходящий на молекулярном уровне в биосистемах материальной природы [3]. Таким образом, как полагают некоторые авторы, молекулярная биология совместно с теорией информации вскрывают область информационных процессов, которые не зависят от сознания и существуют вне его.

Современная теория информации и особенно ее приложения в науках, традиционным предметом познания которых была неживая природа, идут дальше и предполагают наличие информации в неживой природе. Для доказательства объективного характера информации, во всяком случае, хотя бы ее части, достаточно и установления материального характера генетической и других видов биологической информации. Наличие информации в неживой природе и тем самым всеобщности информации дало бы лишь дополнительные аргументы в пользу объективности информации, укрепило бы позицию материальной природы информации. П. Киршенман истолковывает информацию как сугубо социальный феномен, как интересубъектное явление, выступает против попыток применения теоретико-информационных средств к изучению объектов неживой природы, уверяя, что они не дают ничего нового. Он отрицает даже само существование информации в неживой природе [2]. Некоторые авторы, отождествлявшие знание и информацию, настаивали на исключительно идеальном характере информации, считая, что материальными являются лишь носители информации [4].

В целом ситуацию с проблемой информации в современной науке можно охарактеризовать так: не существует общепризнанной единой концепции информации.

Литература

1. Урсул А. Д. Информация: Методологические аспекты. - М.: Наука, 1971. - С. 152.
2. Kirschenmann P. P. Information and Reflection. Dordrecht - Holland. 1970.
3. Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. - М.: Наука, 1974. - С. 262-263.
4. Wild J. Zur Problematik der Nutzenbewertung von Information // Zeitschrift für Betriebswissenschaft. - 1971. - Bd. 1. - №5.

УДК 130.2

**ЭСТЕТИКА ЭНВАЙРОМЕНТАЛИЗМА:
ЭКОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО
ESTHETICS ENVIRONMENTS: ECOLOGY AND MODERN ART**

Ю.В. Соболев, кандидат философских наук (Красноярск, СибГТУ)
Y.V. Sobolev, Ph.D/ (Krasnoyarsk, Sibgtu)
e-mail: ysob@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы экологии и современного искусства в контексте эстетики энвайроментализма (эко-арта): специфика, техника, персоналии.

Annotation: In the article are considered the problems of environment and the modern art in the context of the esthetics of environmentalism: specifications, techniques, persons.

Ключевые слова: эстетика, экология, энвайроментализм, культура, искусство.
Keywords: esthetics, ecology, environment, culture, art.

Осмысление экологической проблематики в дискурсивном поле философской традиции явление относительно новое; на сегодняшний день она, главным образом, вписана в общий круг глобальных проблем современности (в частности, как одна их актуальных проблем истории и философии науки). Отчасти поэтому философский взгляд на экологическое состояние сегодняшнего мира становится привычной фиксацией и констатацией общей (ставшей уже привычной) мысли о том, что человек уничтожает мир. На этом фоне пафос философии новоевропейской эпохи, выраженный знаменитой идеей Ф. Бэкона о преодолении природы посредством технических достижений, сегодня кажется утопическим анахронизмом. Однако уже в первой половине XX века проблема человека и окружающего мира стала предметом осмысления таких ученых как Э. Мах, П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский. Позднее появляется теория «глубинной экологии» (1973г.), автором которой стал норвежский философ А. Нейс. Суть концепции глубинной экологии, где ставятся под вопрос «базисные принципы нашего общества» (Нейс), заключается в отказе от методологических ограничений рамками современной науки. (Так, например, другой представитель этого направления У. Фокс, предложил переименовать глубинную экологию в трансперсональную экологию, как некий симбиоз глубинной экологии с восточным опытом духовного познания и западной философской психологией). Итак, почему же именно философия актуализирует «экологический» вопрос, который является, казалось бы, «своим» для естественно-научного исследовательского поля?

Следует начать с того, что термин «экология» возник и использовался примерно с середины XIX столетия. Но лишь в конце века этот термин попал в большую науку благодаря немецкому биологу Э. Геккелю, издавшему в 1886 г. труд «Всеобщая

морфология организмов». Этимологический анализ понятия «экология», показывает, что «экология» – это «наука о доме, жилище», а в более широком значении – «наука об окружающем мире». Поэтому сигнализация (порой иррациональная!) и перевод проблемы в гуманитарную сферу знания при возникновении на горизонте лексемы «экологическая проблема» более чем оправданная, ибо, переводя на язык материальных объектов, «экологическая проблема» есть восстание против собственного дома, собственной среды обитания, как способ агрессивной аккультурации, «победным» итогом которой будут руины человеческого природного дома. Поэтому хозяйственно-экологическая деятельность человека — это опыт, приобретаемый им в отношениях с природой, который в первую очередь обязан выявить возможность ответов на вопросы, отвечающие способности достижения собственного гомеостаза в её лоне на уровне самоограничений собственного влияния на естественные экосистемы. И цель человека в этой хозяйственной и социокультурной деятельности – принятие разумных решений в условиях осознания вставшей перед ним во весь рост проблемы управления своей деятельностью.

Экологическая проблема как проблема взаимодействия человека и природы неизбежно выводит на нас и к более широкому вопросу – вопросу о соотношении культуры и природы. В философской традиции исходным пунктом постановки этой проблематики можно считать античное космологическое мировоззрение, в которой экологическая постановка проблемы невозможна в принципе, так как древний грек не мыслил себя выключенным и противопоставленным природе внешней (макрокосмосу). Как отмечает А. Лосев: «Античность построена на *одушевленно-разумном* (а не просто объективном, не просто объективно-материальном и чувственном) космологизме» [4]. В этом контексте иллюстрацией может служить Сократ с его известным девизом-кредо «Познай самого себя», указующим на то, что человек есть не просто органическая субстанция макрокосма, но космогармоническая потенция, самосозидающая себя в модусе макрокосмического жилища. Иначе говоря, культура не может быть сведена к ценностям как к готовым результатам, но она вбирает в себя степень развития самого человека, ибо ни человек, ни культура немислимы в состоянии статики.

В связи с вышесказанным уместно вспомнить концепцию ноосферы, в основу которой положено понимание среды обитания человечества в качестве среды активного воздействия человеческого разума. Соответственно, биосфера как сфера живой природы, включающая в себя и человеческую культуру, под её воздействием превращается в ноосферу, пределы которой многократно расширяются и определяются каждый раз пределами проникновения в природу человеческого разума. Один из ярких представителей теории ноосферы Т. Де Шарден в своей известной работе «Феномен человека» пишет: «Человек не может полностью видеть ни себя вне человечества, ни человечество – вне жизни, ни жизнь – вне универсума» [5]. Но даже в попытке синкретизировать в единую онтологическую плоскость человека и его культурный способ бытия, высшей формой которого является его духовная деятельность, и окружающий натуральный мир, невозможно не различить эти две природы.

Искусство как апофеоз человеческой культурной деятельности оказывается вплетенным в процесс и проблематику взаимодействия природы и общества. Поэтому главные экологические проблемные процессы рассматриваются не просто в контексте глобального кризисного состояния, но и как рефлексия драматического и, в общем-то, неизбежного следствия (продукта) культуры. И в этом смысле деятельность художника может рассматриваться как вторичная рефлексия, как повторение и исправление акта «неудавшейся» культуры, как попытка изменения стихийного результата деятельности по схеме «природа – культура – смерть природы» на осмысленно-культурное «природа – культура – смерть природы – восстановленная культура как искусство». Иными словами, эстетический итог искусственной деятельности художника оказывается функциональным (по Аристотелю): с одной стороны, работа художника познавательна, так как она даёт «знания»; с другой, – эстетико-гедонистична, так как знакомство с этой работой доставляет удовольствие зрителю [1].

Эстетические (эмоционально-чувственные) интенции человека даже в «неудавшейся», периферийной культуре – мусоре, отходах, отбросах – позволяют видеть (и имитировать, подражать) высшему образцу художника – природе. В качестве одного из таких феноменов культуры XX века уместно вспомнить энвайроментальное искусство (в других случаях используется термин «эко-арт», «эко-искусство»). «Термин «энвайронмент» (от англ. *environment* — окружающая среда) многозначен. В этимологическом плане он означает область, окружающую что-либо. В более широком понимании зачастую смешивается с «экологией», комплексом взаимосвязей между каким-либо объектом и его окружением. Большинство значений термина «энвайронмент» находится в этих пределах» [3].

Представители энвайроментализма (главным образом, пластического) в разных странах мира создают не просто предметы искусства из утилизированных материалов, но с их помощью призывают общественность к экологическим проблемам. Сами представители энвайроментализма относятся к этому определению довольно прохладно. Для большинства из них, это не искусство в строгом смысле слова, а своеобразный рупор, позволяющий «докричаться» до общества, привлечь внимание к проблемам экологии. Профессиональные же художники, использующие технику и материалы заимствованные из энвайроментализма, называют это современным искусством, без дополнительных определений и уточнений.

Обратить внимание на проблему распространения бытового мусора, в том числе электронного, призывают эко-художники. Они творят необыкновенные картины, скульптуры, предметы интерьера, детали гардероба, глядя на которые не сразу понятно, что послужило материалом для их создания. Примером эко-искусства могут служить следующие произведения: «Дом из стеклянных бутылок от пива» созданный Тито Инхеньери (Аргентина), «Кресло сделанное из дисковых накопителей» от Белена Герминоза (Испания), «Кроссовки из электронных деталей» от Габриеля Дишо (США), «Рекламный банер из устаревших компьютерных мониторов» (США), «Люстра из пластиковых бутылок» (Канада), «Картина-инсталляция из устаревших телефонов»

созданная Найджелом Силегар, Скульптура огромного мобильного телефона из большого числа устаревших мобильных телефонов (Румыния), «Дом из пластиковых мешков наполненных пенопластовыми шариками», от Макса Уоллака, «Диван созданный из блоков питания Macintosh II» (США) и много других [6].

Созвучие из диссонирующих составных информативно действенно: зритель переживая эстетическое переживание, включается в осмысление наличия очень важного, но рассеянного, а потому и невидимого фона своей жизнедеятельности – негативных последствий своей оккультурации. Проступание за художественным образом содержательного меседжа о реальной общечеловеческой угрозе – глобальной экологической катастрофе – должно быть тем серьезнейшем напоминанием человеку о существовании «первой природы», и её печальном сегодняшнем статусе скрытым за бетонными стенами мегаполиса.

Литература

1. Аристотель. Об искусстве поэзии [Текст] / Аристотель. – М.: Худ.лит, 1957. С. 48-49.
2. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере [Текст] / В.И. Вернадский. – М.: «Наука», 1991. С. 246
3. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века (автор проекта, ведущий автор, руководитель авторского коллектива, отв. редактор В. Бычков) [Текст]. — М.: РОССПЭН, 2003. С. 606.
4. Лосев А.Ф. - Дерзание духа [Текст] / А.Ф. Лосев.- М.: Политиздат, 1988. С. 154-155.
5. Тейяр де Шарден, П.Феномен человека [Текст] / Пер. с фр. / П. Тейяр де Шарден / Сост. и предисл. В.Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 140.
6. Эко искусство и дизайн [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.zelife.ru/ecophoto/87-ecodesigngoods.html>

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICALSCIENCE**

УДК 504.03+502.315

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК
КОМПОНЕНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТАГАНРОГА)
ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOR OF THE POPULATION AS
COMPONENTS OF A SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE MUNICIPALITY
(ON AN EXAMPLE OF TAGANROG)**

Ильченко Ирина Анатольевна, доцент, кандидат химических наук, Таганрогский институт управления и экономики, кафедра менеджмента и государственного и муниципального управления

Ilchenko Irina Anatolyevna, assistant professor, Candidate of Chemistry, Taganrog institute of management and economy, Department of management and government and municipal administration

i.ilchenko@mail.tmei.ru

Аннотация: Изучены экологическое сознание и экологическое поведение населения г. Таганрога. Предложены мероприятия для совершенствования деятельности Администрации города и природоохранных организаций в этой сфере.

Summary: The ecological consciousness and ecological behavior of the population of the city of Taganrog are studied. Actions for improvement of activity of the City Administration and the nature protection organizations in this sphere are offered.

Ключевые слова: экологическое поведение, экологическое сознание, экологическая ситуация, социологический опрос, анкетирование

Keywords: ecological behavior, ecological consciousness, ecological situation, sociological poll, questioning

1. Введение

Глобальные экологические проблемы, возникшие в результате нерационального природопользования и установившегося в обществе приоритета удовлетворения потребностей человека, затрагивают всю планету и оказывают негативное влияние как на наземные и водные экосистемы, а также и на самого человека. Эти проблемы обусловили современный экологический кризис и являются интегрированным результатом региональных проблем, а последние, в свою очередь, – совокупным результатом локальных экологических проблем. Необходимость выхода из кризиса привела к объединению усилий мировой общественности и выработке концепции устойчивого развития цивилизации в целом и отдельных государств и программ ее последующей

реализации, однако обеспечение такого в дословном понимании поддерживающего развития невозможно без активного участия всех государств и всех граждан. Решения и поступки человека, отношения с другими людьми, жизненные установки оказывают большое влияние на само общество, а правильное экологическое поведение и сознание позволят преодолеть технократическую ориентацию экономики, т.к. именно наличие у людей сформированного экологического сознания определяет их поведение по отношению к окружающей их природе. Экологическим сознанием специалисты называют осознание человеком и обществом складывающейся экологической ситуации, своей неразрывной связи с природой, умение и привычку содействовать ее улучшению и обеспечению благоприятных условий для жизни настоящего и будущего поколений людей, не нарушая при этом связей и круговоротов в природной среде [1, 2]. Экологическая культура представляет собой систему знаний, умений, ценностей и чувство ответственности за принимаемые решения по отношению к природе. К основным компонентам экологической культуры личности относятся: экологические знания, экологическое мышление, экологически оправданное поведение и чувство любви к природе [3]. Экологически культурный человек обладает экологическим мышлением и способен правильно анализировать и выявлять причины возникновения экологических проблем, устанавливать взаимосвязь между ними и прогнозировать экологические последствия как своей деятельности, так и деятельности других хозяйствующих субъектов. Экологическое поведение личности предполагает соблюдение экологических правил и норм в процессе производственной деятельности, в быту, на отдыхе и в др. ситуациях. С.Д. Дерябо и В.А. Ясвин считают [2], что поведение людей по отношению к окружающей их природе определяется сложившимся у них типом экологического сознания. Формирование экологического поведения происходит в процессе социализации личности благодаря экологическому образованию и воспитанию [4]. Поэтому изучение проблем, связанных с экологическим сознанием и поведением является актуальным.

Цель работы заключалась в изучении экологического сознания и поведения населения г. Таганрога. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) изучить особенности экологической ситуации в г. Таганроге; 2) разработать анкету для социологического исследования экологического сознания и поведения таганрожцев; 3) провести социологический опрос; 4) предложить рекомендации по совершенствованию экологического сознания и поведения населения города. Объектом исследования являются экологическая ситуация в г. Таганроге, экологическое сознание и экологическое поведение его жителей, а предметом исследования – установление взаимосвязи между экологическим сознанием и поведением таганрожцев и экологической обстановкой в городе.

2. Методика исследований

Для изучения экологического сознания и поведения таганрожцев был использован метод анкетирования. Разработка анкеты, анкетирование и обработка его результатов были осуществлены с соблюдением существующих правил [5]. Анкета включала вопросы, связанные с обустройством экологически безопасного жилища, экологически целесообразного питания и других сторон жизни человека, его позицией в отношении решения городских экологических проблем и оценки деятельности администрации города в области экологической политики. Формулировки вопросов анкеты носили следующий характер: 1) шкальные вопросы; 2) табличные вопросы; 3) закрытые вопросы; 4) вопросы в полужакрытой форме. Такое разнообразие формулировок позволило обеспечить наиболее полное выяснение мнения анкетированных относительно изучаемых проблем. Для ответа на шкальные вопросы была использована 5-балльная шкала: 1 балл – неудовлетворительно (минимальная оценка), 2 балла – слабо (плохо), 3 балла – средняя оценка (удовлетворительно), 4 балла – достаточно (хорошо), 5 баллов – высокая (максимальная) оценка.

Социологическое исследование проводилось с 20 февраля по 7 апреля 2012 г., в нем приняло участие 79 человек. Характеристики выборки: а) по полу – мужчин было 25,4 %, женщин 74,6 %; б) по возрасту – лица в возрасте моложе 20 лет составляли 33,7%; от 21 до 30 лет – 36,4 0%; от 31 до 45 лет – 23,3 0%; от 46 до 60 лет – 6,6%; в) по социальному статусу – рабочие (11,4 %), служащие (11,5 0 %), студенты (54,4 %), безработные (22,7 %), г) по семейному положению – одинокие люди (41,5 %), семьи из двух человек без детей (16,8 %), семьи с 1-2 детьми (37,6 %), семьи с 3 и более детьми (1,2%), лица, состоящие в незарегистрированном браке (2,9 %); д) по среднемесячному доходу на 1 чел. – менее 1,5 тыс. руб. (10,2 %), от 1,5 до 3 тыс. руб. (17,9 %), от 3 до 5 тыс. руб. (29,4 %), свыше 5 тыс. руб. (42,5 %); е) по образованию – высшее образование имеют 29,8 % опрошенных, неоконченное высшее (62,3 %), среднее (6,6 %), неоконченное среднее (1,3%).

3. Результаты и их обсуждение

Согласно данным экологического мониторинга, экологическая ситуация в г. Таганроге за период 2006-2010 гг. характеризовалась следующими особенностями [6]: 1) относительно высоким уровнем загрязнения воздуха ($ИЗА_5 > \bar{\iota}$), 2) низким качеством воды поверхностных источников питьевого водоснабжения, обусловленным химическим и микробиологическим загрязнением, 3) загрязнением почвенного покрова тяжелыми металлами и др. загрязняющими веществами, 4) наличием мусора на городских улицах и отсутствием переработки твердых бытовых отходов, 5) присутствием химических и биологических загрязнителей в рекреационном водоеме (Таганрогском заливе Азовского моря), 6) неудовлетворительным состоянием береговой полосы и пляжей. При этом основной вклад в загрязнение воздуха (свыше 80%) был обусловлен выбросами передвижных источников (автотранспорта), а наличие мусора на городских улицах – преимущественно неэкологичным поведением горожан. Штрафы за экологические

правонарушения налагались как на юридических лиц, так и на физических. Изучение характера выявленных нарушений за последние пять лет показывает, что наибольшее количество нарушений природоохранного законодательства приходится на обращение с отходами производства и потребления, на втором месте находятся нарушения в сфере охраны атмосферного воздуха, на третьем месте – нарушения в сфере недропользования и земельного законодательства, на четвертом месте – нарушения в сфере охраны и использования водных объектов. При этом главными причинами нарушений, установленных в ходе контрольных мероприятий в отношении органов местного самоуправления г. Таганрога [6], являются недостаточно хорошо организованная система сбора, вывоза и утилизации отходов на территории города, что приводит к возникновению несанкционированных очагов размещения отходов, а также к нарушению санитарно-эпидемиологических и природоохранных требований при эксплуатации свалок и полигонов твердых бытовых отходов. Следовательно, качество отдельных компонентов окружающей среды города не является удовлетворительным, а наличие экологических правонарушений свидетельствует о недостаточно высоком уровне экологического поведения горожан.

Анализ результатов анкетирования показывает, что экологическое состояние компонентов окружающей среды г. Таганрога население оценивает невысоко. Так, качество воздуха 71 % опрошенных оценил в диапазоне от 1 до 3 баллов, и только 29 % поставили ему высокие оценки в 4 и 5 баллов (рис.1). Аналогичную низкую оценку (1-3 балла) получили питьевая вода (94 %) (рис.2), вода в Таганрогском заливе (96 %), почва (67 %), уровень шума на улицах (62 %), уровень шума в помещениях (70,5 %), зеленые насаждения (55 %).

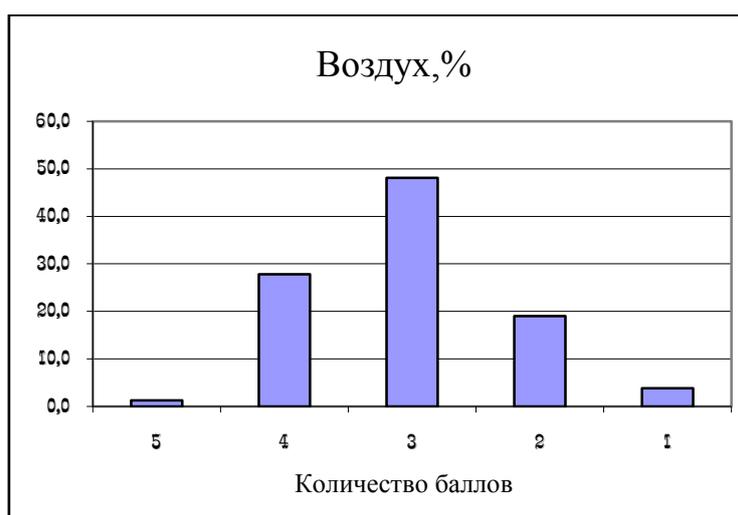

Рисунок 1 – Мнение респондентов о качестве атмосферного воздуха г. Таганрога (удельный вес ответов, %)

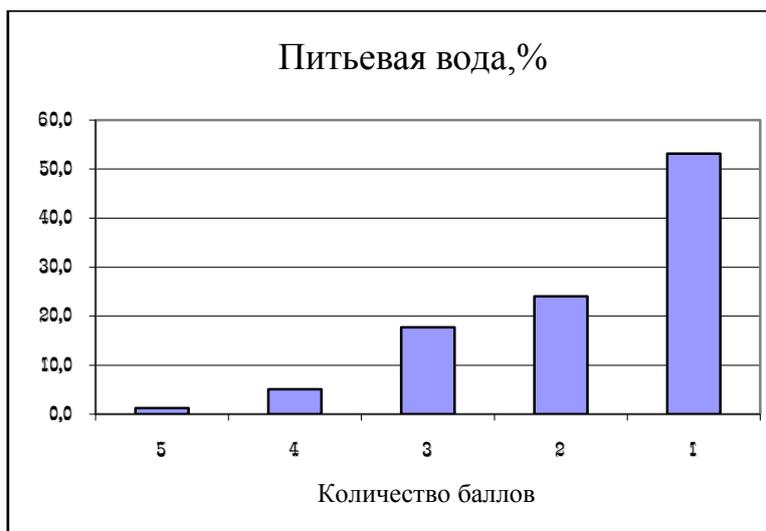

Рисунок 2 – Мнение респондентов о качестве питьевой воды в г. Таганроге (удельный вес ответов, %)

Важным элементом охраны природы и рационального природопользования является сокращение отходов, и человек с экологическим сознанием должен знать эффективность разных видов решения этой проблемы. Высокие оценки 4 и 5 баллов 40 % респондентов выставили раздельному сбору мусора, при этом распределение выставленных ими баллов оказалось почти равномерным (рис.3).

Рисунок 3 – Мнение респондентов о раздельном сборе мусора как деятельности по сокращению отходов (удельный вес ответов, %)

Совокупную оценку в 4 и 5 баллов получили приобретение только необходимых товаров – 23 % (рис.4) и приобретение товаров с минимумом упаковки – 24 %. Распределение по баллам в обоих случаях носит похожий характер: наибольшее число опрошенных выставило оценку 3 балла. Такие результаты свидетельствуют о

недостаточных экологических знаниях опрошенных, поскольку предложенные в анкете варианты являются наиболее перспективными для решения проблемы снижения количества отходов.

Было установлено, что респонденты отдают предпочтение строительным материалам с экологической маркировкой, т.к. 62 % определили их важность в 4 и 5 баллов. Однако строительные материалы местного производства также высоко оценило только 39% опрошенных, а 58,5 % поставили им оценку от 1 до 3 баллов. В то же время признаком экологического сознания является выбор именно местных материалов, поскольку их доставка к месту продажи требует наименьших затрат на топливо для транспорта и является более экономичной и экологичной.

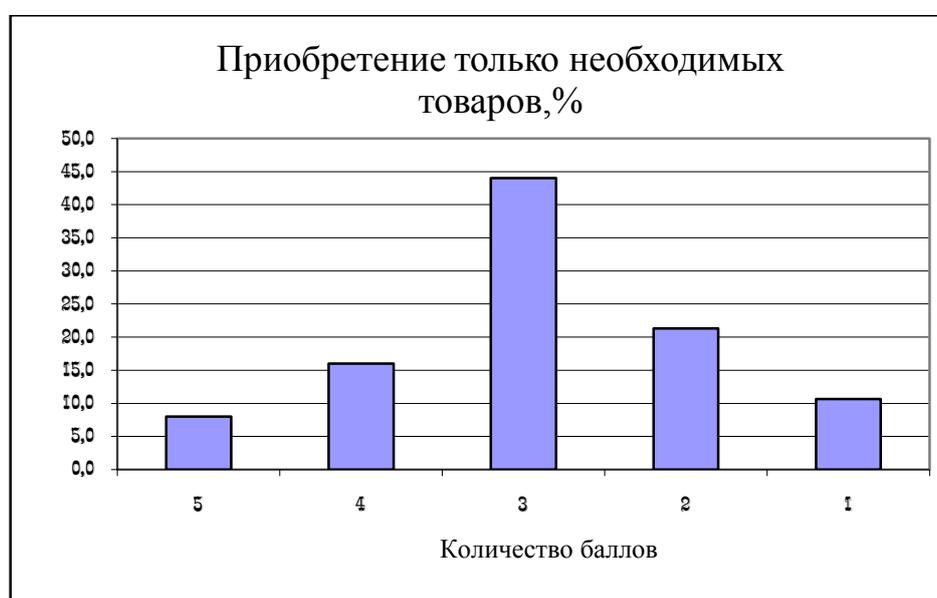

Рисунок 4 – Мнение респондентов о приобретении только необходимых товаров как деятельности по сокращению отходов (удельный вес ответов, %)

№	Товары	Баллы, % ответов					Затруд- нились с ответом, % ответов
		1	2	3	4	5	
1	Строительные материалы с экологической маркировкой	9,0	10,0	19,0	37,0	25,0	–
2	Строительные материалы местного производства	2,5	18,0	38,0	28,0	11,0	2,5
3	Пищевые продукты местного производства	1,0	9,0	28,0	37,0	21,0	4,0
4	Пищевые продукты с экологической маркировкой	–	12,0	20,0	33,0	34,0	1,0

5	Синтетические пищевые красители	34,0	28,0	22,0	7,5	6,5	2,0
6	Синтетические пищевые консерванты	40,0	20,0	20,0	11,5	7,5	–
7	Синтетические пищевые улучшители вкуса	34,0	28,0	20,0	10,0	7,0	1,0

Таблица 1 – Мнение респондентов о степени важности различных товаров и объектов для улучшения качества окружающей среды

Высокие оценки (4 и 5 баллов) важности товаров для улучшения качества окружающей среды получили: пищевые продукты местного производства – 58 %, пищевые продукты с экологической маркировкой – 67 %. Низкие оценки (от 1 до 3 баллов) получили: синтетические пищевые красители – 84 %, синтетические пищевые консерванты – 80 %, синтетические пищевые улучшители вкуса – 82 %. В названиях этих групп товаров присутствует слово «синтетический», что, возможно, и предопределяет такой характер оценок.

В настоящее время наиболее экологичным является электротранспорт по сравнению с автотранспортом. Особенно это важно для городов, в большинстве которых на долю автотранспорта приходится свыше 70 % загрязнения воздуха. В Таганроге вклад автотранспорта в загрязнение воздуха в 2006-2010 гг. составлял около 80% [6]. Оказалось, что 63,5 % анкетированных выставили 4 и 5 баллов электротранспорту и, следовательно, относят его к экологичному средству передвижения. Автотранспорту 62 % опрошенных выставили оценки от 1 до 3 баллов, а 38 % – 4 и 5 баллов, т.е. его безопасность по отношению к окружающей среде они оценили ниже, чем электротранспорта. В то же время полученные данные указывают на то, что анкетированные, по-видимому, недооценивают опасность автотранспорта как источника химического и шумового загрязнения воздуха.

Важным показателем степени экологичности сознания и поведения является личная экономия природных ресурсов. Однако значительная часть респондентов оценила свою готовность их экономить в быту и в производственной деятельности в диапазоне от 1 до 3 баллов. Так, несмотря на рост тарифов менее всего они готовы экономить электроэнергию (72 %), затем газ (52 %) и воду (46 %). Следовательно, удовлетворение своих потребностей для большинства опрошенных важнее, чем сохранение ресурсов для будущих поколений людей. В ходе анкетирования выяснялось наличие у каждого респондента желания внести посильный вклад в улучшение окружающей среды города, и можно было не только выбирать несколько вариантов ответов, но и дописать свой собственный вариант. Оказалось, что 20,2 % опрошенных хотят принимать участие в городских экологических акциях по уборке территории, посадке деревьев и т.п., 5,2 % желает выделять часть собственных финансовых средств для решения экологических проблем, 74,6 % предпочитают соблюдать правила экологичного поведения.

Различные виды деятельности Администрации города и муниципальных унитарных предприятий по обеспечению качества окружающей среды большинство респондентов оценило невысоко (от 1 до 3 баллов): информирование населения об экологической обстановке в городе – 97,3 %; переработка отходов – 97,3 %; уход за деревьями – 81,0 %; сбор и вывоз мусора – 78,6%; уход за клумбами и газонами – 61,9 %. Нужно отметить, что и результаты экологического контроля, регулярно проводимого природоохранными организациями города и области, также свидетельствуют о первостепенной важности решения проблемы размещения и переработки отходов [6]. Следовательно, Администрации города для улучшения своей природоохранной деятельности следует организовать переработку отходов (97,3 %) и активизировать работу по информированию населения (97,3 %), затем направить усилия на уход за деревьями, сбор и вывоз мусора и, наконец, на уход за клумбами и газонами.

4. Заключение

Таким образом, экологическое сознание и поведение населения являются важными факторами, которые влияют на формирование экологической обстановки в городе и в определенной мере определяют его устойчивое развитие. Результаты социологического опроса свидетельствуют о недостаточных экологических знаниях опрошенных и о недостаточно развитом экологическом сознании, вследствие чего их поведение не всегда является экологичным. Администрации г. Таганрога, природоохранным организациям и образовательным учреждениям города следует уделять больше внимания экологическому просвещению и воспитанию всех категорий населения, чтобы сформировать активную жизненную позицию таганрожцев по отношению к вопросам охраны окружающей среды. Такое поведение должно проявляться в их участии в экологических акциях (уборка территории, посадка деревьев и т.п.), в выделении предпринимателями части финансовых средств из прибыли своих предприятий на благоустройство города, а сознательными горожанами – и из своего личного бюджета для тех же целей.

Для поддержания приемлемого качества городской окружающей среды муниципалитету следует обратить внимание в первую очередь на информирование населения и переработку отходов, затем на уход за деревьями, сбор и вывоз мусора и, наконец, на уход за клумбами и газонами. Также можно рекомендовать муниципалитету проведение регулярных социологических исследований мнения населения и использование полученных результатов для корректировки природоохранных программ.

Литература

1. Медведев, В.И. Экологическое сознание: учеб.пособие/ В.И. Медведев, А.А. Алдашева. – М.: Логос, 2001. – 384 с.
2. Дерябо, С.Д. Экологическая педагогика и психология: учеб.пособие/ С.Д.Дерябо, В.А.Ясвин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 480 с.
3. Маршак, А.Л. Экологическая культура: сущность и пути становления / А.Л.Маршак // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2005. – № 4. – С.138-141.

4. Чердымова, Е.И. Методики диагностики экологического сознания дошкольников и школьников: учеб.-метод. пособие/ Е.И. Чердымова. – М. : УРАО, 2006. – 135 с.
5. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальной реальности/ В.А. Ядов – М.: Добросвет, 2003. – 596 с.
6. Назаров, С.М. О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2010 г. Экологический вестник Дона / С.М. Назаров, В.М. Остроухова, М.В. Парашенко. – Ростов-на-Дону: Синтез технологий, 2011. – 345 с.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORICALSCIENCE**

УДК 94 (47)

**ВОЕННОЕ ИСКУССТВО РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
MILITARY ART OF RUSSIA OF THE SECOND HALF OF THE XVI CENTURY IN A
DOMESTIC HISTORIOGRAPHY**

С. В. Боровиков, г. Ярославль, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, исторический факультет, кафедра музеологии и краеведения, аспирант
S. V. Borovikov, city of Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State University, department of history, chair of museology and region study, postgraduate
e-mail: sergey.borowikow@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена различным точкам зрения историков и военных специалистов к вопросу о ведении боевых действий русскими в вооруженных конфликтах во второй половине XVI века.

Annotation: Article is devoted to the various points of view of historians and military experts to a question of conducting combat operations by Russian in armed conflicts in the second half of the XVI century.

Ключевые слова: военное искусство; историография; Россия; XVI век.

Key words: military art; historiography; Russia; XVI century.

При изучении русского военного искусства во второй половине XVI века, в отличие от западноевропейского аналогичного времени, появляется проблема того, как можно оценивать уровень боевого мастерства при царе Иване Грозном, в достаточно сложный для страны период, когда в Ливонской войне, в которой участвовали государства, прежде всего, Польша и Швеция, перешедшие уже на новую ступень организации битв и сражений и выходящих из них победителями, пришлось терпеть поражение за поражением в конце 1570-х — начале 1580-х гг., невзирая на первоначальные успехи. Эти обстоятельства ставили под сомнение умение московских командующих искусно воевать, превосходя своими способностями противника. Кроме того, неоднозначным являлось видение отставания России, в том числе по военно-техническим параметрам, от остальных территорий в Восточной Европе. Казалось, что у русских-москвитов, считавшихся европейцами «новыми гуннами», не было даже должной теоретической основы собственного военного дела, наблюдались лишь заимствования от степных народов, помимо практики. Но это далеко не так. В данном вопросе на протяжении всего вооруженного конфликта в Прибалтике возникали

многочисленные противоречия, которые выражались в том, что иногда воеводы Ивана IV не уступали иностранным военачальникам и могли опережать их. Разные представления на этот счет имелись у отечественных историков и военных специалистов, каждый из которых пытался доказать свою правоту.

Согласно А. К. Байову, в рассматриваемый период были заложены довольно рациональные основания русского военного дела.

Особенностью боевого порядка русских войск того времени являлся гуляй-город (вагенбург), подвижная крепость, которая позволяла вести и пассивный бой при укрытии, и активно-оборонительный, раскрывая щиты и выходя из-за них. Относительно построения можно полагать, что пехота становилась в центре и действовала статично, используя местность или прикрываясь гуляй-городом; конница строилась по флангам и впереди первой начинала сражение; наряд артиллерии размещался или вместе с пешими, за укреплениями или отдельно в батареях, которые назывались тогда турами. Почти постоянной принадлежностью подобной формации был особый отряд, расположенный в засаде, являясь общим резервом, зачастую решавшим исход битвы.

Своим оружием воины пользовались весьма ловко, но несовершенство самой конструкции пищалей и их плохая выделка не могли придать особенного боевого значения. Что касается артиллерии, то, несмотря на ее многочисленность, военачальники тех времен пользовались ей неискусно. Преследование разбитого неприятеля велось очень слабо. Одержав победу, русские войска бросались, прежде всего, грабить все оставшееся на поле брани: убитых, раненых, неприятельский обоз.

Способность осаждать и оборонять крепости были у русских в этом периоде были почти те же, что и прежде, с той лишь разницей, что с Ивана III, по мере распространения огнестрельного оружия и его использования, стенобитные и метательные орудия стали употребляться реже и заменялись гладкоствольными и даже нарезными, число которых увеличивалось, а действие усиливалось.

Осаждая крепость или город, по-прежнему облагали их со всех сторон войсками, расположенными в укрепленных станах, и окружали рвами с насыпями или валами так, чтобы совершенно отрезать противника от поля, средств продовольствия и помощи извне. К крепости или городу приближались постепенно, впереди под прикрытием пехоты и конницы особые рабочие катили туры, ставили и насыпали их землей на расстоянии сначала дальнего и ближнего пушечного выстрела, а потом пищального или ружейного, и, наконец, у самого крепостного или городского рва. После ставили большие огнестрельные орудия и пищали, которые интенсивно обстреливали врага по периметру. Иногда строили высокие деревянные башни, которые подкатывали к стенам и вели огонь по внутреннему городу. Со второй половины XVI века начали использовать пороховые подкопы (мины) для разрушения вражеских укреплений. Это делали обыкновенно иностранные (немецкие) специалисты с русскими учениками, часто весьма удачно и с большой пользой. Когда бастионы противника были сметены или взорваны и в них произведен значительный пролом, тогда пехота шла на приступ. Иногда города брали, принуждая к сдаче, длительной блокадой и голодом.

Оборона русскими войсками велась крайне активно: предпринимались смелые и решительные вылазки для действий в открытом поле против нападавших с целью прогнать их совсем от крепости или разрушить осадные работы. Защита стен или внешней ограды отличалась энергией и упорством, с использованием огнестрельного и холодного оружия [1].

С точки зрения Н. Н. Обручева ливонские походы Ивана Грозного также не оставляют сомнения, что в действиях русских стало проявляться военное искусство [2]. В «Военной истории Российского государства» значится, как война в открытом поле, при всем несовершенстве тогдашней тактики, показывала, что ни шведы, ни поляки, ни Литва не превосходили русских по этой части [3].

По мнению К. В. Базилевича первые стрелецкие полки прекрасно оправдали свое назначение в Ливонской войне. Русская артиллерия действовала очень успешно, а в устройстве ее материальной части и боевом применении появляются собственные изобретения и нововведения, неизвестные на Западе. Например, полковые пушки, тогда как в Европе они появились в XVII веке, при шведском короле Густаве-Адольфе [4].

Н. Г. Устрялов подчеркивал, что упорная оборона Пскова под начальством И. П. Шуйского ослабила короля Речи Посполитой (Польша и Литва) Стефана Батория: в неоднократных приступах он потерял лучшую часть войска; ропот шляхты принудил его отступить; между тем царь Иван Грозный, уже не надеясь на собственные силы, изъявил намерение заключить мир [5].

Н. С. Голицын отмечал, что вместо того, чтобы, пользуясь значительным превосходством своих военных сил и, в частности, артиллерии, возглавляемых опытными и искусными полководцами, а также упадком и бессилием Ливонского ордена и первоначальным невмешательством Польши, Швеции и Дании, вести правильную войну, постепенно продвигаясь с востока и юга вперед и прочно утверждаясь в Ливонии, воеводы Ивана IV, повинувшись его воле, вели войну совершенно иного рода, нашественную, разорительную, истребительную, варварскую, азиатско-татарскую, но в которой не было соображений и действий Чингисхана и Тамерлана. В то время, когда поляки и шведы громили русские пределы, многочисленные русские военные силы бездействовали против них, а сам Иван Грозный помышлял не об отражении, а о примирении [6].

В труде «Русская военная сила» показано, что завоевание Ливонии требовало правильной, методической войны, настойчивости и непрерывности в действиях русских войск, а не опустошительных ежегодных вторжений, вносящих лишь разорение и не дававших точек опоры. Царские воеводы, при ежегодных своих вторжениях, оставляли за собой, по всем направлениям внутри страны, лишь следы огня и меча, и ни одного прочно занятого укрепленного пункта, кроме Нарвы, Дерпта (Тарту) и Феллина и немногих пограничных. Этот способ войны, не отвечавший ее цели, с другой стороны не мог привлечь на сторону Московского правительства коренных жителей, хотя они вначале добровольно принимали русское подданство.

Поход 1564 г. к Вильнюсу закончился бедственно: командующий князь Петр Шуйский проявил удивительную неосторожность, не рассчитывая встретить неприятеля в поле, он, следуя от Чашников к Орше, не озаботился высылкой передовой стражи, а его войска шли в беспорядке, без оружия, которое находилось в обозе на санях. В лесистой местности, тесной для построения полков, русские были неожиданно атакованы польско-литовским отрядом Радзивилла; нападение было произведено настолько быстро, что окруженные не успели ни надеть доспехов, ни построиться в боевой порядок; поражение было полное. Сам Шуйский поплатился жизнью за свою оплошность, были потеряны весь обоз и артиллерия.

В октябре 1578 г. литовцы, соединившись со шведами, неожиданно напали на русских, осаждавших Венден (Цесис). Несогласие между воеводами (местнические споры) и их беспорядочные распоряжения облегчили победу неприятеля. Неожиданно атакованные, русские войска едва успели построиться впереди своих окопов, долго бились мужественно, но татарская конница в решительную минуту обратилась в бегство; однако оборонявшимся удалось отступить в укрепленный стан и удержаться в нем до самой ночи. Воспользовавшись темнотой, четверо воевод предательски ускакали с конницей из стана, оставив там остальных с небольшой частью людей и нарядом артиллерии. На следующее утро враг обрушился всеми силами и овладел обозом и орудиями, истребив защитников и захватив в плен четырех воевод; но московские пушкари предпочли смерть плену и были изрублены. Из 18 тысяч русских войск погибло более 6000 [7].

Г. В. Форстен упоминал, что в начале 1562 г. говорили о намерении московского царя приступить к осаде Риги или Ревеля (Таллинн), с тем, чтобы уже окончательно утвердиться на восточном побережье Балтийского моря. На деле эти слухи оказались весьма преувеличенными; с тех пор как Ливония вместо одного господина получила целых четырех, Ивану Грозному пришлось действовать несколько осторожнее для недопущения коалиции противников. Поэтому 1562 г. прошел без крупных военных предприятий; численность военных сил царя определяется по иностранным донесениям в 200 тысяч человек, эти данные сомнительны. В Вейсенштейне (Пайде) шведы допрашивали двух русских пленных и узнали от первого, что в Дерпте у Ивана IV всего 1,5 тысячи, в Нарве и Лаисе войск совсем нет, в Вейсенберге не более 100 воинов, на границах также немногочисленные отряды. Второй пленник сделал совершенно схожее показание, исключая Лаиса, где было 100 человек, у Ревеля же русских не наблюдалось. В актах 1569 и 1570 гг. часто упоминается о московских пиратах, во главе которых стоял Карстен Роде. Снарядил их царь с целью вредить Польше. 30-го марта 1570 г. Иван IV дал Роде жалованную грамоту (каперское свидетельство), предоставляющую ему действовать на море против польского короля, его подданных, помощников, пособников и друзей, с тем, чтобы в пользу царя поступал третий корабль и лучшая пушка с каждого из остальных захваченных судов. Карстен у Готланда и Борнхольма нападал на купеческие корабли и препятствовал свободному плаванью на Балтийском море. Пираты доходили до самого Данцига и захватывали всех, кто с товарами направлялся к Польше [8].

С. М. Соловьев указывал, что русские воеводы в чистом поле, как почти всегда, по недостатку военного искусства не могли с успехом бороться против шведов в Эстонии. Почти во всех значительных столкновениях с западными неприятелями московские войска терпели поражение: так было в битвах при Орше, Уле, Лоде, Вендене. Неприятеля Московского государства понимали это очень хорошо и потому старались всеми силами не допускать в него искусства, при котором оно было бы непобедимо, не пропускать ратных людей, мастеров, военных снарядов. И в Москве понимали это также очень хорошо; отсюда осторожность воевод, нежелание вступать в битвы с войсками, на стороне которых виделось большее искусство; нужно отдать честь командующим за то, что они не полагались на многочисленность своих армий, сознавая превосходство качества над количеством, искусства над материальной силой. Осознавал такое, если не лучше всех, сам царь Иван IV - отсюда господствующее, неодолимое желание в нем овладеть Ливонией, иметь в своей службе искусных в ратном деле иностранцев, каков был Ю. Фаренсбах и другие; домогательство, чтобы шведский король прислал отряд людей, обученных, вооруженных по-европейски; осторожность, уклончивость, происходившие в нем от отсутствия надежды на успех без особенных счастливых обстоятельств.

Главные причины успеха Стефана Батория: бездеятельность московских воевод, нерешительность Ивана Грозного; нельзя согласиться с Курбским и писателями, ему следовавшими, что причина провала заключалась исключительно в поведении царя, истребившего своих храбрых военачальников, потому что странно было бы говорить об искусстве командиров, назначавшихся не по военным способностям, а по месту, которое они занимали в Боярской Думе, когда важный боярин не имел ни малейших боевых талантов. Принято считать, что Иван IV располагал громадными силами, которые, однако, вследствие его воли оставались в бездействии; но о числе московских войск во время войны с Баторием мы не имеем достоверных показаний, на свидетельство псковского летописца в этом отношении менее всего можно полагаться [9].

Б. Н. Флоря замечал, что, как показал весь опыт долголетней войны, не обладая флотом, нельзя было овладеть главными портами на побережье Прибалтики — Ригой и Ревелем и добиться прочного подчинения Ливонии. Царь и его окружение, очевидно, полагали, что передовые отряды будут мешать польско-литовскому войску разорять русские земли, а крепости, надлежащим образом укрепленные, станут недоступны для неприятеля, который к тому же не сможет долгое время вести осаду, лишившись из-за действий московских войск подвоза продовольствия [10].

М. Я. Геллер выводил, что московская армия была более многочисленной, ее артиллерия была лучше польской, в ее рядах также были наемники, не говоря о татарах. Когда возникла нехватка боеприпасов, Иван IV выхлопотал у английской королевы присылку трех кораблей, нагруженных свинцом, медью, селитрой, порохом. В целом русские войска были снаряжены и обучены хуже польских [11].

А. В. Чернов акцентировал внимание, что успех осады и взятия русскими Полоцка в 1563 г. был результатом активных действий артиллерии и стрельцов, которых насчитывалось под городом до 12 тыс. Основная роль легла на пеших воинов,

центральное место среди которых занимали «огненные» стрельцы. Опричное войско, участвовавшее в Ливонской войне, являлось вполне боеспособным. Недолговечное существование русского каперского флота следует объяснить тем, что флот не имел своей базы и, вынужденный искать убежища в иностранных портах, всегда рисковал очутиться в исключительно трудных условиях [12].

Позиция Н. П. Павлова-Сильванского — благодаря хорошей артиллерии, московские воеводы успешно отстаивали свои крепости, при защите проявляли большую стойкость и искусство. Однако, нередко в крепостях недоставало пороха; именно по этой причине Невель сдался полякам. В открытом поле русские войска часто терпели поражения, обнаруживая неумение сражаться, отсутствие искусных вождей, полный недостаток дисциплины. Одной из главных причин неудач Ливонской войны было вооружение, составлявшее самую слабую сторону и не годившееся уже для борьбы с западными соседями, поляками и шведами. В 1570-х гг. «дети боярские», имевшие пищали, составляли самое незначительное меньшинство среди массы, не обладавшей огнестрельным оружием; оно было в то время почти исключительным достоянием стрельцов [13].

В «Истории Русской армии и флота» дана следующая оценка: некоторые частные успехи (взятие Полоцка 1563 г., оборона Шуйским Пскова 1581 г.) не имели решающего значения. Поначалу решительность царя строго согласовалась с осторожностью, а в важнейшие мгновения проявлена непоколебимая, благоразумно-твердая воля полководца. Но затем Иван IV проявил обратные качества, причина этого кроется в отвлечении от боевого дела вопросами внутренней жизни и непосильностью для тогдашних войск стратегической задачи [14].

М. М. Щербатов размышлял, что есть причина сомневаться, когда при сдаче городов Баторию нужно обвинять только начальствующих там воевод, следует привлекать и само правительство, не снабдившее их достаточными силами для сопротивления, а также Ивана IV, который в привычном правиле всегда хотел через договоры достигнуть желаемого конца своих намерений и предлагал прекращение огня, а между тем военные действия в неуказанных в перемирии странах производил, не подвергая опасности ни себя, ни свое войско, пока слабость польско-литовского правления позволяла ему это делать. Он имел довольно сильные и привыкшие к войне войска, но не пришел на помощь осажденному в 1579 г. Полоцку. К своим старым именитым военачальникам царь имел мало уважения и больше строгости, одни претерпели его гнев, другие остались не у дел. Во время взятия врагом Великих Лук в 1580 г. князь Хилков, стоявший под Торопцем, не предпринял ничего для контрудара по врагу, а затем и сам был разбит [15].

В итоге можно прийти к выводам, что преимущество русских войск в исследуемом периоде было в оборонительной тактике, наступательная осуществлялась с переменным успехом, чаще приводящим к значительному урону. Время до Петра I считается отсутствием в России регулярной армии и флота, что сильно сказывалось на состоянии дел в сражениях с иностранными войсками, уже в XVI веке имевшими элементы нового образца — рейтар и ландскнехтов, а также боевые корабли, чего нельзя наблюдать при

Иване Грозном в достаточной степени, где стрельцы не могли обеспечить весомую конкуренцию. Методы ведения Ливонской войны под царским руководством не оправдали себя, поэтому существует так много нареканий московскому командованию за проигрыш, дорогой ценой доставшийся стране, отдавшей все завоеванные территории и свои собственные земли, не решившей выход к Балтийскому морю в свою пользу.

Литература

1. Байов А. Курс истории русского военного искусства [Текст]. В 7 вып. Вып. 1. От начала Руси до Петра Великого. / А. Байов. – СПб. : Типография гр. Скачкова, 1909. – 168 с.
2. Обручев Н. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России, по 1725 год [Текст] / Н. Обручев. – СПб. : Типография К. Крайя, 1854. – 151 с.
3. Военная история Российского государства [Текст]. В 2 ч. Ч. 1. – СПб. : Типография А. Смирдина, 1839. – 216 с.
4. Базилевич К. В. Русское военное искусство [Текст] / К. В. Базилевич. – М. : Воениздат НКО СССР, 1945. – 25 с.
5. Устрялов Н. Русская история [Текст]. В 4 ч. Ч. 2. Древняя история. / Н. Г. Устрялов. – Изд. 2-е, испр. – СПб. : Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838. – 376 с.
6. Голицын Н. С. Русская военная история [Текст]. В 2 ч. Ч. 2. От Ивана III до Петра I. / Н. С. Голицын. – СПб. : Типография товарищества «Общественная Польза», 1878. – 699 с.
7. Русская военная сила [Текст]. В 2 т. Т. 1. / под ред. А. Н. Петрова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Типо-литография Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1892. – 452 с.
8. Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. (1544—1648) [Текст]. В 2 т. Т. 1. Борьба из-за Ливонии. / Г. В. Форстен. – СПб. : Типография В. С. Балашева и К^о, 1893. – 717 с.
9. Соловьев С. М. Сочинения [Текст]. В 18 кн. Кн. 3. Т. 6. История России с древнейших времен. / С. М. Соловьев; отв. ред И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – М. : Мысль, 1989. – 783 с.
10. Флоря Б. Н. Иван Грозный [Текст] / Б. Н. Флоря. – М. : Мол.гвардия, 1999. – 403 с.
11. Геллер М. История Российской империи [Текст]. В 2 т. Т. 1. От Рюриковичей и Владимира Красно Солнышко до завещания Петра Великого. / М. Геллер. – М. : МИК, 2001. – 512 с.
12. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. [Текст] / А. В. Чернов. – М. : Воениздат, 1954. – 224 с.
13. Павлов-Сильванский Н. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства [Текст] / Н. Павлов-Сильванский. – СПб. : Государственная типография, 1898. – 333 с.

14. История Русской армии и флота [Текст]. В 15 вып. Вып. 1. / под ред. А. С. Гришинского, В. П. Никольского, Н. Л. Кладо. – М. : Типография Русского Товарищества, 1911. – 193 с.

15. Щербатов М. История Российская от древнейших времен [Текст]. Т. 5. Ч. 3. / М. Щербатов. – СПб. : Императорская Академия наук, 1786. – 326 с.

УДК 908

**РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.
THE RUSSIAN SYSTEM OF LOCAL SELF-MANAGEMENT:
HISTORY AND THE PRESENT**

Ряснянская Наталья Александровна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, филиал РГСУ г. Ставрополь
Rjasnjanskaja Natalia Aleksandrovna, The candidate of historical sciences, managing faculty of the theory and history of the state and the right, the Stavropol Branch of The Russian State Social University (RGSU).
e-mail: mgsu_s@mail.ru

Аннотация: Статья раскрывает сложный процесс формирования местного самоуправления в современной России. Особое внимание уделено национальной, политике российского правительства, проблемам современного общества и путям их решения в XXI веке.

Annotation: Article opens difficult process of formation of local self-management in modern Russia. The special attention is given national, to a politics of the Russian government, problems of a modern society and ways of their decision in XXI century.

Ключевые слова: городская дума, городское общество, общественное управление, город, законодательство, национальная политика.

Keywords: municipal дума, city society, public management, city, the legislation, the national politics.

Современная российская система местного самоуправления отражает многочисленные нерешенные проблемы в социально-экономической и культурно-политической сферах жизни общества. Перспективы развития российского самоуправления XXI века неразрывно связаны с уровнем правовой грамотности населения, которая выражается не только в исполнении «гражданского долга» на выборах, но и в организации институтов власти, отстаивающих права человека. В наши дни построение правового государства должно сопровождаться обеспечением защиты прав граждан. Самоуправление на местах может быть реализовано только тогда, когда население получит возможность отстаивать свои интересы в различных инстанциях. Реализация очередных реформ в этой сфере предусматривает постановку и решение реалистических задач, продиктованных временем и конкретной исторической обстановкой.

Претендуя на статус развитого демократического государства, российское правительство заинтересовано в формировании такого института самоуправления, которое на местах смогло бы не только взять на себя решение проблем данной административно-территориальной единицы, но, и выполняло бы роль связующего звена между обществом и государством. Многовековой исторический опыт показал, что стабильность в государстве является залогом успеха для проведения реформ в различных сферах. В Российском государстве, сложившемся как полиэтничном, главной задачей на местах остается предотвращение национальных конфликтов и снижение социальной напряженности в целях эффективной реализации политики правительства.

Однако, в настоящее время в силу неравномерного социально-экономического развития регионов страны, не выработана единая модель функционирования местного самоуправления. Попытка правительства искусственно «внедрить» на местах разработанный вариант самоуправления без четко определенных механизмов работы и отсутствия правовой, территориальной и финансовой базы, приводит к бойкотированию его как института самим населением.

На сегодняшний день правовую основу местного самоуправления гарантирует, прежде всего, Конституция РФ (1993 г.), где оно рассматривается, как элемент государственного устройства России. Одним из главных условий реализации самоуправления на местах, является участие населения непосредственно или через выбранные органы в решении вопросов местного значения, с учетом исторических и других традиций данной административной единицы. В конституционном порядке установлены государственные гарантии и закреплены юридические права для осуществления местного самоуправления. Круг прав органов самоуправления, определенный государством, рассчитан на эффективное решение проблем на местном уровне. Прежде всего, органы местного самоуправления наделены правом владения и распоряжения объектами муниципальной собственности, а также правом юридического лица при заключении различного рода контрактов и договоров. Помимо этого они могут формировать местный бюджет, а также издавать обязательные постановления.

Наряду с правами, правительством предусмотрена система государственных гарантий реализации местного самоуправления. Среди политико-экономических и юридических гарантий, особое место занимают духовные, ориентированные не только на систему культурных ценностей, но прежде всего на правосознание общества, что не маловажно для осуществления самого самоуправления. Однако в наши дни, характеризуя «политический климат» в России все больше используются такие термины, как «аполитичность» и «абсентеизм». Проводя многочисленные опросы, социологи пришли к выводу, что причинами этого стало равнодушие граждан к делам государства и отсутствие патриотизма.

Одной из главных причин безразличия общества к формированию института местного самоуправления, является «политическая неграмотность» населения. В связи с изменением в 90 гг. XX в. политического строя в России, в стране начался кризис, охвативший не только экономику, но и культурно-политическую сферу. За десяток лет

российские граждане утратили то, что в стране накапливалось веками – веру и любовь к своей родине, стремление молодого поколения к учебе и приобретению новых научных знаний, были преданы забвению устоявшиеся веками нормы поведения, но самое главное – население потеряло уверенность в завтрашнем дне. Итогом неудачных реформ в сфере экономики, стало недоверие общества правительству и нежелание принимать участие в выборах, не говоря уже о решении проблем на местном уровне. Поэтому аполитичность населения привела к тому, что принципы самоуправления остались «на бумаге», а очередные реформы в этой сфере обречены на «провал». Стараясь привлечь внимание общественности к проблемам местного самоуправления, правительство провело реформу ЖКХ, наделив собственников жилья правом самостоятельно выбирать управляющую кампанию. Но в ряде регионов России это нововведение еще больше обострило ноту недоверия как местным властям, так и самому правительству. Причины неудач кроются в плохо отработанных механизмах реализации реформы, а так как большая часть населения не только лишена «правовой грамотности», но и безразлично относится к различным нововведениям в общественно-правовой сфере, то и при реализации на местах реформы в сфере ЖКХ, властные полномочия перешли к людям далеким от общественных проблем. Однако, в свете сегодняшнего дня, этот вопрос нельзя отнести к категориям трудноразрешимых. Воспитание гражданской культуры у населения нужно начинать со школьной скамьи, разработав соответствующие программы и курсы по правоведению, государственной и муниципальной истории России, уделяя особое внимание краеведческому аспекту. Подготовка школьников, а также студентов техникумов и ВУЗов в рамках этой программы позволит не только решить проблему аполитичности в стране, но и значительно повысить уровень качества преподавания курсов «истории Отечества» и «правоведения».

В настоящее время немало проблем связано с реализацией местного самоуправления на определенной административно-территориальной единице. Российское государство исторически сложилось как многонациональное, где тесно переплетаются различные традиции, культурные ценности, вероисповедания. Чтобы предупредить конфликты на национальной почве, необходимо внимательно подойти к организации органов самоуправления на местах.

Конституция РФ (1993 г.) не дает четкого определения, на каких условиях организовывается местное самоуправление в той или иной административно-территориальной единице. Но в то же время, в ней говорится, что самоуправление осуществляется «... с учетом исторических и иных местных традиций». Поэтому организация местного самоуправления в административно-территориальных единицах в конституционном порядке самостоятельно решается органами государственной власти субъектов РФ.

В истории России XXI век стал новым этапом в формировании государственности на демократических принципах, которые являются основой в развитии социально-политического института западноевропейских стран. Перед общественностью и политической элитой стоит проблема выбора наиболее приемлемых для российской

действительности форм организации государственного управления и местного самоуправления. Внедрение в жизнь многочисленных моделей управления еще больше обнажило проблемы страны и выявило невозможность реализации в чистом виде западноевропейских вариантов управления.

Итоги первых реформ в этой области поставили общество перед необходимостью изучения истоков парламентаризма в истории российской государственности. Несмотря на то, что парламент свое развитие и выражение получил в странах Западной Европы, в настоящее время этот термин используют для определения системы представительных органов власти, а также их отношений с правительством.

Зарождение этого института в России началось со времен вечевых собраний «русской земли», на которых присутствовали свободные жители. По свидетельству летописей, на территории Северо-Западной Руси в XII – XIII вв., вечевая форма правления получила наибольшее распространение. Решаемые вечею вопросы касались не только социально-экономических, но и внутривластных проблем, что свидетельствовало о его правовой самостоятельности как института самоуправления.

Однако, многие исследователи, истоки местного самоуправления относят к середине XVI в., когда Иваном IV были проведены земские преобразования. Среди указов, вышедших в свет на протяжении XVI в., особенно выделяется «Приговор царский о кормлениях и о службах» (1555 – 1556 гг.), которым отменялись кормления и повсеместно учреждались земские власти. Главная направленность реформы заключалась в том, чтобы обустроить возникающее Московское государство. К сожалению, этот этап развития Российского самоуправления был, полностью перечеркнут опричниной Ивана IV, давшей толчок к функционированию полицейского государства.

Новый этап реформ местного самоуправления связан с правлением Петра I. В первой половине XVIII в. Российские города развивались как торгово-промышленные центры. В связи с увеличением городского населения, занятого в этой сфере, укреплялись экономические связи. В результате победы в Северной войне, Петр I добился не только выхода к Балтийскому морю, но и провозгласил Россию империей, что дало ей возможность стать на одну ступень с европейскими государствами. «Петровскую эпоху» как современники, так и потомки называли «веком реформ». Но, даже Петр I, проводя ряд преобразований, затронувших все сферы жизни общества, не решился превратить русский город в самоуправляющуюся единицу. Его нововведения сводились к заимствованию «шведской модели», представлявшей собой систему четкого бюрократического управления. Учрежденные ратуши и магистраты, всецело подчинялись местным властям, не имея право самостоятельно решать какие-либо вопросы городской жизни.

На протяжении XVIII – XIX вв., эти институты власти действовали не регулярно. Как свидетельствуют архивные документы, несмотря на то, что они непосредственно занимались городскими проблемами, в системе управления им отводилась второстепенная роль. Наиболее ярко, их деятельность была выражена в городах Предкавказья, которые прошли путь от крепостей, построенных в военных целях, до городов, развивающихся как социально-экономические и культурные центры. Важную роль в их становлении сыграл

указ Екатерины II о строительстве Азово-Моздокской укрепленной линии в 1777 г.[1] Согласно этому указу было построено 10 крепостей для оборонительных целей во время ведения военных действий. В связи с дальнейшим освоением региона, по приказу императрицы в Предкавказье были проведены преобразования в сфере управления. Согласно указу от 5 мая 1785 г. образовывалось Кавказское наместничество, куда вошли Кавказская и Астраханская области. В состав Кавказской области были включены уезды: Кизлярский, Моздокский, Александровский, Екатериноградский, Ставропольский и Георгиевский. Статус областного города получил Екатериноград, а центры уездов стали уездными городами. С 1786 г. во всех городах Кавказской области были открыты магистраты, на которые возлагалась ответственность заниматься проблемами новых городов. Но из-за отсутствия финансовой базы, во многих уездах они не могли содержать даже канцелярских служащих, не говоря о решении каких-либо вопросов. Не оправдав возложенные на них надежды, в 1807 г. магистраты были закрыты, а вместо них, по указу Александра I, в Ставрополе и Георгиевске учреждались ратуши, а позже – городские думы на принципах, определенных Жалованной грамотой городам Екатерины II от 21 апреля 1785 г.[2] Новым этапом в развитии российской системы управления стал указ императора Александра II от 16 апреля 1866 г., согласно которому в России упразднились магистраты и ратуши, а вместо них открывались городские думы.[3]

Одной из особенностей функционирования самоуправления в это время, было отсутствие самостоятельности в решении городских вопросов. Несмотря на жесткий контроль со стороны местных властей, органы самоуправления, активно участвуя в городской жизни, занимались не только проблемами благоустройства, но также искали возможные источники пополнения городских доходов, за счет которых развивались российские города.

До открытия общественных банков в Предкавказье, ратуши и думы, нередко для поправки городского бюджета, давали в займы под проценты деньги частным лицам. Стабильную прибыль приносили городам предприятия, каменоломни, которые сдавали в аренду предприимчивым людям. В целях сокращения городских расходов, органы самоуправления очень часто к общественным работам привлекали арестантскую роту гражданского ведомства, которой выплачивали небольшое, по сравнению с наемными рабочими, жалованье. С открытием в Предкавказье общественных банков, органы самоуправления пополняли городские доходы, помещая в них под проценты остаточную сумму от расходов города.

Несмотря на все трудности, с которыми пришлось столкнуться местному самоуправлению, оно сумело доказать свою жизнеспособность и реальную помощь горожанам в решении их вопросов. В Предкавказье имели место случаи, когда по инициативе горожан были открыты органы самоуправления. К примеру, после получения в 1830 г. Пятигорском статуса окружного города, через 10 лет в нем по инициативе обывателей, начали работать словесный суд и ратуша, содержание которых жители брали на себя.

В связи с изменениями в социально-экономической и политической жизни России в середине XIX в. возникла необходимость реформирования существующей системы местного самоуправления, так как Жалованная грамота Екатерины II уже не удовлетворяла интересы развивающегося буржуазного общества.[4]

В основу нового Городового положения Александра II от 16 июня 1870 г. были положены: имущественный ценз, сословность, разделение распорядительной и исполнительной властей самоуправления. В результате использования прусской трехрядной избирательной системы, право голоса получала незначительная часть горожан, уплачивающих налоги в пользу города. В правовом отношении, городские думы были всецело подчинены местным властям и лишены всякой самостоятельности в решении городских проблем, по существу они превратились в их исполнительные органы. В начале XX в. сложились все предпосылки для реформирования государственного управления Российской империи. Работа I Государственной думы с 27 апреля по 8 июля 1906 г., а также II Государственной думы с 20 февраля по 2 июня 1907 г., показала невозможность дальнейшего управления страной без представительных учреждений. В это время Государственной думе оказывали поддержку как самоуправления и общественные организации, так и русский народ. Желание самодержавного монарха сохранить за собой полноту власти и управления, привело в итоге к крушению монархического строя и усугублению политического кризиса.

Новым этапом в истории формирования Российского управления стала Февральская революция 1917 г. Временное правительство в своей политике на первых порах стремилось сделать основой местное самоуправление. Провозгласив всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, правительство 15 апреля 1917 г. опубликовало постановление о проведении реформ городского самоуправления. Однако, наделив городские думы более широкими правами в решении местных вопросов, оно оставило их в подчинении губернских комиссаров. Не стали органами местного самоуправления и Советы, которые по существу представляли единую систему, сверху до низу основанную на принципах демократического централизма и строгой подчиненности по вертикали.

Как свидетельствуют исторические факты, самоуправление в России развивалось в рамках жесткого контроля со стороны государства. В результате этого ограничения, к настоящему времени не сложилась четко выраженная модель этого института власти. Поэтому, когда в 90-х гг. XX в. возникла необходимость в поисках новых форм управления, Российская политическая элита обратилась к историческому опыту организации самоуправления. Одновременно изучался западноевропейский опыт самоуправления, с целью применения его в России.

Но уже первые результаты показали, что сегодня невозможно скопировать и внедрить западноевропейские образцы, а также в неизменном виде применить местное управление и самоуправление, существовавшее в России.[5] Многочисленные споры о реализации приемлемого варианта местного самоуправления в России остаются безосновательными без четкого определения финансово-экономической основы,

гарантирующей эффективность его функционирования. Законодательством РФ предусмотрена помощь государства по созданию финансово-экономических условий, необходимых для развития самого местного самоуправления. С 90-х гг. XX в. на правительственном уровне решается вопрос о формировании муниципальной собственности и четком разграничении доходов и расходов, а также определении стабильных источников пополнения местных бюджетов.

Однако органам самоуправления все больше приходится рассчитывать на местные источники доходов, а не на помощь правительства. В условиях нестабильного экономического развития страны, когда в регионах закрыты многочисленные предприятия, а уровень жизни большей части населения ниже среднего, местное самоуправление должно определить постоянные источники доходов для решения проблем определенной административно-территориальной единицы. В этом случае главную роль играют средства местного бюджета, к которым относятся доходы от муниципальных организаций и предприятий, денежные средства, полученные в результате операций на финансовом рынке. В идеале, таким образом, формируется база, прежде всего для подъема экономики в регионе и в целом по стране.

Решение этой задачи осложняется многочисленными факторами. Во многих регионах не просто определить объекты муниципальной собственности. К примеру, предприятия, которые могли быть приватизированы органами местного самоуправления, как правило, выкупаются частными лицами. В итоге, самоуправление теряет прибыльные источники доходов. Однако на эту проблему можно посмотреть с другой стороны. Россия – это аграрная страна, где, к сожалению, находятся в запущенном состоянии фруктовые сады, поля, лесные угодья. А если рационально подойти к решению этой проблемы, то можно у «сырьевых источников» построить и оформить в муниципальную собственность перерабатывающие предприятия.

Одновременно решаются несколько проблем. Прежде всего – занятости молодежи, так как в настоящее время в стране функционируют как среднетехнические, так и высшие учебные заведения, где готовят специалистов по тем или иным промышленным отраслям. В то же время, выпуск конкурентоспособной продукции обеспечит качественными товарами не только местные рынки сбыта, но и международные, что особенно важно для стабильного экономического развития России.

Другой немаловажной проблемой для органов местного самоуправления является дальнейшее проведение реформы ЖКХ, которая весьма остро была встречена населением. Существование в России бездействующих управляющих компаний, финансируемых благодаря необоснованно высоким тарифам на коммунальные услуги, привели к массовым митингам протеста, прокатившимся по всей стране. В настоящее время, население не готово самостоятельно решать вопросы содержания жилищно-коммунального комплекса. Но в то же время, управляющие компании, а по сути те же домоуправления, не могут уже работать по-старому. Немалые суммы, выделяемые на их содержание, должны быть оправданы эффективной работой. Этого можно добиться путем создания конкурентоспособных компаний с ограниченным штатом квалифицированных

специалистов, способных на деле заняться вопросами содержания жилищного фонда. Использование ими финансовых средств, выделяемых из местного бюджета, должно строго контролироваться органами самоуправления. На успех проведения реформы ЖКХ можно надеяться в том случае, когда органы самоуправления будут знать, на что были использованы управляющими кампаниями деньги, а население будет знать, за что оплачивает далеко не минимальные тарифы.

На сегодняшний день в государстве нет единого подхода к местному самоуправлению. Поэтому не случайно, по этим вопросам принимается последовательно ряд законов. Однако проблема пока остается нерешенной, что признает президент и правительство, местные власти и общественность.

В правительственных кругах перспективы развития местного самоуправления в России вызывают много споров, выдвигаются различные проекты его осуществления в регионах. Но реформы в этой области до тех пор будут заходить в «тупик», пока к их разработке и реализации не будут привлечены специалисты из различных отраслей знаний, пока не будут учтены исторический опыт, правовые и культурные традиции населения, проживающего на территории РФ.

Литература

1. Чекменев С.А. Переселенцы. Пятигорск, 1994. – С. 27-31.
2. ГАСК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.
3. Город Моздок. Исторический очерк. Владикавказ, 1995. – С. 57.
4. Российское законодательство X – XX вв. / Под ред. Е.И. Индова. М., 1989. Т. 5. – С. 76-124.
5. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Зарубежный опыт местного самоуправления и российская практика. Р.-на-Д., 1999. – С. 94.

УДК 94 (47)

**СТРОИТЕЛЬСТВО СУНЖЕНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЛИНИИ И ДИНАМИКА
ЧИСЛЕННОСТИ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ
BUILDING OF THE SUNZHENSKY COSSACK LINE AND DYNAMICS OF NUMBER
OF ITS POPULATION**

Э. В. Бурда к. и. н., преподаватель филиала СГА г. Майский КБР
E. V. Burda the candidate of historical sciences, the teacher of branch SGA May KBR
e-mail: Mamay.69@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена одной из актуальнейших тем – казачьей колонизации Северного Кавказа. Автор статьи раскрывает причины появления новой казачьей линии. Особое внимание в статье уделяется динамике роста численности населения.

Annotation: Article is devoted one of the most urgent themes – the Cossack colonization of the North Caucasus. The author of article opens the reasons of occurrence of a new Cossack line. The special attention in article is given to dynamics of growth of population.

Ключевые слова: военная линия, казачья колонизация, переселенцы, государственные крестьяне.

Keywords: a military line, the Cossack colonization, immigrants, the state peasants.

Активизация и расширение военных действий на Северном Кавказе в первой половине XIX века потребовали от российской военной администрации усилить колонизацию края. При этом Российское правительство рассматривало как одну из основных задач создание здесь многочисленного и сильного кавказского казачества. Так, в документах того времени отмечалось, что «единственно надежным средством для прочного утверждения нашего владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением» [1]. Гражданская колонизация проходила в это время как составная и подчиненная часть этой политики.

Ускорению темпов казачьей колонизации способствовало строительство военно-оборонительных укреплений. К середине 30-х годов XIX века военной администрацией уже были построены: Азово-Моздокская укрепленная линия, Лезгинская и Черноморская кордонная линии. Со строительством кордонных линий нужда в казачьих частях все больше и больше возрастала, тем более что казачье население имело низкий естественный прирост, а потери, которое оно несло в ходе Кавказской войны, росли. Поэтому пополнение линейного казачества в первой половине XIX века было постоянной заботой местных и центральных властей, которые добивались этого разными путями.

В 30-х годах XIX века военное командование приступает к укреплению границы по линии Военно-Грузинской дороги. В 1837 г. были поселены здесь восемь станицами два

Малороссийских казачьих полка. Восемь новых станиц образовали Владикавказский полк в 6 строевых сотен [2]. Для пополнения казачьих станиц правительство в 1848 году переселило 200 семей государственных крестьян из Харьковской и Воронежской губернии. Этими переселенцами была заселена новая станица Змейская [3].

Таким образом, в самый разгар Кавказской войны, начиная с конца 30-х, начала 40-х годов XIX века происходит увеличение количественного состава Терских казаков за счёт малороссийских переселенцев. Этот прирост казачьего населения повлёк за собой проблему размещения и наделения землёй довольно большого количества переселенцев. Первоначально вопрос о земельных угодьях не стоял столь остро, по причине того, что казаки-переселенцы находились полностью на довольствии государства, им довольно было близлежащих к станицам земельных угодий.

Но по мере увеличения количества казачьего населения и как следствие этого «расширение хозяйственной деятельности, казаки всё больше и больше начинают испытывать потребность в плодородной земле, а пределы её были ограничены владениями поселившихся здесь осетин, вышедших с гор» [4]. Во время переселения горцев на равнину, принявшего стихийный характер, раздела земельных угодий не производилось, осетинские общества занимали их по праву первоначального заселения, т.е. захвата. Царское правительство поощряя переселение осетин, практически не занималось их размещением, и, как правило, признавало законным право на владение занятыми под поселения землями. Но после размещения станиц на этом пространстве и численного роста казачьих обществ остро встал вопрос о нехватке земли. Особенно остро земельный вопрос встал в местах расположения станиц Ардонской, Архонской и Николаевской, где плотность осетинского населения была особенно высока [5]. Чтобы разрешить эту проблему военная администрация приняла решение о переселении осетин в другие места, и освободившиеся земли передать казакам. Для переселенцев-осетин царским правительством были отведены лучшие земли «между Терским и Кабардинским хребтом ... куда входила и часть владений князя Бековича Черкасского, а также пространство между Терекон, и предположенной границей Владикавказского Казачьего полка» [6]. Царское правительство для оказания помощи «переселенцам, лишаящихся не только земли, но и домов, домашних заведений и т.д., а также в виде поощрения ... выдавало на каждое семейство, смотря по расстоянию, от 20 до 40 рублей серебром» [7]. Всего подлежало переселению на указанные места 433 двора Тагаурского, Алагирского и Куртатинского обществ и 40 дворов аула Алхаста Кундухова [8].

Решая вопрос о наделении земель казаков и осетин, царское правительство связывало со строительством новой укрепленной Линии, получившей впоследствии название, – Сунженской.

Первоначальная идея создания этой укрепленной линии принадлежала генералу князю Цицианову, который предлагал еще в 1803 году занять казачьими поселениями линию от Екатеринграда до Владикавказа и от Владикавказа по реке Сунже, включая обширное пространство Сунженского предгорья. Однако после гибели Цицианова этот

проект остался забытым, и только в 1813 году было заложено укрепление Преградный стан, а 10 июля 1818 года по приказу генерала Ермолова, построили крепость Грозную. Начиная строительство Сунженской укрепленной линии, Ермолов исходил из стратегических соображений. Устроив на Сунже крепости, – писал Ермолов, – неподалеку от деревень их (имеются в виду чеченские), удобно будет делать внезапные нападения, ибо не могут они предварительно знать о намерении и угадывать опыт, как прежде, по немедленному сбору войск из многих мест. Оттеснив ближе к горам и беспрерывно держа в страхе, можно заставить их помышлять о собственной защите более, нежели в нападениях, которые тем затруднительнее сделаются, что надобно будет далеко проезжать позади цепи постов наших» [9].

К середине 30-х годов XIX века система укреплений получила определенное устройство под названием «Сунженской кордонной линии», командир которой полковник Пулло имел штаб-квартиру в крепости Грозной. Оставалась теперь последняя и самая важная задача – продолжить Линию по бассейну реки Сунжи до впадения ее в реку Терек для соединения крепостей Владикавказа и Грозной «и даже до пределов Дагестанской области» и заселение ее казаками. Общий порядок устройства и заселения этой Линии окончательно был разработан комендантом Владикавказа полковником Нестеровым. Так, в своей записке «Об устройстве станиц на Сунженской линии», полковник Нестеров предлагал, прежде чем начать строительство новой Линии, решить вопрос о наделении землями назрановцев (Ингушей) и осетин, а также жителей гарнизона г. Владикавказа. Нестеров считал, что «водворение станиц на Сунже тесно связанным с вопросом о наделении землей назрановцев и осетин и об определении в настоящее время положительным образом между их владениями и землями Сунженского и Владикавказского полков» [10]. Также Нестеров высказал мнение о том, что начальником строительства и размещения станиц должен быть в перспективе начальник Сунженской укрепленной линии, а «для необходимого единства в действиях и во избежание мелких затруднений при исполнении, поручить возведение станиц между Назраном и Казак-Кичу тому лицу, которое будет командовать войсками во Владикавказском округе» [11]. Таким образом, решив вопросы о заселении пространства по линии Военно-Грузинской дороги о наделении землями казаков, осетин, ингушей, жителей гарнизона Владикавказа, военное командование приступает к строительству Сунженской укрепленной линии и заселению ее казаками. Кроме того в той же записке Нестеров высказал мнение, что начальником строительства и размещение станиц должен быть в перспективе и начальник Сунженской укрепленной линии. «Для необходимого единства в действиях и во избежание мелких затруднений при исполнении, – писал Нестеров, – поручить возведение станиц между Назраном и Казак-Кичу тому лицу, которое будет командовать войсками во Владикавказском округе» [12].

Что же касается местоположения самих станиц, то полковник Нестеров предлагал разместить их «между бывшим аулом Малою Яндыркою и укреплением Казак-Кичу и влево до большой дороги, проходящей между обоими кабардинскими хребтами, а вправо до Блашевских гор» [13]. Эти земли, писал он далее, «для хлебопашества наилучшего

качества такого только вообразить можно, и близость отличного строевого леса дает возможность к скорому возведению строений. Общее пространство земли составляет четвероугольник, имеющий около 25 верст как в широту, так и в длину, но на окоп легко поселить можно от 1000 до 1200 дворов, разделяя их на три или четыре станицы» [14].

Заселение станиц предполагалось осуществить за счет терских, донских, ставропольских и кубанских казаков, направляемых на Сунжу по жребии или добровольно.

Подавляющую массу составляли молодые казаки с семьями. Возраст колебался от 20 до 35 лет. Представители старших поколений выезжали как члены семей.

Командующим новой Линией и командиром полка был назначен Николай Павлович Слепцов, которому в то время едва исполнилось 30 лет.

В мае 1845 года Слепцов прибыл в укрепление Волынское с офицерами и урядниками Моздокского полка и приступил к приему прибывающих казаков Ставропольского полка, Кубани и части Войска Донского, а всего должно прибыть из станиц Кавказского линейного войска – 2273 и из Войска Донского – 637 семей.

Первыми казаками-переселенцами, изъявившими желание поселиться на Сунженской линии, были представители III и IV военных округов Войска Донского. Состав переселенцев от каждого округа был неодинаков: так из III-го военного округа прибыло 300 семей [15], а из IV-го округа всего 64 семьи [16].

Места, предназначенные под новые станицы, располагались по правому берегу реки Сунжи верстах в 18-ти от Назрановского укрепления, которое тогда считалось достаточно сильным, так как в нем имелась крепостная артиллерия, а гарнизон его составлял 7-й Кавказский линейный батальон. Распланировкой вновь строящихся станиц по реке Сунже было поручено саперному офицеру Свиридову, а расселением переселенцев занимался полковник Бруннер, который принял решение заселять станицы по 250 дворов, при этом, отмежевывать на каждый двор по 15 сажений в длину и 10 сажений в ширину [17].

Строительство первых трех станиц – Михайловской, Троицкой и Сунженской (впоследствии переименуют в Слепцовскую) было закончено 21 ноября 1845 года. Станица Сунженская была определена как Штаб-квартира полка. В дальнейшем строительство станиц происходило в такой последовательности: в 1847 году – станицы Ассиновская и Магомет-Юртовская; в 1851 году – Самашкинская и Алхан-Юртовская; в 1859 году – Сунженская (вторая), Карабулакская, Тарская и Камбилеевская; в 1860 году – Фельдмаршальская, Галашевская и Алкунская; и в 1861 году – Аки-Юртовская и Нестеровская [18].

Таким образом, заселение Сунжи, начатое в 1845 году, затянулось, почти что, на 16 лет. В конце концов, на берегах Сунжи и ее притоках образовались три казачьих полка: 2-ой Владикавказский, занявший семью станицами – Владикавказская, Камбилеевская (обе они в 1859 году соединившись, образовали станицу Терскую), Ново-Сунженская, Аки-Юртовская, Фельдмаршальская, Нестеровская и, впоследствии упраздненная, Галашевская – Галашевская – верховья Камбилеевки, Сунжи и Ассы;

1-й Сунженский, по среднему течению Сунжи с боковым сообщением к Моздоку в семи станицах: Магомет-Юртвская, Карабулакская, Троицкая, Сунженская (в последствии Слепцовская), Михайловская и Ассиновская;

2-ой Сунженский, сомкнувший Сунженскую линию с Гребенскими городками по нижнему течению Сунжи до Брагунов и Горячих Вод восьмью станицами – Самашки, Закан-Юрт, Алхан-Юрт, Грозненская, Петропавловская, Джалкинская, Умакан-Юрт и Горячеводская [19].

Одновременно со строительством новых казачьих станиц по Сунженской линии увеличивается и численность населения этих станиц. Как правило, увеличение казачьего населения происходило за счет казаков-переселенцев и крестьян. Так, в 1861 году дополнительно было переведено 100 семей терских казаков, и 400 семей государственных крестьян, которых обратили в казачье сословие и расселили по станицам [20].

Стабилизация численности казачьего населения произошло к середине 60-х годов XIX века. Так, по отчетной ведомости за 1866 год в станицах 2-го Владикавказского Казачьего полка проживало: 1587 семейств с 2566 –служащими казаками, 1865-ю малолетними до 18 лет, 3918 – женщинами-казачками и 100 человек не казачьего сословия [21].

Численность казачьего населения была связана с окончанием русско-кавказской войны и сокращением потерь на полях сражений. Терское казачество, сыгравшее огромную роль в хозяйственном освоении Предкавказья, предполагалось Царской администрацией использовать в роли надежного стража внутренних основ государственной власти. И именно с этой целью, начиная с 1865 года, практически полностью прекращается приписка в казачье сословие лиц иного социального происхождения. Одновременно с этим был положен запрет на выход из казачьего сословия без надлежащих на то причин. Все эти меры завершили процесс превращения казачества в замкнутое служилое сословие, находившееся на особом положении в государстве.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 12. – Тифлис, 1904. №589.
2. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, лл.15 об. 17.
3. Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска / Сост. Н. Благовещенский. – Тифлис, 1877. С. 40.
4. Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ: Ир, 1991. – С. 108.
5. Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ: Ир, 1991. – С. 108.
6. ЦГА РСО-А, ф. 290. оп. 1, д. 109, л.21.
7. ЦГА РСО-А, ф. 290. оп. 1, д. 109, л.21.
8. Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ: Ир, 1991. – С. 109.
9. Записки Алексея Петровича Ермолова. – М., 1868. – Ч. 2. – С. 22.
10. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, лл. 17, 17 об.

11. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, лл. 5, 5 об.
12. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, лл. 5, 5 об.
13. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, лл. 4, 5.
14. ЦГА РСО-А, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 5.
15. Козлов А. И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). – Ростов н/Д, 1995. – С. 66.
16. Козлов А. И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, история). – Ростов н/Д, 1995. – С. 70.
17. Газ. «Терские ведомости», № 259, 10 декабря 1911 г.
18. Сборник сведений о Терской области / Под ред. Н. Благовещенского. – Владикавказ, 1978. – Вып. 1. – С. 373–375.
19. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 930, лл. 19, 20.
20. ЦГА РСО-А, ф. 13, оп. 1, д. 109, л. 1 об.
21. ЦГА РСО-А, 13, оп. 1, д. 1495, л. 14 об., 15.

УДК 371.113.1 + 377.5

**ВЛАСТЬ И БЕССИЛИЕ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
THE POWER AND THE HELPLESSNESS OF THE DIRECTOR OF THE SCHOOL IN
THE POST-REFORM RUSSIA**

*Т.А. Магсумов, кандидат исторических наук, доцент, г. Набережные Челны,
Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов*
*T.A. Magsumov, Ph. D. in History, Associate Professor, Naberezhnye Chelny, Naberezhnye
Chelny Institute of social and pedagogical technologies and resources*
e-mail: nabonid1@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены назначение, должностные обязанности и статус директоров российских средних школ конца XIX – начала XX века. Делается вывод о полновластии директора внутри школы и его одновременной зависимости от вышестоящего начальства.

Annotation: The appointments, duties and status of the directors of Russian secondary schools late XIX - early XX century are considered. The conclusion about the sovereignty of the director within the school and its simultaneous dependence on the higher administration is made.

Ключевые слова: директор школы, промышленное училище, коммерческое училище, речное училище, земледельческое училище, гимназия.

Keywords: school director, industrial school, commercial school, river school, agricultural school, grammar school.

Практика школьной жизни показывает, что от работы руководителя в значительной степени зависит успех деятельности всего школьного коллектива. В ряду проблем школьного менеджмента наиболее частыми являются хроническое расширение обязанностей руководителей, отсутствие сбалансированного распределения полномочий между ними, излишняя централизация управления. В результате это приводит к перегрузке руководителей и сосредоточению их деятельности на решении текущих задач. Являются ли эти проблемы характерными чертами современного внутришкольного управления или стоит устремить взор в прошлое, и там попытаться найти исторические корни нынешних проблем? Исходя из вышесказанного, автор предпринимает попытку рассмотреть роль и место директора средней профессиональной школы в образовательной политике и системе управления образованием в России на рубеже XIX-XX вв.

Директор в дореволюционной школе являлся ее главным административным лицом. Он руководил учебной, воспитательной и хозяйственной деятельностью учебного заведения, одновременно, будучи еще и преподавателем.

Директор избирался местным учебным начальством и утверждался профильным

министром. Так, директора учебных заведений Министерства народного просвещения (далее МНП) – средних технических училищ, гимназий и реальных училищ – избирались попечителем учебного округа и утверждались в должности министром народного просвещения. В технических железнодорожных училищах директор назначался министром путей сообщения по представлению окружных инспекторов [7]. В коммерческих училищах директор избирался попечительным советом, как высшим органом управления учебным заведением, и утверждался министром торговли и промышленности, причем последний мог не утвердить представленную кандидатуру и назначить директора по своему усмотрению [11].

Требования к соискателю должности директора прописывались недостаточно четко. Единственным обязательным условием было наличие высшего образования, желательно – специального. Устав средних технических училищ дополнительно требовал избирать директора из лиц, «известных своей деятельностью в промышленном деле, а также из лиц, известных по своей полезной службе в каком-либо специальном учебном заведении» [13]. Уставы коммерческих училищ отдавали предпочтение кандидатам, которые не менее пяти лет работали преподавателями в коммерческих училищах [11].

К сожалению, при изучении нормативной документации, возникает неутешительный вывод – формально директором могло стать любое лицо с высшим образованием, назначенное сверху. Оставив для себя эту лазейку, необходимую, по-нашему мнению, больше для того, чтобы держать директора под страхом легкой замены его фигуры другим функционером, учебное начальство все же тщательно подбирало на должности административных работников учебных заведений людей, имевших большой практический опыт. Министерские чиновники прекрасно понимали, что личные и профессиональные качества директоров и инспекторов во многом определяли успешное функционирование профессиональной школы, но «успешность» функционирования школы понималась весьма однобоко – внешняя дисциплина и порядок. Поэтому на должность директора приискивали не управленца, но чиновника. Даже консервативная «толстовская система» (по имени Д.А. Толстого (1823-1889), министра народного просвещения в 1866-1880 гг.) с ее подбором директоров преимущественно из классиков (преподавателей древних языков – Т.М.), когда главными критериями выбора служили степень рвения в насаждении классического образования или ученость, на фоне начала XX века кажется весьма демократичной. Была и еще одна проблема – резкое увеличение количества учебных заведений, и соответственно, численности директорского персонала в округе. По этой причине, усиливающейся параллельно громадным увеличением и осложнением дел попечителя округа, при назначении директоров «громадная роль и первое место ... принадлежит случаю, а к нему так или иначе прилаживаются и злоупотребления» [8].

Также продуманно подбирались директора и руководители негосударственных учебных заведений, однако представленные нами ниже краткие экскурсы в их жизненный путь показывают ряд особенностей этих людей, отличающих их от директоров государственных профессиональных школ. В негосударственных учебных заведениях

старались подыскивать на должности руководителей не просто хороших администраторов, но и талантливых практических специалистов. Показателем столь качественного выбора стал тот факт, что руководители негосударственных школ оставались бессменными в своих должностях на всем протяжении существования этих учебных заведений. В пользу этого вывода свидетельствует и та забота, которую проявляли попечительные советы учебных заведений по отношению к директорам и инспекторам негосударственных школ.

Согласно уставной документации главные обязанности директоров состояли в надзоре за ходом преподавания и воспитания, внешним порядком и материальным благосостоянием вверенных им учебных заведений, и вообще за точным исполнением всех положений устава и постановлений вышестоящих органов [10]. Заметим – о детях здесь ни слова – ни о защите их прав, ни об охране их здоровья. Увы, выводы складываются вполне однозначные: 1) обезличенное образование без основного субъекта – ребенка, 2) все заботы директора – это надзор, что де-юре устанавливало административный стиль руководства с гиперконтрольными функциями в системе управления школой.

Директор, согласно уставам средних общих и профессиональных учебных заведений, являлся председателем педагогического совета. Руководители государственных учебных заведений также председательствовали в хозяйственных комитетах, а директора негосударственных школ являлись членами попечительных советов и хозяйственных комитетов [3].

На заседаниях педагогического совета в случае равенства голосов при решении вопросов голос председателя всегда давал перевес. Даже если председатель не был согласен с большинством членов совета по какому-либо постановлению, то эта резолюция, до приведения ее в исполнение, поступала на рассмотрение вышестоящего начальства. Необходимо отметить, что ведомственные учебные заведения подчинялись учебным отделам своих министерств, а сама процедура рассмотрения спорных моментов была достаточно длительной. Фактически это означало затягивание исполнения решения на неопределенный срок, за время которого директор мог попытаться «перетянуть» на свою сторону голоса членов совета. В гимназиях, более того, согласно § 45 Устава 1871 г., директор, при несогласии с мнением педагогического совета, в случае, «если дело не терпит отлагательства, то исполняет оное по собственному убеждению и немедленно доносит о своем распоряжении Попечителю» [10]. Впрочем, в случае разногласий, мнение меньшинства, если оно этого желало, также доводилось до сведения вышестоящего начальства.

Полномочия директора как председателя педагогического совета были типовыми во всех средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях. Он назначал время заседаний совета, имел право созывать его в чрезвычайных случаях, ставил на обсуждение свои предложения по учебно-воспитательной части, соблюдал очередность при рассмотрении вопросов, вносимых другими членами совета, направлял

прения, следил за правильностью и порядком заседаний и объявлял постановления совета [2].

Все это говорит о том, что в государственной школе именно директор был полновластным «хозяином», а педагогический совет лишь следовал его общей руководящей линии, выступая в роли советчика, но не коллективного органа принятия решений. Наглядно этот тезис подтверждается воспоминаниями И.И. Печникова, опубликованными в «Журнале для воспитания» за 1857 г.: «Весь совет давно уже отвык от возражений директору. Никто из учителей не сомневался в том, что они возможны; но каждый давно порешил, что из-за каких-нибудь пустяков не стоит нарушать обычное спокойствие. Если бы от этого можно было иметь какие-нибудь выгоды, тогда, пожалуй, отчего бы и не поспорить, а то наделаешь себе только хлопот. Из-за какой-нибудь отметки выставят с дурной стороны высшему начальству, лишат награды или забудут представить вовремя к чину» [1].

Директору подчинялись все преподаватели и служащие учебного заведения. Примечательно, что в уставы учебных заведений МНП было вписано обоснование власти директора над служащими: «Директор есть начальник среднего технического училища; на нем лежит полная ответственность по всем частям за благоустройство заведения и ему на этом основании подчиняются все служащие в училище лица» [13]. Чем не имперская традиция обоснования власти «заботой о подданных»?

Директор, согласно Уставам, решал все кадровые вопросы: избирал, из числа соответствующих требованиям, инспектора, преподавателей, наблюдателей и других должностных лиц и представлял их на утверждение вышестоящего начальства – попечителя учебного округа (в учебных заведениях МНП) или учебного отдела профильного министерства; принимал и увольнял низших служащих. Он аттестовывал всех служащих под его начальством лиц и рекомендовал их к государственным наградам и чинам, а также выделял пособия из специальных средств учебного заведения. Директор также представлял к увольнению от должности в случае неспособности педагогов преподавать на должном уровне или выслугой срока на пенсию, или к оставлению на службе по выслуге означенного срока. Он отправлял служащих в отпуска в каникулярное время, а по особо уважительным и не терпящим отлагательства причинам и в учебное время, но не более чем на две недели (в коммерческих училищах) и на 28 дней (в средних технических училищах), в последнем случае немедленно доводя об этом до сведения вышестоящего начальства [10].

Уставы учебных заведений не содержат никаких указаний о порядке распределения учебной нагрузки между педагогами – самому важному, и, пожалуй, злободневному вопросу для всех преподавателей. В отношении гимназий Устав 1871 г. также «хранит молчание», лишь Объяснительная записка к нему относит решение данной проблемы к задачам педагогического совета. Все это «давало громадному большинству» директоров возможность даже формально не выносить данный вопрос на заседание совета и решать его самостоятельно, по своему усмотрению – так, по крайней мере, утверждали члены профильной подкомиссии Комиссии по вопросу об улучшениях в средней

общеобразовательной школе [9]. Однако, даже вынося на заключение педагогического совета вопрос о распределении уроков, директор мог рассчитывать на утверждение предлагаемого им проекта распределения часов. Эти мысли подтверждаются воспоминаниями учителей. Вот одно из них: «Раздача уроков находится всецело в руках директора: тих ты и смирен, покладист, уступчив, одним словом, обладаешь всеми Молчалинскими способностями, тебе и уроков много и классное наставничество, и секретарство, но сохрани, Боже, учителя от дерзости иметь собственное суждение, от терпкости языка, от искренности и правдивости, тогда не угодно ли получить 12 уроков («голую ставку» – Т.М.) без всяких дополнительных аксессуаров» [14]. Еще одним действенным орудием в руках директора были его обязательные секретные донесения об учителях, дважды в течение года представляемые попечителю округа.

Как главное ответственное лицо школы, директор представлял учебное заведение в отношениях с органами управления образованием, местными органами власти и общественными организациями, естественно, в пределах своих компетенций. Ежегодно он составлял годовой отчет по учебной (учебно-воспитательной) части и представлял его высшему начальству.

В средних технических и сельскохозяйственных училищах директор был обязан преподавать какой-либо предмет или руководить графическими или практическими занятиями с разрешения попечителя учебного округа. Объем положенной учебной нагрузки директора составлял 6 часов в неделю [12], но, по особому разрешению попечителя округа, для директоров средних технических училищ мог быть увеличен до 12 уроков. За преподавательскую работу он получал зарплату из штатных сумм как за дополнительные уроки наравне с другими преподавателями в соответствии с нагрузкой. Вознаграждение за дополнительные уроки составляло 75 руб. за недельный урок, 60 руб. – за час графических занятий, 45 руб. – за час работы в лабораториях и 36 руб. – за час руководства занятиями в мастерских [13]. В Казанском коммерческом училище (далее ККУ) директор мог (но не был обязан) преподавать, но не более 8 часов в неделю. Подобное отношение к директорам коммерческих учебных заведений было обусловлено тем, что в учебных заведениях этого типа, по многим инновациям, демократическому устройству и гласности обсуждения проблем намного опережавших свое время, учредители, на наш взгляд, прекрасно осознавали, что директор школы – это, прежде всего, менеджер, и нерационально отвлекать его от решения управленческих задач преподавательской деятельностью.

Должность директора давала ряд существенных привилегий. Директор числился на государственной службе. Зарплата директора была достаточно высокой. Не считая платы за дополнительные уроки, указанной выше, директор среднего учебного заведения, подведомственного МНП, получал 1 200 руб. жалованья и 800 руб. «столовых» (деньги на питание), при этом квартира ему предоставлялась бесплатно (при учебном заведении), а в Казанском промышленном училище (вследствие его сложной структуры, включающей объединенное среднее и три низших училища) – 1 800 и 1 200 руб. соответственно [13]. В общем итоге выходила вполне приличная сумма. Так, директор Казанского

промышленного училища В.И. Нечкин получал 3 835 руб. в год при казенной квартире [6, С. 4]. Директор среднего технического училища имел право на отпуск и пенсию, наравне с директором гимназии. Соответственно зарплате директор обладал очень высоким социальным статусом. По «Табели о рангах» директор государственного среднего профессионального учебного заведения имел чин V класса – «статский советник», что соответствовало чину вице-губернатора, вице-директора департамента или председателя казенной палаты.

В случае отсутствия или болезни директора его обязанности выполнял инспектор [12]; в ККУ, при незамещении должности инспектора (таковой там не было с 1904 по 1910 г.), обязанности директора возлагались на одного из штатных преподавателей или наблюдателей, выбранных директором и с разрешения министра торговли и промышленности [11].

Безусловно, директор в школе, в сущности, являлся полновластным господином. «Но трагизм русской школы заключается в том, что и сам директор ее, несмотря на кажущееся свое полномочие, в действительности является безвластным и бесправным» [4]. Отечественная историография истории образования всегда обходила этот вопрос стороной. Сам автор также не ставит целью «оправдание» достаточно частого директорского «беспредела», но хочет показать, что директора, как и многие педагоги, – продукты режима, и поэтому даже более несвободны, нежели учителя. В чем же заключалось это бесправие?

Во-первых, директора, наделенные широкими полномочиями в области «карающей, пресекающей и надзирающей деятельности», были практически полностью лишены простора в области инициативы и созидания. Граф А.А. Мусин-Пушкин (1855-1918), попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, бывший до этого попечителем Одесского округа и помощником попечителя Киевского округа, так описывал эту ситуацию: «Учебно-окружное начальство, не доверяя учительскому персоналу и самим директорам средних учебных заведений, до-нельзя стеснило их действия, опутало их такой непроходимой сетью всевозможных циркуляров, инструкций и учебных планов, предусматривающих каждый малейший случай их преподавательской и воспитательской деятельности, что лишило их всякой здоровой и полезной инициативы на пользу вверенного им юношества!» [5]. Директор всегда был опутан не только требованиями своего непосредственного начальства, но и взглядами, пожеланиями, влияниями всякого рода провинциальных властей и, зачастую, политических деятелей монархической окраски, особенно опекавших школу. Вполне естественно, при награждении учителей, учитывалось два фактора – «свои» люди и те, у кого есть «рука». Директор не мог обделить две эти категории педагогов. Остальные, «какими бы достоинствами они не обладали, остаются в большинстве случаев за бортом всяческих благ» [8].

Во-вторых, директор был лишен базового права эффективного менеджера – подбора сотрудников. Конечно, формально, ему предоставлен выбор кандидатов на освобождающиеся должности, но кандидатов этих утверждает округ, что обязывает директора исходить не только из собственной их оценки, но и от взглядов и требований

окружного управления. Частой практикой было назначение учителей по выбору округа [8], и директор обязан был молча согласиться на сотрудничество с этим педагогом.

В-третьих, пусть даже и в редких случаях, но преподаватели, благонамеренно мыслящие, выполняющие формально требования своей службы и известные этим окружному начальству, могли не только игнорировать указания директора, но и открыто ему не подчиняться без всякого риска для своей служебной карьеры. В подобном конфликте директор мог добиться лишь назначения ревизии деятельности педагога, однако ревизор вследствие вышеуказанных причин не нашел бы упущений со стороны учителя, и, наоборот, признал бы претензии директора неосновательными. Впрочем, повторимся, что происшествия были явлением редким, потому что «уважаемые» педагоги чисто внешне предпочитали соглашаться с указаниями директора, чем вступать с ним в пререкания [4].

В-четвертых, директор, даже если он захочет, ничего не может внести в улучшение работы школы, поскольку «опутан» массой циркуляров и предписаний, бюлести которые – его прямая обязанность. Простое допущение о возможности что-то изменить в школе в лучшую сторону, и тем самым приобрести репутацию хорошего, гуманного и просвещенного педагога «грозит ему немилостью начальства» и произносит «приговор его служебной карьере» [4].

Увы, такая ситуация несвободы еще более усилила тенденцию к проявлению директорами негативной свободы, что привело к тому, что «чем больше бранят того или другого администратора, чем больше нареканий вызывает его деятельность в общественных кругах и в левой печати, тем выше считаются его заслуги и тем большую похвалу вызывают его административные таланты» [4].

Стабильное функционирование учебных заведений по расчетам чиновников от образования должно было осуществляться во многом благодаря умелому руководству директоров школ, поэтому они тщательно подбирались из лиц, имевших большой практический опыт – как административный, так и педагогический. Директор отвечал за деятельность школы по всем ее направлениям. Большой круг обязанностей директора с лихвой компенсировался высоким государственным статусом и немалой зарплатой. Принадлежавшие фактически только ему руководящие и контрольные функции способствовали установлению авторитарных начал и тотального контроля в системе управления школой. «Страх – основа воспитания, страх – и основа управления, вот исходный пункт современной административно-педагогической мудрости» [4]. К сожалению, современная школа не сильно продвинулась на этом пути.

Литература

1. Магсумов Т.А. Директор в системе управления средней профессиональной школой России рубежа XIX – XX веков // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2010. – № 5. – С. 41-49.
2. Магсумов Т.А. Педагогические советы средних учебных заведений России на рубеже XIX-XX века // В мире научных открытий. – 2010. – № 1(07). Часть 3. – С. 31-36.

3. Магсумов Т.А. Попечительные советы средних профессиональных учебных заведений Казани на рубеже XIX-XX веков // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – Т. 1. № 4-33. – С. 99-102.
4. М-тель. Роль и значение должности директора в современной школе // Вестник воспитания. – 1912. – № 7. – С. 23-51.
5. Мусин-Пушкин А.А. Сборник статей по вопросам школьного образования на Западе и в России : (По личн. наблюдениям). Т. 1-2. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1912. – Т. 2. – [2], 417 с.
6. Отчет о состоянии Казанского соединенного промышленного училища за 1914 гражданский год. – Казань : [Б.и.], 1915. – 89 с.
7. Положение о технических железнодорожных училищах : [Утв. 7 апреля 1886 г. с изм. от 26 декабря 1888 г., 8 апреля 1891 г. и 28 февраля 1894 г.]. – СПб : [Б.и.], 1894. – 10 с.
8. Стратонов, Е.И. Настоящее состояние средней школы и средства ее возрождения. – 2-е изд., значит.испр. и доп. – М. : Тип. П.Н. Холчев, арен. Л.Н. Холчевым, 1910. – 117 с.
9. Труды высочайше учрежденной Комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. – СПб., 1900. – Вып. 2.
10. Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения : [Утв. 30 июня 1871 г.]. – СПб. : Печ. В. Головина, 1871. – 40 с.
11. Устав Казанского коммерческого училища : [Утв. 17 февраля 1904 г.]. – Казань : Лито-типография И.Н. Харитонова, 1906. – 26 с.
12. Устав средних сельскохозяйственных училищ по Положению 26 мая 1904 года : [Утв. 4 янв. 1912 г.]. – СПб. : Типография В. Киршбаума, 1912. – 24 с.
13. Устав средних технических училищ : [Утв. 27 сент. 1889 г.]. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, [1889]. – 44 с.
14. Хроника // Вестник воспитания. – 1894. – № 2. – С. 215-216.

**ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY**

УДК 37.015.3

**ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИИ И МОТИВОВ УЧЕНИЯ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА
INFLUENCE OF MOTIVATION AND MOTIVES ON STUDENTS' EFFECTIVENESS
OF EDUCATIONAL PROCESS OF A HIGHER SCHOOL**

А.Н. Артюкевич, г. Южно-Сахалинск, Сахалинский государственный университет
A.N. Artyukevich, Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin Regional State University
e-mail: artyukevich-mlm@rambler.ru

Аннотация: Рассматривается влияние мотивационной сферы и основных ее компонентов: мотивация и мотив на эффективность процесса обучения студентов вуза, а также критерии эффективности учебно-профессиональной деятельности.

Annotation: Influence of a motivational sphere and its main components such as motivation and motive on students' effectiveness of educational process of a higher school and criteria of effectiveness of educational and professional activity are considered.

Ключевые слова: мотивационная сфера, мотивация, мотив, эффективность обучения.

Key words: motivational sphere, motivation, motive, effectiveness of education.

Современное динамичное социальное, экономическое, культурное развитие общества, нуждается в системе образования, которая должна создавать условия для реализации основных задач этого общества. Подготовка специалистов, способных решать задачи и проблемы современности, главным образом, происходит в период обучения в высшей школе. Именно вузы готовят человека к активной самостоятельной профессиональной деятельности в разных сферах экономики, культуры, политики. Поэтому роль вузов, как одного из основных звеньев системы образования, в подготовке подобного рода специалистов, крайне важна. Значимой является и такая способность вузов, как своевременное и гибкое реагирование на запросы общества.

Тенденция развития высшей школы, а, следовательно, и актуальность этого развития таковы, что вузы начинают ориентироваться на подготовку мобильных и полифункциональных специалистов, востребованных на современном рынке труда. А это, в свою очередь, требует изменения всей технологии обучения в вузах.

Востребованными сегодня являются те работники, которые могут решать задачи, относящиеся к разным отраслям знаний и имеющие навыки гибкого приспособления к

быстрой смене трудовых операций. Безусловно, что специалисты такого уровня должны обладать определенным набором характеристик, присущих высокоразвитому профессионалу и личности в целом. В данном случае можно вполне говорить о том, что одной из важнейших задач высшей школы сегодня является не только подготовка специалиста нового типа, но и внутренне мотивированной личности на профессиональное саморазвитие. В связи с этим одним из самых важных критериев, высокой психологической подготовленности к будущей профессии, а также эффективности учебно-профессиональной деятельности студентов за весь период его обучения в вузе, является высокий уровень развития мотивационной сферы студента.

В связи с этим становится понятным, что, проблема эффективности обучения и мотивации учебной деятельности (УД) студентов особенно актуальна для системы высшего образования в период ее перестройки в современной России. Качество обучения и ведущие мотивы УД являются краеугольным камнем педагогического процесса. Поэтому, вполне обоснованно, возникает вопрос: как построить систему профессиональной подготовки студентов, чтобы актуализировать такие мотивы УД, которые позволяли бы получать максимально эффективный результат в сфере профессионального образования и личностного развития.

Мы считаем, что для обеспечения успешного овладения системой профессиональных знаний, умений и навыков (ЗУН), ключевым фактором, причем не только в системе образования, но и в процессе жизнедеятельности в целом, является мотивация. Чтобы процесс получения и усвоения новых знаний и навыков проходил наиболее эффективно, необходимо конструктивное взаимодействие между преподавателем и студентом, где очень важным фактором, для выполнения данного условия является, психологическая готовность студента к учебно-профессиональной деятельности. В свою очередь, одним из условий формирования психологической готовности студента, служит формирование мотивационной сферы, от которой зависит личная активность студентов в учебном процессе и успешность его обучения. Становится понятным, что вопрос формирования психологической готовности и формирования мотивационной сферы, требуют более тщательного анализа и глубокого исследования. Под мотивационной сферой личности понимают всю имеющуюся у данного человека совокупность мотивационных образований: диспозиций (мотивов), потребностей и целей, аттитудов, поведенческих паттернов, интересов [9]. Мотивационная сфера каждого человека отличается своеобразием, которое заключается в разном содержании мотивации, ее структуры, иерархии, силе и устойчивости мотивов [10].

При изучении уровней развития мотивационной сферы, выделяют такие характеристики как широта, гибкость и иерархизированность [9]. «Под широтой мотивационной сферы понимается качественное разнообразие мотивационных факторов» [5]. Тем не менее, не следует устанавливать прямую связь между уровнем развития мотивационной сферы человека и количеством имеющихся у него разнообразных потребностей, склонностей, интересов [5].

Разнообразие всевозможных средств и способов, с помощью которых может быть удовлетворена одна и та же потребность человека, т.е. реальное наличие существующих вариантов её удовлетворения, характеризует гибкость мотивационной сферы [9]. Говоря иначе, «гибкость – описывает подвижность связей, существующих между разными уровнями организации мотивационной сферы: между потребностями и мотивами, мотивами и целями, потребностями и целями» [1].

В свою очередь, иерархизированность мотивационной сферы, по Е.П. Ильину, выражает «отражение в сознании человека значимости той или иной потребности, мотивационной установки, других мотивационных диспозиций, в соответствии с чем одни имеют доминирующее значение при формировании мотива, а другие – подчинённое, второстепенное; одни используются чаще, другие реже» [5].

Таким образом, мы, как и многие другие авторы [5, 9, 10] будем рассматривать содержание понятия мотивационная сфера личности, как «совокупность, иерархизированная система психологически разнородных факторов, детерминирующих поведение и деятельность человека» [1].

Помимо этого чтобы более полно разобраться в этом вопросе, нам необходимо уточнить содержание и других ключевых понятий, связанных с теорией мотивации: мотивация и мотив. Так как до сих пор, в психологии существуют расхождения в данной терминологии. К. Левин для обозначения мотивации применяет термин «сила» (Lewin, 1935), Е. Толмен - «вектор исполнения» (Tolmen, 1955), К. Халл – «потенциал реакции» (Hull, 1952), Д. Маклелланд и Дж. Аткинсон – «тенденция» (McClelland, 1951, 1971; Atkinson, 1957, 1964). Также мотивацию понимают как: источник активности, систему факторов, детерминирующих поведение и деятельность (К. Мадсен, Ж. Годфруа); как единую систему, совокупность побудителей любой деятельности (К.К. Платонов и др.); как процесс образования формирования мотивов и психической регуляции конкретной деятельности (М.Ш. Магомед-Эминов, В.С. Мэрлин). Исходя из анализа содержания категории «мотивация» и особенностей нашего исследования, под мотивацией мы будем понимать «динамический процесс непрерывного выбора и принятия решений на основе взвешивания поведенческих альтернатив» [9].

Необходимо принимать во внимание и тот факт, что многие исследователи мотивацию представляют как систему мотивов, построенную по иерархическому принципу, выполняющую функции побуждения и регуляции деятельности, имеющую такие устойчивые характеристики как целенаправленность и динамичность [7, 8, 9]. Поэтому целесообразно рассмотреть и различные подходы к определению содержания понятия «мотив».

В зарубежной психологии синонимом термина мотив являются разнообразные научные категории: бессознательная сила (З. Фрейд); устойчивая личностная характеристика (J. Atkinson, K. Madsen); преходящее состояние, побуждающее к действию (Н. Некхаузен); квазипотребность (К. Lewin).

В отечественной психологии мотив рассматривают как желания, хотения, привычки, мысли и чувство долга (П.А. Рудик, 1967); как идеалы, интересы, стремления,

влечения, актуальные потребности, сильные чувства, убеждения, привычки, подражание (П.М. Якобсон, 1969); как потребности, влечения, стремления, цели, интересы (В.Г. Асеев, 1976); как отражение потребности (Б.Ф. Ломов, 1981), как любой фактор, влияющий на возникновение побуждения и принятие решения (Е.П. Ильин, 2002).

Суммируя вышеизложенное, становится совершенно очевидным, что в психологии нет единого подхода к определению и понятия «мотив». Исходя из цели нашего исследования, под термином «мотив», с учетом учебно-профессиональной мотивации, как важного компонента УД, мы будем понимать опредмеченную «потребность, которая носит внутренний характер, входит в структуру самой деятельности» [6]. Это то, ради чего осуществляется деятельность, причем, в качестве мотива могут выступать и предметы внешнего мира и представления, идеи, чувства и переживания, т.е. все то, в чем нашла свое воплощение потребность [3]. Тогда возникает вопрос – какая связь существует между мотивацией и мотивом? С одной стороны мотивацию нельзя сводить лишь к системе мотивов, с другой стороны, мотивы находятся в основе любой мотивации.

«Мотивация объясняет целенаправленность действия, организованность и устойчивость целостной деятельности, направленной на достижения определенной цели» [1]. Будучи основой любой деятельности, мотивация управляет как личной активностью, так и заинтересованностью человека в любой деятельности. Таким образом, от нее зависит не только эффективность достижения поставленной цели, не только определение способов и средств ее достижения, но и в какой-то степени само определение основной цели деятельности, в том числе и обучения.

Основная цель обучения, по мнению В.А. Якунина, состоит в «переводе учащихся из объекта в субъект управления другими людьми и собою. Отсюда ведущей характеристикой человека как субъекта деятельности является его активность, проявляющая себя в инициативном, самостоятельном, творческом отношении к внешней действительности, другим людям и к самому себе» [15]. Добавим, что все вышеперечисленные формы проявления социальной активности студента, непосредственно влияют на эффективность учебного процесса.

В связи с этим возникает необходимость уточнить содержание понятия эффективность УД, определить критерии и факторы, обуславливающие ее высокую эффективность.

В широком смысле слова термин эффективность УД подразумевает соотношение между затраченными ресурсами и достижением поставленной цели (Борисов А.Б., 2003). Нас же интересует непосредственно эффективность деятельности студентов в учебном процессе. Целью любого процесса обучения является теоретическое и практическое овладение системой профессиональных ЗУН, и то, как быстро, насколько качественно, и какой ценой происходит достижение этой цели, все это служит средством оценки результатов учебного процесса. Эти же показатели эффективности учебного процесса, можно применять и как критерии этого процесса.

Однако, с эффективностью учебного процесса, не все так ясно и понятно как может показаться на первый взгляд. Существует проблема среза этих критериев эффективности.

Как мы можем измерить, например, быстроту овладения новыми знаниями, объективно оценить время, необходимое студенту для овладения каким-то умением, формирования навыка, если заведомо известно, что все студенты начинают обучение в вузе с разным багажом уже имеющихся ЗУН? Не менее острым является вопрос и о качестве полученных знаний. Разве можно с абсолютной уверенностью утверждать, что студент, имеющий более высокие отметки, имеет более качественные знания? Да и, что, вообще, подразумевать под качественными знаниями? Совершенно неясно, что принимать во внимание, когда речь заходит о «цене обучения», т.е. цене достижения цели обучения. Принимать ли во внимание моральные, эмоциональные, временные затраты? Эти и другие вопросы являются еще не решенными в современной психологии.

Необходимо отметить, что в традиционном понимании, эффективность обучения является эквивалентом академической успеваемости и учебной успешности. Формальным критерием, которой, являются отметки в зачетной книжке и наличие или отсутствие академической задолженности. Хотя отметка, в большей степени, должна отражать результат именно учебной деятельности, реалья современной системы образования такова, что отметка является совокупным показателем знания, прилежания, учебной и общественной активности, а так же поведения. Поэтому представление о реальных знаниях студента лишь по данному критерию успеваемости, весьма сомнительно.

Доказательством этому, служит пример студента, обладающего высокими интеллектуальными способностями и хорошей памятью. В преддверии предстоящей сдачи экзамена, он может проделать трудоемкую, интенсивную работу, за короткий промежуток времени и получить хорошую отметку на экзамене. Спустя некоторое время, большую часть знаний, усвоенных подобным образом, он забудет, т.к. у него нет достаточного интереса в долговременном запоминании полученной информации, нет веры в полезность и возможное применения этих знаний. Т.е. никакой высокий уровень способностей не может компенсировать отсутствие учебного мотива или низкую его выраженность, не может привести к значительным успехам в учебе [11]. Поэтому необходимо выделение иных показателей эффективности обучения.

По мнению С.Л. Рубинштейна [12], эффективность обучения определяется:

1. Интересом к изучаемому предмету, к характеру умственной деятельности, требуемой предметом;
2. Интересом, подкрепляемым соответствием склонностей к изучаемому предмету или успехом в изучении дисциплин;
3. Опосредованным интересом к предмету, обусловленным связью с будущей практической деятельностью.

Добавим, что в данном случае, под интересом С.Л. Рубинштейн понимает «специфические мотивы познавательной деятельности, познавательные мотивы» [2]. По мнению, Н.А. Бакшаевой и А.А. Вербицкого, изучение динамики мотивов познавательной деятельности, изучение их развития в ходе обучения, является важной психологической проблемой. К факторам, способным повлиять на развитие интересов в процессе обучения, можно отнести появление новых учебных дисциплин, качество преподавания, развитие

уже имеющихся и новых способностей обучаемых, а также овладение системой теоретического знания [12].

В связи с этим нам представляется более объективным, выносить суждения относительно эффективности обучения, согласно ее психологическим результатам. С точки зрения В.А. Якунина, «тем психическим изменениям и новообразованиям, которые формируются в процессе управляемой учебно-познавательной деятельности» [15]. Поэтому прежде чем приступить к процессу обучения, необходимо заранее определить качественные и количественные показатели целей обучения, т.е. согласно В.А. Якунину «задать нормы функционирования педагогической системы и отдельных ее подсистем. А полнота и степень приближения к заданным нормам в психологических результатах обучения и будет выступать показателями его результативности или продуктивности» [15].

Продолжая мысль относительно психологического результата, необходимо отметить, что для высшей школы, данный результат подразумевает положительные изменения, профессиональных, психологических, социально значимых качеств личности будущего специалиста. Т.е. все то, «что определяет его профессиональную компетентность и профессиональное мастерство» [15].

Продолжая рассматривать профессиональную компетентность, отметим, что «психологической основой компетентности является готовность к постоянному повышению квалификации, профессиональному развитию» [4], к которой, по нашему мнению можно отнести и участие в различных видах научной деятельности, связанных с выбором специализации, в период обучения в вузе. Для дальнейшего профессионального повышения может быть выбрано получение образования в аспирантуре или магистратуре. Что, на наш взгляд, может являться одним из критериев эффективности обучения.

Определенным показателем эффективности, на наш взгляд, может служить и работа по выбранной специальности, осуществляемая параллельно с получением образования. Представление об эффективности обучения, поможет сформировать и выбор определенного типа курсовых и дипломных работ, а именно исследовательского типа. Ведь если студент выбирает курсовую или дипломную работу, такого типа, напрямую связанную не с реферированием по какой-либо проблеме, а проведением реального исследования (констатирующего или даже формирующего эксперимент), скорее всего им движут профессионально-познавательные мотивы, которые, безусловно, связаны не только с эффективностью обучения, но и с эффективностью овладения будущей профессией. Однако, необходимо помнить, что обучение носит индивидуальный характер, в связи с чем, возможные мотивы выбора, подобного типа работ, необходимо рассматривать в каждом случае в отдельности.

Учитывая индивидуальный характер обучения, добавим, что, в рамках обучения в вузе, это условие соблюдается не в должной мере. И дело не в том, что преподаватель может использовать неэффективную методологию. Проблема в том, что обучаться пришли люди, имеющие множество индивидуальных различий. Все они преследуют разные цели обучения, у них разные причины и мотивы для осуществления этой

деятельности. Они все преследуют различные интересы, ими движут различные стремления, влечения и потребности. Т.е. у всех присутствует своя, уникальная, мотивация активности в деятельности. Поэтому одним из условий реальной оценки эффективности обучения, является и соблюдение индивидуального подхода в обучении (лично-ориентированного). Принимая во внимание тот факт, что мотивация и мотив, носят индивидуальный, внутренний характер, мы попытаемся определить взаимосвязь этих явлений с индивидуальным подходом в обучении, и как следствие, их влияние на эффективность учебного процесса.

Продолжая рассматривать вопрос об эффективности УД, одним из критериев которой является активность субъекта обучения, добавим, что к особым формам проявления активности студентов В.А. Якунин относит самостоятельность и творчество. Самостоятельность характеризует активность человека с позиции относительной его независимости от внешнего мира, а творчество – со стороны его возможностей, к преобразованию окружения или самого себя [15]. И вновь возникает проблема среза и измерения степени сформированности самостоятельности и творчества. Которые, по нашему мнению, следует относить к критериям эффективности более высокого порядка, нежели отметки в зачетной книжке и наличие или отсутствие академической задолженности. Пиком проявления активности человека в данном контексте можно считать его саморегуляцию.

Следствием саморегуляции является способность учащегося, к личному контролю и управлению всеми формами самоуправления, к которым В.А. Якунин относит: «самостоятельное определение и переопределение целей, самообразование и принятие решения, самоорганизацию, коммуникативную активность, самоконтроль и саморегуляцию» [15].

Самостоятельное определение целей, по нашему мнению, основано на таком критерии эффективности УД, как, потребность в достижениях. Потребность в достижениях, престиж знаний, как критерий эффективности, в своих исследованиях выделяет Л.М. Хабаева [13], которая описывает и такие критерии эффективности УД как: лично-деловые, профессионально важные качества; потенциал личности, в том числе высокие профессионально-личностные стандарты, стремление к знаниям, к расширению своего кругозора; особенности мотивации учебной деятельности студентов, уровень ее развития. Вполне очевидно, что, выделенные Л.М. Хабаевой факторы, имеют ярко выраженный психологический характер, дают основание для установления связи между профессиональной мотивацией студентов и перечисленными критериями, что, в свою очередь, служит поводом для «всестороннего исследования мотивации учебно-профессиональной деятельности как структурной единицы общей мотивации личности студента вуза и, в определенном смысле, показателя эффективности этой деятельности» [1]. В данном случае, мотивация учения студентов, является внутренним движущим фактором активности студентов в процессе своего профессионального и личностного развития в целом, поскольку только в результате высокого уровня развития мотивации,

возможно качественное, относительно быстрое, и высокоэффективное развитие будущего специалиста-профессионала в той или иной области.

Анализируя теоретические аспекты, интересующей нас проблемы, мы пришли к выводу, что эффективность учебно-профессиональной деятельности, как в прочем и любого другого вида деятельности, в большей степени зависит от уровня сформированности мотивационной сферы (мотивации и ведущих мотивов УД) студента. Что также определяется различными факторами, которые, в то же время, могут служить и критериями оценки уровня её эффективности. Наиболее важными критериям, на наш взгляд, являются такие из них как: «уровень достижений и социального престижа деятельности; высокий уровень антиципации; высоко развитая саморегуляция; умение принимать решения; высокий уровень развития коммуникативных способностей; развитая образная сфера; наличие достаточно определённого образа искомого результата (в частности, образа себя как профессионала) и развитая мотивация учебно-профессиональной деятельности» [1].

Таким образом, развитие мотивационной сферы личности студентов, оказывает непосредственное влияние на процесс их обучения в целом, что главным образом сказывается на эффективности учебно-профессиональной деятельности. На наш взгляд, изучению мотивационной сферы личности студентов в общем, а также изучению ее основных компонентов (мотивация и мотив) в частности, должно уделяться особое внимание еще и потому, что наряду с основной педагогической задачей обучения, а именно, получение профессиональной системы ЗУН, является еще и формирование студента как будущего профессионала, как полноценной и развитой личности. «Целенаправленное формирование мотивационной сферы личности – это, по существу, формирование самой личности» [5]. Изучить более детально зависимость, а также определить степень влияния уровня развития мотивационной сферы на эффективность учебной деятельности студентов, мы попытаемся в практической части нашего диссертационного исследования.

Литература

1. Афанасенкова Е.Л. Мотивы учения и их изменение в процессе обучения студентов вуза. – Диссертация ...канд. психол. наук. 19.00.07. – М., 2005. – 2004 с.
2. Бакшаева Н.А., Вербицкий А.А. Психология мотивации студентов: Учебное пособие. – М.: Логос, 2006. – 184 с.
3. Божович Л.И. Изучение мотивации поведения детей и подростков. / Под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благоннадежиной. – М.: Педагогика, 1972. – 270 с.
4. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования / Э.Ф. Зеер – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 480 с.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002. – 508 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

7. Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация достижения: структура и механизмы. – М.: «Просвещение», 1987. – 321 с.
8. Мерлин В.С. Лекции по психологии мотивов человека. – Пермь: Перм. гос. пед. ин-т. Уральское отд-ние О-ва психологов СССР, 1971. – 120 с.
9. Немов Р.С. Психология: Учебник: В 3 кн. – Кн. 1. Общие основы психологии. – М.: Просвещение: Владос, 1994. – 512 с.
10. Полякова И.П. Роль ценностей в процессе мотивации. – Диссертация ...канд. филос. наук: 09.00.11. – Липецк, 2003. – 163 с.
11. Реан А.А. Психодиагностика личности в педагогическом процессе. – СПб.: ЛГУ, 1996. – 67 с.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 720 с.
13. Хабаева Л.М. Влияние ценностных ориентаций на развитие профессиональной мотивации студентов вуза. – Диссертация ...канд. психол. наук: 19.00.13. – М., 2002. – 158 с.
14. Якобсон П.М. Психология чувств и мотиваций: Избранные психологические труды. / Под ред. Е.М. Борисовой. – Москва-Воронеж: Ин-т практич. Психологии: НПО «МОДЭК», 1998. – 304 с.
15. Якунин В.А., Педагогическая психология: Учеб. Пособие/Европ. Ин-т экспертов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А.: Изд-во «Полиус», 1998. – 639 с.

УДК 159. 938:37-051.55

**АГРЕССИЯ КАК ФОРМА АКТИВНОСТИ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ПРЕОДОЛЕНИЕ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОЗИЦИЙ ПЕДАГОГА КАК СУБЪЕКТА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
AGGRESSION AS A FORM OF ACTIVITY AIMED AT OVERCOMING THE
UNCERTAINTY OF POSITIONS OF THE TEACHER AS THE SUBJECT OF
PROFESSIONAL EDUCATIONAL ACTIVITIES**

*Т. Н. Банщикова, г. Ставрополь, ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский государственный
технический университет»*

*T.N. Banschikova, Stavropol, FGBOU VPO "North-Caucasus state technical university"
e-mail: sevkav@mail.ru*

Аннотация: Результаты эмпирического исследования раскрывают личностные трансформации, обуславливающие рост агрессии педагогов, направленной на преодоление неопределенности в его статусно-ролевых, функционально-целевых позициях

Annotation: The results of empirical studies reveal personal transformation, causing the increase in teachers' aggression, aimed at overcoming the uncertainty in the status and role, functional target positions

Ключевые слова: Агрессия, личностные трансформации, неопределенность позиций

Key words: Aggression, personal transformation, the uncertainty of the position

Характерной особенностью российского образования является то, что интенсивность, динамизм, радикализм модернизационных и реформаторских преобразований носят, как правило, спорадический, бессистемный характер и определяется как ситуация нестабильности. С точки зрения субъективной представленности именно ситуации нестабильности выступают как ситуации энтропии, неопределенности. Совершенно очевидно, что подобные ситуации существенно меняют требования к практике реализации профессионально-педагогической деятельности, задавая новые параметры в плане необходимости иных моделей поведения, реконструкции сложившейся системы ценностей, профессионально-деятельностной, статусно-ролевой, ценностно-смысловой позиций педагога.

Позиция педагогов связана с системой ожиданий, которые предъявляют к профессионалу общество в целом (в виде официально установленных нормативно-правовых документов), а также представители педагогического сообщества (в виде ценностей, функционирующих на уровне обыденного сознания, и в виде ролевых ожиданий). Несовпадения официально санкционированных и реально функционирующих ценностей, противоречия в ожиданиях, в нормативно-правовых функциях, обуславливают

ситуацию неопределенности, побуждая педагога к проявлению нормативной и ненормативной активности в направлении установления, конкретизации профессионально-педагогической позиции.

Общеметодологической основой в решении проблемы активности в ситуации неопределенности выступает подход С. Л. Рубинштейна, согласно которому внешние причины действуют, преломляясь через внутренние свойства субъекта, на смену внешней детерминации приходит процесс самодетерминации, верности себе – «всякая неопределенность неминуемо вызывает к жизни активизацию – стремление найти точку опоры в самом себе» [2].

У А. К. Абульхановой-Славской [1] центральным моментом активности в неопределенности является самодетерминация – осознанное стремление занять определенную позицию, согласовать личностные диспозиции с внешними требованиями и обстоятельствами и осуществить преобразование окружающей действительности в достижении значимых целей. В данном контексте особой формой активности направленной на достижение цели, устранения препятствий на ее пути выступает агрессия как модулированная энергия. Как и другие формы активности, агрессия является наиболее выгодной и эффективной стратегией целедостижения.

В предыдущем разделе данной работы возможные личностные следствия ситуации неопределенности рассматривались нами в контексте трансформаций интегральных личностных образований – профессиональной идентичности и направленности личности педагога. В итоге было выдвинуто гипотетическое положение – личностные трансформации обуславливают агрессию, как одну из специфических форм активности педагога, направленной на преодоление неопределенности в позициях педагога как субъекта профессиональной педагогической деятельности.

Для проверки выдвинутой гипотезы было проведено лонгитюдное (с 1999 г. по 2010 г.) исследование.

Исходя из данного предположения, объектом исследования выступили педагоги, работающие в учреждениях образования разных типов и видов, предметом исследования – динамические характеристики интегральных подструктур личности педагогов: показатели профессиональной направленности, идентичности, а также агрессия.

Для проверки выдвинутой гипотезы необходимо было решить следующие задачи:

1. Выявить динамику личностных образований конструктивного и деструктивного характера у педагогов, работающих в системе образования в период относительной стабильности и в ситуации интенсивных реформаций системы, повлекшей изменения функций, содержания профессиональной педагогической деятельности.
2. Определить уровень агрессии данных педагогов, особенности ее проявлений.
3. Определить наличие/отсутствие зависимости связи между уровнем агрессии и особенностями личностных трансформаций.

Для решения поставленных задач необходимо разработать общую процедуру исследования и подобрать методический аппарат, адекватный разрабатываемой проблеме.

Для изучения состояния и динамики профессиональной идентичности диагностический комплекс включал методы, позволяющие исследовать следующие показатели идентичности: удовлетворенность трудом, принятие ценностей профессионального сообщества, отношение педагога к себе. Для изучения состояния и динамики профессиональной направленности применялись методы для исследования следующих ее компонентов: ценностные ориентации и отношения, иерархическая структура доминирующих мотивов личности, профессионально значимые свойства и качества личности.

Статистическая обработка материала включала анализ достоверности различий с помощью параметрических и непараметрических критериев, корреляционный анализ, а также методы измерения нелинейных связей между переменными (корреляционные отношения). Процедура обработки осуществлялась с помощью программы статистической обработки SPSS 20.0.

Описание выборки. Эмпирическая выборка была сформирована нами посредством рандомизации и в общей сложности представлена 1320 респондентами: из числа преподавателей системы профессионального образования 448 человек (34%), учителей 392 человек (29,5%) и воспитателей системы дошкольного образования 480 человек (6,3 %).

На первом этапе исследования (1999 г.) приняло участие 613 респондентов: из числа преподавателей 121 человек (19,7%), учителей 290 человек (47,3 %) и воспитателей 202 человека (33%).

На втором этапе (2010 г.) приняло участие 707 респондентов: из числа респондентов которые уже принимали участие в исследовании 118 человек, из них: преподавателей 57 человек (48,5%), учителей 32 человека (27%), воспитателей 29 человек (24,5%). Респондентов принявших участие в исследовании впервые – 589 человек, из них: преподавателей 181 человек (30,7%), учителей 209 человек (35,5 %) и воспитателей 199 человек (33,8%). Респонденты, принимавшие участие в исследовании 1999 года и повторно участвовали в обследовании 2010 года, а также респонденты, впервые принявшие участие в исследовании 2010 года были объединены нами в одну группу, поскольку результаты исследования на примере компонентов профессиональной идентичности показали недостоверно значимые различия между этими выборками (по t-критерию Стьюдента $p < 0,05$).

В результате исследования были выявлены следующие динамические характеристики профессиональной идентичности.

Таблица 1 – Динамика профессиональной идентичности педагогов*

Категория респондентов	Общий индекс удовлетворенности трудом	Ценности профессиональной жизни		Отношение к себе	
	μ	μ		μ.	
1999 г. период относительной социальной стабильности	(max - 28)	Сфера проф. жизни (max - 74)	Сфера образования (max - 76)	Интегр. чувство «Я» (max - 28)	Самоуважение (max - 15)
Воспитатели	24,1	65,7	59,2	22,4	12,8
Учителя	23,3	63,4	69,6	26,3	14,6
Преподаватели	21,6	69,2	72,3	26,6	14,8
2010 г. – первая группа					
Воспитатели	19,9	64	59,3	18,2	12,5
Учителя	18,4	55,7	57,5	17,3	11,4
Преподаватели	16,9	58,1	55,8	19,2	11,1
2010 г. – вторая группа					
Воспитатели	19,1	64,1	58,8	18	12,2
Учителя	17,9	54,9	57	17,8	11
Преподаватели	16,5	59,6	55,3	19,7	10,7

μ – среднее арифметическое значение оценок

*жирным шрифтом выделены наименьшие значения

Представленные результаты позволяют констатировать динамику трансформаций компонентов профессиональной идентичности с наличием признаков деструктивного характера, проявляющихся в неустойчивом представлении педагога о себе как профессионале; в дисгармоничных отношениях к ценностям, нормам, идеалам профессионального сообщества, в рамках которого он осуществляет свою профессиональную деятельность; во внутренне недифференцированном чувстве «за» или «против» самого себя; в переживаниях неустойчивости своей ценности; в трудностях профессиональной самореализации.

Подводя итоги исследованию трансформаций в таком сложном психологическом свойстве личности, представляющем собой устойчивую систему внутренних побуждений и жизненных целей педагога как профессиональная направленность можно констатировать наличие динамических процессов как конструктивной, так и деструктивной направленности.

Таблица 2 – Результаты динамики профессиональной направленности педагогов*

Контингент респондентов	Мотивационная структура личности			Ценностные ориентации		Профессионально значимые качества личности		
	μ			μ	μ	μ		
1999 г. период относительной социальной стабильности	НС*	ВД*	НЗ*	Компетентность во времени (max - 17)	Поддержка (max - 91)	Ио (max - 10)	Ид (max - 10)	Ип (max - 10)
Воспитатели	25,8	32,3	30,9	7,3	47,7	6,1	4,8	5,1
Учителя	27	30,2	32,1	8,3	52,2	5,7	6,4	6,7
Преподаватели	25,1	28,8	31	9,9	57,6	6,5	7	6,3
2010 г.								
Воспитатели	31,5	38	23,5	6,5	46,1	4,5	4,2	5
Учителя	35,7	22,9	31,4	7,3	44	5,1	5,7	4,1
Преподаватели	33,9	23	37,1	7,8	43,8	4,5	5,7	3,7

μ – среднее арифметическое значение оценок

*жирным шрифтом выделены наибольшие значения

НС* - направленность на себя, ВД* – направленность на взаимодействие, НЗ* – направленность на задачу.

Ио - общей интернальности

Ид - интернальности в области достижений.

Ип - интернальности в области производственных отношений.

Конструктивная направленность личностных трансформаций характеризуется перестройкой мотивационной структуры личности с предметной направленности на гуманистическую, осознанием системы своих мотивов поведения, деятельности и соотносением их с нравственными, смысложизненными ценностями. Рост данной направленности отмечен у 22,6% воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Конструктивный характер направленности «на себя», отмеченный у 13,8% педагогов, принявших участие в исследовании 2010 года, а также наличие показателей «выше среднего» по шкале «интернальность в области достижений» у 44,2% педагогов, позволяет отметить растущую потребность данных представителей педагогического сообщества в самосовершенствовании, саморазвитии и самореализации в сфере педагогического труда. Вместе с тем следует отметить перечень личностных трансформаций деструктивного контекста: увеличение количества педагогов с преобладанием внешнего локуса контроля, высокой степени зависимости, конформности,

сниженным уровнем ответственности и самоконтроля, с ориентацией на дискретное восприятие своего жизненного пути.

Для решения поставленной в исследовании задачи – определить уровень агрессии всех категорий педагогов, особенностей ее проявлений – было проведено исследование агрессии по трем методикам: «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев), опросник А. Баса – А. Дарки и многофакторный личностный опросник FPI (модифицированная форма В).

По результатам исследования агрессии: за представленный период с 1999 года (период относительной стабильности) по 2010 год (период интенсивных реформаций системы образования) можно констатировать повышение средних показателей по всем видам проявляемой педагогами агрессии. Вместе с тем, агрессия у данных респондентов не носит ярко выраженного разрушающего характера, тогда как нельзя отметить и показателей, характеризующих респондентов как носителей конструктивной, развивающей агрессии, направленной на актуализацию своей собственной личности и своих собственных идей и достижений.

В решении задачи определения связи между показателями агрессии и особенностями личностных трансформаций был проведен корреляционный анализ по r -критерию Пирсона, результаты которого представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Корреляции между показателями агрессии, профессиональной идентичности и направленности личности

	Физическая агрессия	Косвенная агрессия	Вербальная агрессия	Спонтанная агрессивность	Реактивная агрессивность	Позитивная (развивающая) агрессия	Негативная (разрушающая) агрессия
Шкалы по показателям профессиональной идентичности							
Удовлетворенность трудом	-0,31	-0,45	-0,34	-0,48	-0,93	0,04	-0,38
Сфера профессиональной жизни	-0,16	-0,21	0,23	-0,35	-0,41	0,33	0,01
Сфера образования и обучения	-0,03	0,03	0,17	-0,15	-0,10	0,09	-0,02
Интегральное чувство «Я»	-0,10	-0,00	-0,14	-0,37	-0,13	-0,14	-0,42
Самоуважение	-0,38	0,13	-0,56	-0,67	-0,07	0,15	-0,24
Шкалы по показателям профессиональной направленности							
Направленность на себя	0,21	0,24	0,27	0,19	0,22	0,16	0,36
Направленность на взаимодействие	-0,17	-0,18	0,00	-0,10	-0,07	0,22	-0,41
Направленность на задачу	0,03	0,03	0,21	0,01	0,27	0,45	-0,18
Компетентность во времени	0,00	-0,06	-0,06	-0,48	-0,03	-0,13	-0,22
Поддержка	-0,25	-0,24	-0,29	-0,35	0,15	0,21	-0,46
Общая интернальность	-0,38	-0,34	-0,39	-0,23	-0,15	0,09	-0,36

Интернальность в области достижений	0,08	0,20	0,25	0,01	0,08	0,31	0,00
Интернальность в области производственных отношений	0,11	0,03	0,07	0,11	0,04	0,06	0,08

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. При условии снижения удовлетворенности педагогов трудом (неудовлетворенность условиями, организацией труда, профессиональной ответственностью, заработной платой) повышается фрустрированность педагога, провоцирующая проявления различных видов агрессии. Целью такой агрессии выступает стремление снизить, нивелировать ситуации непредсказуемости, неопределенности, неадекватности ожиданиям. Так, была установлена отрицательная устойчивая корреляционная взаимосвязь между шкалой «удовлетворенность трудом» и шкалами видов агрессии. Также была выявлена умеренно устойчивая ($0,30 < r < 0,49$) взаимосвязь показателей видов агрессии с такими шкалами показателя профессиональной идентичности как «сфера профессиональной жизни» (по отдельным видам агрессии), «интегральное чувство Я» ($r = -0,37$ и $r = -0,42$) и средне умеренная связь ($0,50 < r < 0,69$) со шкалой «самоуважение». Не установлены устойчивые, достоверные взаимосвязи между показателями агрессии и такой шкалой показателя профессиональной идентичности как «сфера образования и обучения».
2. Чем выше уровень терминальных ценностей, реализуемых в профессиональной сфере, тем ниже вероятность проявления таких видов агрессии как «спонтанная агрессивности», которая свидетельствует об отсутствии социальной конформности, плохом самоконтроле и импульсивности и показателями «реактивной агрессивности», свидетельствующими о недостаточной сформированности высших социальных чувств, выраженным стремлением к доминированию. Отрицательные корреляционные взаимосвязи установлены между шкалами «сфера профессиональной жизни» и такими шкалами агрессии как спонтанная ($r = -0,35$) и реактивная агрессивность ($r = -0,41$).
3. Стремление к наиболее полной реализации своих способностей, стремление внести элемент творчества в сферу своей профессиональной деятельности, стремление к коллегиальности в работе, к установлению благоприятных взаимоотношений с коллегами по работе, побуждают педагогов прибегать к проявлению агрессии как безбоязненному отстаиванию своей позиции в конструктивно-агрессивном, социально-энергетическом столкновении (дискуссиях) с другими лицами и группами. Прибегать к наступательности, напористости, дающих возможность самореализации, сохранение самости и одновременно сохранению конструктивных взаимоотношений с окружающими. Так были установлены положительные корреляционные связи шкалы «сфера профессиональной жизни» и показателями вербальной ($r = 0,23$) и позитивной, развивающей агрессией ($r = 0,33$).
4. В обыденном нормальном состоянии человек в меру идентифицируется и отчуждается, порождая устойчивость «Я=Я». Неустойчивость «интегративного чувства Я» в сторону отчуждения обуславливает разрушение социально значимой профессиональной

структуры, педагог не идентифицирует себя с выполнением педагогической роли, не принимает на себя ответственности за результаты этой деятельности. Характерными признаками отчуждения выступают закрытость в отношении с коллегами и обучающимися (воспитанниками), стремление освободиться от восприятия профессиональной информации, от профессионально-обусловленных переживаний, преувеличение своих заслуг, абсолютизация отживших профессиональных ценностей, проявление цинизма и неконструктивной агрессии. Установлены отрицательные корреляционные взаимосвязи шкалы «интегральное чувство «Я» с такими показателями агрессии как негативная агрессия ($r=-0,42$) и со шкалой «спонтанная агрессия» ($r=-0,37$).

5. Взаимосвязь шкалы «самоуважение» с показателями агрессии (физическая $r=-0,38$; вербальная $r=-0,56$; спонтанная $r=-0,67$ и негативная $r=-0,24$) свидетельствует о следующем. При снижении уровневых показателей по шкале «самоуважение», когда педагог теряет веру в свои силы, способность самостоятельно давать оценку своим возможностям, контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным, понимать самого себя, агрессия в ее спонтанных и других проявлениях выступает как форма активности, как способ психической разрядки, отреагирование, смещения, как способ удовлетворения потребности в самореализации и самоутверждении, сведения к минимуму негативных, травмирующих переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами. Такая агрессия, как правило, исходит из внутреннего эмоционального состояния человека, отрицательных чувств, выражается немедленно и во многом иррациональна, поскольку антиципирующие процессы, ингибиторы не успевают активизироваться и человек не думает о последствиях своих действий, об их целесообразности, рациональном уровне агрессивных реакций.

6. В установлении взаимосвязи показателей агрессии со шкалами профессиональной направленности обращает на себя внимание факт наибольшего количества обратно пропорциональных связей шкалы общей интернальности и показателей агрессии. Следовательно, чем выше у педагога уровень субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями, ответственность за события в своей жизнедеятельности, чем значимее показатели позитивной системы отношений к миру и большая осознанность смысла и целей жизни, тем ниже вероятность агрессивных проявлений и уровень их выраженности. Прослеживается взаимосвязь по шкале «интернальность в области достижений» и показателями позитивной агрессии ($r=0,31$). Высокие показатели по этой шкале соответствуют высокому уровню субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Такие педагоги считают, что они сами добились всего того хорошего, что было и есть в их жизни, и что они способны с успехом преследовать свои цели в будущем. Вместе с тем, достижению целей таким педагогам помогает позитивная агрессия, обеспечивающая активно-исследовательское отношение педагога к миру; деятельный, творческий подход к жизни; способность к контактам, к открытому выражению своих эмоциональных переживаний, точек зрения, мнений, идей; к формированию, удержанию и достижению собственных жизненных целей несмотря на возможные противоречия; способность к сопереживанию.

7. Отмечена тенденция к связи шкал показателей мотивации в структуре педагогической направленности («на себя», «на взаимодействие», «на профессиональную направленность») с видами агрессивных проявлений и агрессивности личности. Так было установлено направление связи со шкалой «направленность на себя» с показателями негативной агрессии ($r=0,36$), что позволяет сделать заключение. Деструктивный характер данной направленности (высокие значения данного показателя) проявляется в открытой демонстрации своего равнодушия к работе и обучающимся, ориентации на прямое вознаграждение, преобладание мотивов собственного благополучия, стремления к личному первенству, престижу, потребность в максимальном удовлетворении своих притязаний, что инициирует выработку агрессивных стратегий и тактик поведения для получения наибольшей выгоды, достижения наиболее значимого статуса.

Направленность на взаимные действия, на ребенка (и других людей), имеет место тогда, когда поступки человека определяются потребностью в общении, стремлением поддерживать хорошие отношения с окружающими. Такая направленность связана с заботой, интересом к совместной деятельности, с желанием, стремлением содействовать развитию личности другого и максимальной самоактуализации его индивидуальности. Наличие высоких показателей по данной направленности не способствует становлению, развитию проявлений разрушающих возможность конструктивного выстраивания отношений человека к себе, окружающему миру, труду, т.е. негативных агрессивных проявлений. Показатель шкалы «направленность на взаимодействие» обратно коррелирует с показателем негативной агрессии ($r=-0,41$).

8. Ориентация педагога лишь на один из отрезков временной шкалы (низкие показатели по шкале «компетентность во времени»), как правило, настоящего – стремление жить одним днем, довольствоваться настоящим, дискретное восприятие своего жизненного пути, характеризуется низкой осмысленностью прожитой части жизни, тенденцией к спонтанному проявлению активности (в том числе и агрессивной), направленной на реализацию сиюминутных побуждений без опоры на накопленный опыт. У педагога с наличием низкого балла по шкале «поддержка», отмечается высокая степень зависимости, конформности, несамостоятельности («извне направляемая» личность), потребность во внешнем локусе контроля. Пассивно-страдательная позиция, неуверенность в себе и в стабильности ситуации характеризуются низкими показателями осмысленности по всем временным локусам, и прежде всего осмысленности жизненных перспектив (цели в жизни), когда жизнь и профессиональная деятельность теряют всякий смысл, заходят в смысловой тупик, теряют внутреннюю цельность. В данной ситуации показатели спонтанной и деструктивной агрессии выступают как способ снятия эмоционального напряжения и сохранении мнимой целостности личностной структуры. По шкалам показателя «ценностные ориентации» – «компетентность во времени», «поддержка» установлена обратная умеренная корреляция с показателями негативной ($r=-0,46$) и спонтанной агрессивности ($r=-0,48$; $r=-0,35$).

Таким образом, установление корреляционных взаимосвязей показателей профессиональной идентичности, профессиональной направленности и агрессивных

проявлений позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что трансформации профессиональной идентичности и направленности обуславливают агрессию, как одну из специфических форм активности педагога, направленной на преодоление неопределенности в позициях педагога как субъекта профессиональной педагогической деятельности. Несомненно, что на показатели агрессии могли оказать воздействие и неучтенные или скрытые факторы: особенности социализации, условия социального и профессионального окружения, уровень профессионального статуса, образования и др. Однако большинство скрытых факторов генерализуются в рассмотренных нами категориях профессиональной идентичности и профессиональной направленности. Это, прежде всего, взаимообусловленность таких групп факторов как: характер профессиональной деятельности и личностные характеристики.

«Литература»

1. Абульханова-Славская, К. А. Субъект символ российского самосознания [Текст] // Сознание личности в кризисном обществе. – М., 1995. – С 10-28.
2. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М., 1973.

УДК 159. 938:37-051.55

**РЕГУЛЯТОРНО - ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ
REGULATORY - THE PERSONAL RESOURCES OF PROFESSIONAL
SELF-SENIORS**

О.Г. Власова, Москва, Психологический институт Российской академии образования
O.G. Vlasova, Moscow, Psychological Institute of Russian Academy of Education
e-mail: oksana_vls@mail.ru

Аннотация: Показаны психологические требования современного рынка труда к специалисту. Раскрыта роль регуляторных свойств личности в профессиональном самоопределении и профессиональном выборе.

Annotation: Showing psychological demands of the modern labor market to a specialist. The role of the regulatory properties of the individual in a professional self-determination and professional choice.

Ключевые слова: Профессиональное самоопределение, личность, саморегуляция
Key words: Professional self-determination, personality, self-regulation

Необходимость оптимизации процессов профессионального самоопределения старшеклассников предполагает системное исследование факторов и механизмов индивидуального профессионального планирования в системе изменившихся социальных и экономических координат профессионального выбора.

Для определения координат профессионализации старшеклассников, был произведен анализ современных требований к профессионалу, диктуемых ситуацией на рынке труда. С этой целью были собраны и проанализированы разнопрофильные вакансии специалистов, представленные в средствах массовой информации и сети Интернет. Весь массив данных, полученных в ходе исследования, подвергся группировке с последующей компьютерной обработкой, с помощью системы ТЕЗАЛ, в основе которой лежат экспертные оценки близости-удаленности 2090 прилагательных русского языка, а также факторные профили, спроектированные на словники с помощью факторного анализа экспертных оценок (16РФ и В5) [5][6][7].

Процедура исследования заключалась в следующем. На основании данных интервьюирования и анализа текстов вакансий, составлялись списки слов, характеризующих основные требования к профессионалу. На следующем этапе эти списки группировались по сферам профессиональной деятельности «виртуального субъекта» (искомого специалиста), после чего выделялись наиболее универсальные характеристики, выраженные в прилагательных. Далее подсчитывалось количество употреблений этих прилагательных применительно к той или иной позиции, которое и

определяло вес данного качества при факторизации – построении факторного профиля, являющегося своего рода психологической проекцией виртуального субъекта труда, рассматриваемого в качестве эталона.

В ходе этой работы были построены личностные факторные профили «виртуальных специалистов», различных групп профессий – социномических, технономических, биномических, сигномических и артономических.

Сопоставление полученных профилей позволило установить перечень личностных качеств, которые могут рассматриваться как профессионально-ценные для каждой из групп профессий и определяют тем самым личностные требования к специалисту в этой области. Так, для социномических профессий наибольшую значимость имеют свойства, выраженные в факторах Тезала: Tz_1 – эмоциональный альтруизм, доброта, конформизм, Tz_3 – актуальная энергия, оптимизм, активность и Tz_8 – моральная оценка, честность, справедливость.

Между технономическими, сигномическими и биномическими профессиями имеется определенное сходство, поскольку наиболее выраженными оказались факторы Tz_2 – интеллектуальность, образованность, абстрактная логика и Tz_4 – рациональный самоконтроль, организованность, дисциплинированность. При этом различие между ними состоит в большей выраженности значений фактора Tz_15 – оригинальность, высокий творческий потенциал, неординарность – для специалистов технономической группы профессий и относительно высокой выраженностью фактора Tz_1 – эмоциональный альтруизм, доброта, конформизм для специалистов биномической группы профессий.

Для артономических профессий наиболее профессионально ценными, по сравнению с другими группами, оказались личностные качества, отраженные в факторах Tz_14 – деликатность и воспитанность, эстетическая сензитивность и Tz_15 – оригинальность, высокий творческий потенциал, неординарность. В целом, полученные данные легко поддаются интерпретации и не расходятся с имеющимися в науке психодиагностическими моделями профессионализма. Не смотря на имеющиеся различия в факторных профилях специалистов, следует признать их высокое сходство между собой, позволяющее сделать вывод о наличии ряда индивидуально-психологических характеристик субъекта труда, ценность которых высока вне зависимости от сферы профессиональной деятельности. Система этих характеристик остается достаточно постоянной и отражена на интегральном профиле эталонного специалиста, представленном в 100-балльной шкале.

Как показал анализ полученных данных, наибольшую значимость для современного специалиста имеют индивидуально-психологические и личностные качества первых пяти факторов, отражающих 1) интеллектуальный потенциал личности (Tz_2) = 52,66; 2) активность и актуальную энергию (Tz_3)=42,51; 3) рациональный самоконтроль, организованность, дисциплинированность (Tz_4) – 30,43; 4) потенциальную энергию, нервную силу, боевитость (Tz_5)=26,09 и 5) эмоциональный альтруизм, доброту, конформизм (Tz_1)=25,12.

В результате контент-анализа содержательной части вакансий, представленных в сети Интернет, нам удалось построить виртуальные портреты конкурентоспособных специалистов в различных сферах профессиональной деятельности. Сопоставление профилей этих специалистов позволило выделить две группы основных характеристик современного профессионала, востребованного на рынке труда.

Первая группа – вариативные характеристики, отражающие специфику и психологическое содержание конкретного труда. Преимущественно, эту группу характеристик составляют всевозможные «узкие» компетенции специалиста, отражающие его профессиональные знания, умения и навыки и, лишь частично, психологические свойства, необходимые для выполнения той или иной деятельности.

Вторую группу составили инвариантные характеристики виртуального субъекта труда, представленные, с одной стороны – весьма стабильной группой интегральных личностных характеристик, и, с другой – ограниченной группой компетенций.

Основными личностными характеристиками «желаемого» специалиста являются следующие качества (перечислены в порядке убывания значимости): 1) активность (включающая потенциальную и актуальную энергию), 2) интеллект (в том числе, креативность, гибкость мышления), 3) коммуникативные качества (способность работать в группе).

Кроме того, нами были выявлены две инвариантные компетенции, которые необходимы любому специалисту с высшим образованием вне зависимости от сферы его деятельности. Одна из них – это готовность к работе с информационными системами и технологиями (представлена в требованиях работодателя преимущественно в виде различных уровней знания ПК – от продвинутого пользователя до программиста). Эта компетенция соотносится с группой личностных требований к интеллектуальным качествам потенциального работника, и, прежде всего, с гибкостью его мышления.

Другой инвариантной компетенцией, необходимой практически во всех областях современного производства и бизнеса является знание иностранного языка. Причем нижняя граница этого знания достаточно четко определяется работодателем (минимум как разговорный). На рынке труда при прочих равных условиях весомое преимущество имеют те специалисты, которые владеют более чем одним иностранным языком, причем весьма желательным является наличие подтверждающего этот факт сертификата.

В целом, проведенный нами психологический анализ вакансий, представленных на рынке труда, показал, что в настоящее время происходит «сращивание» квалификационных и личностных свойств работника, что порождает и новые проблемы как в определении перечня компетенций, необходимых субъекту для успешной деятельности, так и в построении стратегий развития профессионала.

В контексте анализа личностно-регуляторных детерминант построения профессиональных планов старшеклассниками и студентами, было проведено исследование, направленное на изучение общих тенденций выбора профессии, представлений о личностной и профессиональной успешности, а также регуляторных основ профессионального планирования.

В результате проведенного анкетирования старшеклассников, в котором приняло участие 125 старшеклассников и 112 студентов младших курсов вузов (МГППУ, МГУ, МИТХТ), был установлен ряд факторов, влияющих на профессиональный выбор. Анализ полученных данных позволяет утверждать, что к числу этих факторов можно отнести престижность профессии в глазах родителей и сверстников (57% респондентов), ориентацию на материальное благополучие в будущем (73% респондентов); следование семейным традициям и советам близких (28 % респондентов). Примечательно, что менее половины старшеклассников, принявших участие в анкетировании (41%), ориентируются в выборе профессии на осознанное понимание своих склонностей и личностных качеств. Среди студентов доля испытуемых, ориентирующихся на свои склонности и интересы значительно выше – 64%).

Анализ представлений старшеклассников и студентов об успешности позволил обнаружить высокое значение внутренних, субъективных, личностных факторов при описании успешного человека.

В рамках исследования общих тенденций профессионального развития старшеклассников нами было проведено психодиагностическое обследование учащихся, 145 человек в возрасте 14-18 лет. Основным методом диагностики выступало психологическое тестирование, инструментами которого стали методика ССПМ и психодиагностический компьютерный комплекс «Профконсультант» с последующей психодиагностической беседой, которая включала в себя структурированное интервью, направленное на изучение и оценку профессиональных планов старшеклассников.

Анализ полученных результатов показал наличие рассогласованности мотивов профессиональной деятельности и личностных и интеллектуальных склонностей старшеклассников у 56 % испытуемых, что говорит о наличии серьезного внутреннего конфликта между «хочу» и «могу». Как показали данные психодиагностической беседы, выбор профессии у старшеклассников в большей мере (73%) согласуется с их мотивами и, в значительно меньшей степени – с осознанным принятием и пониманием своих склонностей.

Полученные данные свидетельствуют о наличии противоречия, сложившегося в практике профессиональной ориентации молодежи, которое следует учитывать при формулировании основных задач психологического сопровождения профессионализации школьников в современных условиях.

На субъективном уровне сложность задачи принятия решения о выборе профессии состоит в том, что, с одной стороны, молодому человеку необходимо определить основное направление профессиональной подготовки (собственно выбор профессии), а с другой – определив перечень необходимых для будущей деятельности компетенций, выработать собственные стратегии их развития. Для осуществления адекватного, то есть оптимального для каждой конкретной личности профессионального выбора, ей необходимо владеть определенной совокупностью регуляторных приемов и средств осуществления такого выбора.

В контексте системно-функционального подхода к анализу структуры регуляторных процессов, разработанного О.А. Конопкиным, процесс саморегуляции выступает как целостная, замкнутая (кольцевая) по структуре, информационно открытая система, реализуемая взаимодействием функциональных звеньев, основанием для выделения которых являются присущие им специфические (частные, компонентные) регуляторные функции [1]

В. И. Моросановой были выделены индивидуальные особенности реализации целостного регуляторного процесса – индивидуальные особенности, связанные с постановкой, принятием, удержанием целей; особенности создания модели значимых условий, с учетом анализа условий деятельности и выделения комплекса условий, значимых для достижения цели; особенности программирования предстоящих исполнительских действий для достижения поставленной цели; особенности контроля и оценки своей деятельности, принятия решения о необходимых коррекциях. Было показано, что основные линии различий связаны с неравномерной развитостью данных процессов в специфике индивидуальной структуры профилей саморегуляции [2] [4].

Обозначенный подход стал основанием для проведения исследования, направленного на выявление и анализ субъектных и личностных факторов принятия решения о выборе профессии.

С целью выявления тенденций взаимосвязи между личностными и регуляторными характеристиками старшеклассников, гипотезу которого составляло предположение о том, что, осознанная саморегуляция деятельности, включаясь в механизмы принятия решения о выборе профессии, привносит содержательную специфику в их реализацию.

Изучение особенностей осознанной саморегуляции старшеклассников и студентов проводилось посредством опросника ССПМ [3].

В качестве методов, дающих информацию об устойчивых параметрах когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферы, использовался многошкальный тестовый комплекс «Профкарьера», позволяющий оценить мотивационную сферу, личностные качества и интеллектуальную сферу в рамках диагностики профессиональных склонностей, а также методика субъективного шкалирования (семантический дифференциал) с последующим построением индивидуальных и групповых семантических пространств.

В ходе исследования были обнаружены значимые корреляции между регуляторными, мотивационными, интеллектуальными и личностными характеристиками старшеклассников. В частности, были установлены значимые связи между шкалами опросника ССПМ, характеризующими регуляторные особенности старшеклассников, и их когнитивными, личностными и мотивационными характеристиками. По предварительным данным, показатели по шкале мотивации на руководящую деятельность в выборе профессии положительно коррелируют со шкалами опросника ССПМ «планирование» (0,494), «оценка результатов» (0,571) и «общий уровень саморегуляции» (0,581) ($p \leq 0,05$). Шкала «моделирование» оказалась связанной на высоком уровне значимости с мотивацией старшеклассников на творческие профессии и труд, предполагающий

сознание инновационного продукта. Несколько парадоксальными и нуждающимися в дальнейшей эмпирической проверке оказались данные о наличии отрицательной взаимосвязи культурно-независимых параметров интеллекта (зрительная логика) со шкалами «планирование (-0,445), «оценка результатов» (-0,510) и «общий уровень саморегуляции» (-0,461) ($p \leq 0,05$).

На основе анализа научной литературы, а также данных, полученных в пилотажном исследовании, был обоснован выбор критериев оценки профессиональных планов молодежи, характеризующие динамическую, когнитивную и мотивационную составляющие профессионального плана, а также ресурсы, на которые ориентирован субъект.

Динамическим критерием является вариативность (инвариантность) профессионального плана.

К когнитивным критериям были отнесены различные виды осведомленности субъекта: о рынке труда и образования; о профессиональных и личностных качествах специалиста, необходимых в выбранной сфере деятельности.

К мотивационным критериям были отнесены мотивационные диспозиции, определяющие интерес к различным профессиональным областям. Отдельную группу составили «ресурсные» критерии, определяемые готовностью субъекта использовать внешние или внутренние условия для реализации своего профессионального плана. К таким критериям было отнесено следующее: принятие себя как будущего профессионала, включающее осознание своих личностных качеств и компетенций, применительно к той или иной сфере профессиональной деятельности; принятие и понимание имеющихся социальных условий реализации профессионального плана; ориентация на социальную поддержку в достижении своей цели.

Интерпретация полученных в ходе эмпирического исследования результатов позволяет утверждать, что осознанная саморегуляция является специфическим субъектным ресурсом профессионального развития человека на стадии оптации. В данном контексте «ресурсный» смысл саморегуляции состоит в том, что уровень развития отдельных индивидуальных особенностей саморегуляции – планирования, программирования, моделирования, оценивания результатов – оказался значимо связан как с когнитивными механизмами профессионального выбора, так и со степенью развернутости, упорядоченности и структурированности их профессиональных планов. «Ресурсный» смысл осознанной саморегуляции в ситуации выбора профессии состоит в том, что отдельные ее звенья – планирование, программирование, моделирование и оценка результатов – выполняют компенсирующую функцию в том случае, если субъект профессионального выбора осознает некоторую дефицитарность своих актуальных личностных и когнитивных характеристик в ситуации неопределенности, связанной с необходимостью профессионального выбора.

В результате анализа эмпирических данных были выделены пять типов оптантов, различающихся по стилям саморегуляции и связанными с ними особенностями профессионального планирования. Эти типы условно были обозначены нами как

телеологический (ориентированный на достижение уже поставленной цели), рефлексивный (ориентированный на соотнесение своих внутренних ресурсов с требованиями профессии); ситуационный (ориентированный на изменение профессионального плана в соответствии с наличной ситуацией), оперативный (ориентированный на изменение в программе своих действий в процессе достижения цели), контролирующий (ориентированный на оценку результатов деятельности).

Испытуемые телеологического типа отличаются выраженной проработанностью профессионального плана, ориентированностью на перспективу, высоким уровнем субъектной активности, достаточной осведомленностью о требованиях профессии, предъявляемых к субъекту деятельности. «Слабым звеном» старшеклассников этого типа является недостаточная вариативность профессиональной перспективы, обусловленная недоучетом изменяющихся условий на рынке труда и образования.

Представители рефлексивного типа ориентированы на соотнесение своих внутренних ресурсов с требованиями профессии. Как видно из рисунка, эти учащиеся лучше понимают себя и свои личностные ресурсы, отличаются большей степенью принятия себя, что, очевидно, связано с внутриличностной рефлексией. «Слабое звено» – недостаточно четкие представления о своем профессиональном плане, размытые профессиональные перспективы – в некоторой степени компенсируются хорошей ориентацией в современном рынке труда. Такие оптанты демонстрируют высокую осведомленность о степени востребованности тех или иных профессий и выражают готовность в случае необходимости приобрести дополнительные профессиональные знания или квалификацию, востребованные на меняющемся рынке труда.

Оптанты ситуационного типа характеризуются недостаточной проработанностью своего профессионального плана, отсутствием четких и конкретных представлений о профессиональном пути. В большей части случаев такие учащиеся, даже в возрасте 16-17 лет не готовы однозначно назвать область профессиональной деятельности, с которой они связывают свою жизнь. У некоторых из них профессиональный выбор детерминируется внешними факторами, например, перечнем испытаний ЕГЭ, которые необходимо пройти для поступления в вуз. Эти, бесспорно, слабые моменты компенсируются развитой способностью к учету условий деятельности и гибкостью в поведении и принятии решений.

У учащихся, отнесенных к оперативному типу профессионального в профиле осознанной саморегуляции наиболее выраженным является звено программирования действий. Такие школьники и студенты характеризуются высокой осведомленностью о современном рынке труда, зарплатах, востребованности тех или иных профессий профессиях. Эти школьники характеризуются достаточным уровнем понимания себя и того, какие их личностные или индивидуальные качества необходимы для той или иной профессиональной деятельности. Вместе с тем, их профессиональные планы слабо развиты и фрагментарны, такие учащиеся часто переоценивают роль случая и затрудняются в выдвигании ближайших профессиональных целей.

Учащиеся с устойчивым стилем саморегуляции имеют наиболее высокие значения по шкале «оценка результатов деятельности». Их особенность состоит в достаточно хорошей осведомленности о рынке труда, высокой рефлексивности и понимании себя и неспособности взглянуть на свои профессиональные перспективы с позиций собственных возможностей и мотивов. «Слабым звеном» таких оптантов может являться не всегда достаточная проработанность профессиональных планов, что компенсируется хорошей ориентированностью в ситуации на рынке труда, способностью соотнести себя с той или иной профессией и трезво оценить свои возможности, ограничения и ресурсы. Профессиональная перспектива у таких учащихся также достаточно вариативная и они готовы осваивать новые знания с учетом возможных изменений ситуации в будущем («а вдруг это пригодится»).

Интерпретация результатов проведенного исследования позволяет утверждать, что стилевые особенности саморегуляции оказались существенным фактором выбора профессии, в первую очередь, с точки зрения индивидуальных особенностей построения стратегий выбора профессии, их осознанности, рациональности и соответствия социальной ситуации выбора.

Роль осознанной саморегуляции значимо возрастает в том случае, когда человек ставит перед собой серьезные задачи, решение которых требует задействования зон его ближайшего развития. Высокий уровень развития осознанной саморегуляции не только способствует структуризации и систематизации профессиональных планов, но и играет компенсирующую роль в том случае, когда человек старшеклассник испытывает дефицитарность своих наличных знаний и умений для реализации поставленных целей.

Осознанная саморегуляция является специфическим личностным ресурсом профессионального развития человека на стадии оптации. В данном контексте «ресурсный» смысл саморегуляции состоит в том, что уровень развития отдельных звеньев саморегуляции – планирования, программирования, моделирования и оценки результатов – связан со степенью успешности старшеклассников в когнитивной деятельности (прежде всего, учебная деятельность, уровень академических и внеакадемических знаний), так и со степенью развернутости, упорядоченности и структурированности их профессиональных планов.

Литература

1. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека: структурно-функциональный аспект // Вопросы психологии. 1995. №1. С 5-12.
2. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. – М.: Наука, 2001.
3. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): руководство. М.: Когито-Центр, 2004.
4. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010.
5. Шмелев А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. М., 1988.

6. Шмелев А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка // Психол. журн. 1991. Т.12. № 2. С. 27 — 44.
7. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. Спб: Речь, 2002.

УДК 37.032

**ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ**
THE WAYS OF FORMING OF PUPILS' DIAGNOSTIC CULTURE

*Е.А. Пальмова, г. Таганрог, Таганрогский государственный педагогический институт
имени А.П. Чехова*

*Е.А. Palmova, Taganrog, Taganrog State Teacher's Training College after A.P. Chekov
e-mail: palmovalena@mail.ru*

Аннотация. В статье дается авторская трактовка понятия «диагностическая культура учащихся» и представлен один из возможных путей формирования ее основ в общеобразовательной школе.

Annotation In this article, the author's definition of pupils' diagnostic culture is given; one of the possible ways of forming its basis in secondary school is described.

Ключевые слова: диагностическая культура, основы, формирование, тесты, анкеты, учащиеся.

Key words: diagnostic culture, basis, forming, tests, questionnaires, pupils.

Сегодня российское государство и общество выдвигают ряд требований к тем личностным, социально-значимым характеристикам человека, которые должны быть развиты в процессе обучения и воспитания. Такими характеристиками сегодня выступают образованность, предприимчивость, готовность и способность к саморазвитию и самоопределению, способность ставить цели, умение соотносить свои действия с ожидаемым результатом, умение осуществлять контроль своей деятельности, владение основами самоконтроля, самооценки, способность к осуществлению осознанного выбора в жизнедеятельности, уважительное, доброжелательное отношение к окружающим, развитое моральное самосознание и многое другое [4].

Вместе с процессом формирования и развития таких качеств встает вопрос о возможностях измерения результата этого процесса, выявления динамики развития тех или иных черт личности. Успех обоих процессов – формирования и диагностирования – во многом зависит, на наш взгляд, от активного, сознательного участия в них учащихся, от уровня сформированности их диагностической культуры.

Диагностическая культура учащихся понимается нами как сложное интегративное образование личности учащегося, ядром которого выступает ценностно-личностная характеристика, базирующаяся на личном опыте диагностической деятельности и способствующая становлению навыков самопознания и самоанализа и потребности в них. Диагностическая культура учащихся включает ряд компонентов: когнитивно-деятельностный, оценочно-личностный, психологический, рефлексивный и реализует

определенные функции: познавательную, рефлексивную, управленческую, функцию социализации.

Личность формируется только в деятельности. Следовательно, диагностическая культура учащегося, являющаяся образованием его личности, также может быть сформирована и развита только в деятельности, что влечет за собой необходимость применения деятельностного подхода, основные положения которого были заложены А.Н. Леонтьевым, В.В. Давыдовым, Д.Б. Элькониным и другими исследователями. Сегодня деятельность понимается как специфически человеческая форма отношения к окружающему миру; как процессы, соответствующие особой потребности; как динамическая система взаимодействия субъекта с миром [1; 2; 3].

Формирование диагностической культуры учащихся должно осуществляться постоянно, на протяжении всего целостного педагогического процесса и осуществляться путем активного привлечения учащихся к проведению диагностических процедур и совместного анализа их результата.

На начальном этапе такой работы речь идет о формировании основ диагностической культуры – исходных, главных положений, без наличия которых дальнейший процесс формирования культуры невозможен.

Нам представляется, что из методов педагогической диагностики – беседы, интервьюирования, анкетирования, тестирования, контент-анализа и других – наибольшим потенциалом в формировании основ диагностической культуры учащихся обладают именно анкетирование и тестирование, поскольку в процессе анкетирования и тестирования учащиеся включены в активную исследовательскую деятельность, успех которой зависит от их добросовестности, мотивации к сотрудничеству, определенных знаний по работе с анкетными и тестовыми методиками. Эти и другие качества не возникают спонтанно, они должны последовательно формироваться и совершенствоваться в ходе специально организованной деятельности, успех которой зависит от целого ряда условий, а именно наличие педагогов, подготовленных к работе с диагностическими методиками; прохождение учащимися курса «Основные приемы работы с инструментарием педагогической диагностики»; активная роль школьного психолога в работе по формированию диагностической культуры учащихся; материально-техническое оснащение школы диагностическими материалами; систематичность в проведении диагностических процедур; наличие обратной связи на этапе анализа результатов диагностики; ориентация школы на формирование и развитие сознательной личности, способной и стремящейся к саморазвитию и самопознанию; ориентация на личностно-ориентированный и деятельностный подходы при формировании диагностической культуры учащихся.

Первым шагом на пути формирования основ диагностической культуры учащихся выступает прохождение учащимися курса «Основные приемы работы с диагностическим инструментарием». Данный спецкурс должен расширить знания учащихся о целях диагностических процедур, о сущности различных методов диагностических

исследований и их значимости для учащихся, о принципах их выполнения, о возможностях самореализации и саморазвития на основе результатов диагностики.

В ходе реализации программы спецкурса у учащихся формируется базовая система знаний в области педагогической диагностики, развиваются умения и навыки практической деятельности. Это способствует более осознанному подходу к диагностическим процедурам, что вместе с раскрытием возможностей использования диагностических процедур в целях саморазвития формирует положительное отношение учащихся к ним, повышает их мотивацию. Этому способствует также минимизация стрессовой ситуации, так как педагог доброжелательно настроен к учащимся, отсутствует деструктивная критика, порицание или выговор в случае ошибок или низкого результата, организуется партнерское взаимодействие педагога с учащимися, в ходе которого последние могут открыто выражать свое мнение по поводу тех или иных анализируемых или используемых методик, задавать вопросы педагогу.

Основными формами организации занятий во время прохождения курса выступают лекции и практические занятия. Первые занятия носят форму проблемной лекции, в ходе которой педагог апеллирует к личному опыту учащихся, интересуется их мнением, ставит проблемные вопросы (уровень их сложности должен соответствовать знаниям учащихся или принадлежать к «зоне ближайшего развития», т.е. учащиеся могут на него ответить с подсказки педагога). Последующие занятия представляют синтез лекций и практики, где после краткого представления особенностей анкет или тестов, а также типов тестовых заданий осуществляется анализ конкретных методик, а затем учащимся предлагаются методики на выполнение с обязательным проговариванием плана своих действий и совместным анализом результатов. Помимо анализа в режиме «педагог – учащийся» практикуется режим «учащийся – учащийся», что, по нашему мнению, способствует развитию взаимоконтроля и рефлексивного компонента диагностической культуры.

На последнем занятии спецкурса учащимся предлагается тест на выявление уровня усвоения пройденного материала. Тест выполняется учащимися самостоятельно, но его результаты обсуждаются совместно, отметки за тест не выставляются, по итогам анализа теста учащимся следует дать рекомендации по поводу того, на что им надо обращать более пристальное внимание в последующей работе.

Дальнейшая работа по формированию основ диагностической культуры учащихся осуществляется на классных часах и учебных занятиях, а также на индивидуальных консультациях. В течение классных часов учащиеся в основном работают с анкетами, направленными на выявление самых разнообразных черт личности учащихся: их интересов, увлечений, склонностей, потребностей, профессиональных предпочтений, а также межличностных отношений, сплоченности коллектива, положения учащегося в системе межличностных отношений и многое другое.

Отбор таких методик должен осуществляться при участии школьного психолога, который также принимает участие в анализе результатов анкет. При этом следует максимально учитывать интересы учащихся: если кто-то из них не хочет обсуждать свои результаты в присутствии одноклассников, ни педагог, ни психолог на этом не должны

настаивать, однако возможно выявление мотивов нежелания группового обсуждения результатов в ходе личных бесед с таким учащимся.

Групповое обсуждение результатов анкет может проводиться по следующему плану:

1. краткая характеристика самой методики (ее вид, тип входящих в нее вопросов или заданий, цель методики с точки зрения учащихся, ее значимость для их личностного развития);
2. представление своих результатов в баллах или путем качественного описания, определение степени и причин удовлетворенности/неудовлетворенности полученным результатом;
3. представление образа «Я» на основе результатов методики, сопоставление его с представлением учащихся о себе и друг о друге;
4. определение тех черт или характеристик, которые учащиеся хотели бы в себе изменить, формулировка мотивов желания/нежелания что-либо менять, составление примерной программы действий.

Кроме того, желательно привлекать внеклассные формы диагностической деятельности, а именно предлагать учащимся методики для самостоятельного выполнения дома. Предполагается, что анализ результатов будет осуществлен индивидуально, но при необходимости учащиеся могут всегда обратиться за консультацией к педагогу или психологу.

Параллельно с работой над анкетами учащиеся должны быть вовлечены в активную деятельность по работе с тестовым инструментарием педагогической диагностики. Такая работа осуществляется на уроках по различным предметам, и она должна начинаться с выполнения учащимися обучающих тестов, отметки за которые не выставляются, а ошибки исправляются вместе и их природа обязательно объясняется педагогом. Число заданий в обучающих тестах должно постепенно нарастать, а с течением времени обучающие тесты следует заменить на контролирующие, выполняемые учащимися самостоятельно.

Обязательным элементом тестового контроля остается корректирующий этап с последовательным объяснением допущенных ошибок и алгоритма правильных логических действий, отсутствие деструктивной критики.

Обучающие тесты могут предлагаться учащимся раз в неделю в качестве элемента домашнего задания, однако проверяются они учащимися уже самостоятельно по предложенным ключам. В случае непонимания природы ошибки учащиеся могут получить у педагога индивидуальную консультацию.

В целях оптимизации работы по формированию основ диагностической культуры учащихся представляется целесообразным разработать совместно с педагогами-предметниками и школьным психологом компьютерный внутришкольный банк диагностических материалов – анкет и тестов учебных достижений, с которыми учащиеся могут работать в удобное для них время и в комфортных условиях, выбирая именно те методики, которые представляют наибольший интерес именно для них. Такая

деятельность, на наш взгляд, будет стимулировать развитие личностно-значимых мотивов диагностической деятельности и повысит ее эффективность.

Большую роль в стимулировании активности учащихся, повышении их мотивации может сыграть регулярное консультирование, поощрение и одобрение действий учащихся, что оказывает большой положительный эффект на эмоционально-психологическое состояние учащихся, минимизирует стресс и тревогу.

Формированию основ диагностической культуры учащихся, в частности ее оценочно-личностного и рефлексивного компонентов, способствуют регулярные письменные самоотчеты учащихся, которые они выполняют дома один раз в месяц на следующие темы: «Чему я научился за последний месяц», «Что я узнал о себе», «Что я хотел бы изменить в себе», «Чего я достиг за прошедший год», «Что значит для меня диагностическая деятельность и почему я ей занимаюсь». На основе анализа таких работ делаются выводы об успехах, достижениях, проблемах учащихся, а в процессе индивидуальных консультаций им даются практические рекомендации, объясняются обнаруженные проблемы.

Итогом подобной работы, проводимой в 7-8 классах средней общеобразовательной школы в течение учебного года, будет являться положительная динамика в развитии всех обозначенных выше компонентов диагностической культуры учащихся, которая в дальнейшем получит свое более глубокое развитие.

Формирование диагностической культуры учащихся представляет собой сложный, длительный процесс, на который оказывает влияние многие факторы и приведенный выше алгоритм работы по формированию ее основ является только одним из множества возможных и не претендует на полное, всестороннее и окончательное решение поставленной проблемы.

Литература

1. Борытко Н.М. Диагностическая деятельность педагога. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 288с.
2. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. – М.: Академия, 2004. – 288с.
3. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Смысл; Академия, 2004. – 352 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. – М.: Просвещение, 2011. – 50 с.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

**МАГСУМОВ Т.А. СРЕДНЯЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА
КАЗАНИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА. – СПБ.: ИНФО-ДА, 2010.
– 302 С. (ТИРАЖ – 350 ЭКЗ.)**

**A REVIEW OF THE MONOGRAPH
BY T.A. MAGSUMOV THE KAZAN SECONDARY VOCATIONAL
SCHOOL IN THE LATE SIXTH – EARLY XXTH CENTURY. – ST.
PETERSBURG., INFO-DA, 2010**

*Стрельцов А. А., г. Ростов-на-Дону, Педагогический институт ФГАОУ ВПО «Южный
федеральный университет»*

*Streltsov A.A., Rostov-on-Don, Pedagogical institute under Southern Federal University
e-mail: al-astr@yandex.ru*

*Рецензируемая работа доц. Т.А. Магсумова является обобщением результатов
диссертационного и постдиссертационного исследования о становлении
профессионального образования на рубеже XIX-XX вв.*

*The paper under review is a summary of the doctorate and postdoc investigation of the
history of vocational education in Kazan, written by ass. prof. Magsumov T.A., Ph.D.*

Ключевые слова: профессиональное образование, Казань, училище

Key words: vocational education, Kazan, college

Монография доц. Магсумова Т.А. посвящена исследованию истории среднего профессионального образования в дореволюционной Казани. Структура работы, состоящей из введения, четырёх глав, заключения, приложений, списка использованных источников и литературы обоснована исследовательской логикой автора.

В первой главе монографии – «Источники и литература» анализируется фундаментальная источниковедческая база. Автор привлек материалы из Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Татарстан, законодательные документы и материалы, делопроизводственную документацию (отчёты), статистический материал, дореволюционную периодику воспоминания, непосредственных участников и очевидцев событий. В работе использована обширная литература по истории образования в России, научные статьи, диссертации и авторефераты диссертаций.

Доц. Магсумов Т.А. даёт характеристику источников и краткий, но весьма содержательный экскурс в историографию проблемы. Он обращается к трудам дореволюционных историков как профтехобразования (И.А. Анопов, И. М. Максин, А.Г.

Небольсин), так и сельскохозяйственного образования (И.Н. Миклашевский, И.А. Стебут и др.). Не обходит автор своим вниманием и работы таких видных историков отечественного образования, как Н.В. Чехов и С.В. Рождественский.

Переходя к советской историографии, Тимур Альбертович обращает внимание на небольшой количество научных работ по этой теме в довоенный период. Среди исследователей послевоенного периода особого внимания удостоены А.Н. Веселов и Н.Н. Кузьмин внесшие, по мнению автора, особенно большой вклад в разработку истории профессиональной школы дореволюционной России. Однако ни они, ни ряд других исследователей, таких как А.В. Осоков, А.Д. Степанский, Ф.Ф. Шамахов и др. в 1960-80-е гг., ни авторы диссертаций, защищённых в 1998-2004 гг., не рассматривали должным образом региональные особенности развития профессиональной школы.

По мнению автора, в отечественной историографии до сих пор не было работы, в которой бы давалась целостная картина развития средней профессиональной школы в определённом регионе. В имеющихся работах данная тема затронута лишь фрагментарно, в общем контексте истории среднего профессионального в конце XIX – начале XX вв.

Между тем, рассматриваемая тема представляется актуальной, научно и историографически оправданной, что и обусловило её выбор доцентом Магсумовым Т.А. Во второй главе монографии – «Становление и условия функционирования среднего профессионального образования в Казани» – автор обращается к истории создания сети средних профессиональных учебных заведений в Казани: Казанского земледельческого училища, Казанского промышленного училища, Казанского коммерческого училища, Казанской торговой школы, Казанского речного училища, Казанского ремесленного училища. Следует отметить, что для полноты картины не мешало бы несколько подробнее остановиться на предыстории профессионально-технического образования в Казани, как это было сделано в отношении сельскохозяйственных учебных заведений: Северо-восточная (Казанская) учебная ферма (1846 г.) – Казанское земледельческое училище (1864 г.) – Казанское среднее сельскохозяйственное училище (1911 г.).

В следующем параграфе доц. Магсумов Т.А. освещает специфику управления системой профессионального образования, анализируя работу попечительских и педагогических советов, их структуру и функции, а также роль съездов по техническому и профессиональному образованию. Поскольку в ходе работы последних, по признанию самого автора, рассматривались теоретические и практические вопросы содержания обучения и методов профессиональной подготовки, представляется целесообразным отнести их к заключительной, педагогической, главе монографии.

Третий параграф касается материальной базы и финансирования профессиональных школ в дореволюционной Казани. В связи с тем, что многие из них, хоть и подчинялись распоряжениям МНП, министерства государственных имуществ или министерства финансов, были созданы при поддержке городской думы, частных лиц и их объединений, этот вопрос представляет особую важность и интерес. При этом можно оспорить отнесение к данному разделу работы не только расходов на строительство и

содержание зданий, но и оснащение кабинетов и лабораторий, закупку пособий и вопрос комплектования библиотек, относящихся к учебно-вспомогательным подразделениям.

В третьей главе монографии – «Участники педагогического процесса средней профессиональной школы Казани конца XIX - начала XX века» – автор даёт характеристику преподавательского корпуса, количественным и качественным аспектам проблемы училищных кадров, указывает статус и функции преподавательского и административного состава. Новым в исследовании проблемы среднего профессионального образования, как подчёркивает сам автор, являются портреты наиболее выдающихся преподавателей и директоров.

В отдельном параграфе разбираются требования к поступающим, особенности приёма и содержания учащихся, и статус выпускников. На основе отчётов и архивных материалов, доц. Магсумов Т.А. рисует картину социального и религиозного состава учащихся, приводит данные об успеваемости и уровне отсева учащихся.

В четвертой главе – «Образовательная деятельность средних профессиональных заведений Казани на рубеже XIX-XX веков» – внимание исследователя сосредоточивается на: количестве часов учебных занятий в неделю, специфике общеобразовательных и специальных курсов, содержании программ, формах и методах обучения в ходе теоретических и практических занятий. Автор описывает операционную методику производственного обучения, предложенную Д.К. Советкиным, которая нашла широкое применение за рубежом. Впоследствии «русская система» была усовершенствована С.А. Владимирским, свой вклад в её улучшение внесли П.И. Устинов и Г. Ю. Гессе.

Не обошёл стороной автор и воспитательную работу среди учащихся, отметив её жесткость, формализм и игнорирование художественно-эстетических потребностей учащихся. Несколько смело в этой связи звучит упоминание об элементах личностно-ориентированного образования в начале XX века.

Мы полностью разделяем заключение автора, что нежелание правительства развивать систему общеобразовательных учебных заведений, доступных широкому кругу учащихся, негативно сказалось на качестве профессионального образования. Это вызвало необходимость создания подготовительных курсов для поступающих и перегрузки учебных планов общеобразовательными дисциплинами в 1-2 (а иногда и 3м) классах. После прочтения монографии, напрашивается вывод: дореволюционной Казани была необходима бессословная неполная средняя школа.

Подводя итог, можно утверждать, что положения и выводы, содержащиеся в работе, являются обоснованными и доказанными, могут и должны быть использованы как в дальнейших теоретических исследованиях в данной области, так и в практике реформирования среднего профессионального образования в современной России. Многие из них уже прозвучали в серии журнальных статей, опубликованных на страницах отечественных научных журналов, однако вместе с новым архивным материалом по деятельности средних профессиональных учебных заведений в Казани в период с 1864 г. по 1913 г. аргументация автора становится весомее. Монография создана на базе диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук, успешно

защищённой в 2008г., и является важным вкладом в изучение истории среднего профессионально образования в России.

Наряду с безусловными достоинствами работы, представляется необходимым выделить и некоторые спорные моменты:

Во-первых, на наш взгляд, автору следовало бы уделить большее внимание сопоставительному анализу развития среднего профессионального образования в масштабах страны и того, что происходило непосредственно в Казани. Иногда такие параллели проводятся по тексту работу, но носят несистемный характер.

Во-вторых, несмотря на то, что исследование образовательных заведений духовных и военных ведомств, педагогических и медицинских учебных заведений не являлось исследовательской задачей, что и было оговорено автором (стр.8), тем не менее, хотелось бы узнать его мнение по данному вопросу в плане условий создания, сходства и различий форм и методов обучения, соотношения общеобразовательных и профессиональных дисциплин, организации воспитательной работы и участия в революционной деятельности.

Вместе с тем, отмеченные замечания по большей части носят дискуссионный характер и не снижают общей высокой оценки монографии.

Рецензируемая работа является серьезным исследованием важной научной проблемы. Она наполнена интересными наблюдениями и свежими выводами, написана хорошим литературным языком, с любовью к предмету исследования. Несколько затрудняют чтение и портят общее впечатление от монографии повторы или, напротив, опущения слов и строк, что, впрочем, можно отнести к типографскому, или даже «вёрсточному» браку. В целом же, написанная историком, она представляет большой интерес для педагогов.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Уважаемые авторы!

Журнал «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» приглашает к сотрудничеству преподавателей вузов, научных работников, аспирантов и соискателей. Обращаем ваше внимание на то, что к публикации в Вестнике принимаются статьи, соответствующие заявленным рубрикам и обладающие научной новизной. Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов.

Рукописи и дискеты (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, технических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных, цитат и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Статьи, опубликованные или принятые в другие издания, не принимаются.

Максимальный объем статьи (статей) для одного автора или коллектива соавторов составляет 15 страниц, минимальный – 4 страницы: Публикация бесплатная. Всем авторам будет роздан 1 экземпляр журнала.

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить и лицензионный договор, который можно скачать на сайте института www.skgi.ru

Электронную версию печатного издания можно будет **скачать бесплатно** на сайте института: www.skgi.ru

Научные направления журнала:

1. Экономические науки;
2. Юридические науки;
3. Философские науки;
4. Социологические науки;
5. Исторические науки;
6. Политические науки;
7. Физико-математические науки;
8. Технические науки;
9. Педагогика и психология;
10. Филологические науки.

Текст статьи, представленный автором, будет принят редакцией к рассмотрению только в случае соблюдения автором следующих условий оформления:

- **формат бумаги** – А4 (21 см x 29.7 см);

- **ориентация** книжная;

- **поля:** левое – 2,5 см, верхнее, нижнее, правое – 2 см;
- **текстовый редактор** Microsoft Word;
- **шрифт** Times New Roman;
- **размер шрифта** 14;
- **межстрочный интервал** полуторный;
- **абзацный отступ** 1,25.

Название файла содержит номер тематического направления и фамилии всех авторов: например, *Иванов*.

В левом верхнем углу первой страницы печатается **УДК (ББК)** (*шрифт* – жирный), ниже через строку **название статьи** строчными буквами без переносов (*шрифт* – жирный, *выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, затем через строку **инициалы и фамилии авторов, город и место работы** (*выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, через строку – **аннотация** на русском и английском языках, ниже через строку – **ключевые слова** на русском и английском языках.

Аннотация объемом не более 3 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней выводы, **ключевые слова** (3 до 6 слов) должны отражать проблематику публикации. *Шрифт* – курсив, *форматирование* выравниванием по ширине страницы.

Текст статьи выравнивается по ширине. При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов со знаком переноса. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть расшифрованы при первом появлении их в тексте. **Разделы и подразделы статьи** нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную страницу не выносятся.

Необходимо различать в тексте **дефис (-)** (например, черно-белый, бизнес-план) и **тире(–)** (Ctrl+пробел+ «–»).

Если вы используете кавычки, они должны иметь вид так называемых «елочек» (« »). Если в тексте встречаются внутренние и внешние кавычки, то они должны различаться, например: ООО «Издательство “Макрос”».

Таблицы в тексте должны быть выполнены в редакторе Microsoft Word (не отсканированы и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Таблицу при переносе на следующую страницу не разрывать (не копировать шапку, не делать отступы клавишей Enter). Таблицы нумеруются сверху. **Форматирование номера таблицы и ее названия:** *шрифт* обычный, *выравнивание* – слева. **Форматирование таблицы:** *шрифт* обычный, *размер шрифта* 12 пт, *выравнивание* – по центру, *межстрочный интервал* - одинарный.

Пример:

Таблица 1 – Название таблицы

№п/п			

Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование

рисунков в форматах JPEG и GIF. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров и быть представлены единым элементом. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. *Положение рисунка* – в тексте. Рисунки нумеруются снизу, **подпись под рисунком** выравняется по центру.

Пример:

Рисунок 1 – Название рисунка

Количество таблиц в документе **не более 3-х**, количество рисунков – **не более 5**.

Формулы должны быть набраны с использованием формульного редактора Microsoft Equation 3.0 или Math Type, выравняются по центру, их номера – в круглых скобках по правому краю.

Нумерация страниц и колонтитулы не используются.

Ссылки на литературу в тексте указываются в квадратных скобках с указанием номера источника, например: Текст статьи ... текст статьи ... [1]. Текст статьи ... [2] и т.п.

Список литературы приводится в конце статьи и должен быть озаглавлен «**Литература**» (*шрифт* полужирный, *форматирование* – по центру). Используемые источники должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 (форматирование выравнением по ширине страницы).

На отдельном листе прилагаются сведения об авторах

Статьи принимаются по адресу: 355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова 312-А, (Северо-Кавказский гуманитарный институт) или по электронной почтесkgi_institut@mail.ru

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, представляемых авторами для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Журнал)
2. Каждая рукопись, представленная в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.
3. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет соответствия рукописи научной статьи профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.
4. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии Журнала, имеющий наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Редакция имеет право привлекать внешних рецензентов, как правило, имеющих ученую степень и(или) ученое звание, а также специалистов-практиков.
5. Рецензенты уведомляются о том, что представленные для рецензирования статьи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.
6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензии предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.
7. Рецензия в обязательном порядке должна быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в Высшую аттестационную комиссию Министерства образования и науки Российской Федерации.
8. Сроки рецензирования рукописей:
 - 8.1. Главный редактор Журнала рассматривает представленную к публикации рукопись в течение десяти дней с момента получения рукописи редакцией.
 - 8.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.
 - 8.3. В сроки, указанные в п.п. 8.1. и 8.2. Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.
 - 8.4. По согласованию редакции и рецензента, рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью включения статьи в ближайший номер Журнала.
9. Содержание рецензии.

- 9.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:
- 9.1.1. соответствие содержание статьи ее названию;
 - 9.1.2. актуальность темы исследования;
 - 9.1.3. научная новизна полученных результатов;
 - 9.1.4. целесообразность публикации статьи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
 - 9.1.5. подача материала (язык, стиль, используемые категории и обороты).
- 9.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору и редакции по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровней рукописи.
- 9.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:
- 9.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати;
 - 9.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати с внесением технической правки;
 - 9.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати после устранения автором замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту;
 - 9.3.4. рекомендовать отказать в публикации статьи в открытой печати по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню Журнала.
10. В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, статья считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.
11. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в п.п. 9.3.2 - 9.3.4 Порядка, текст рецензии в обязательном порядке направляется автору рукописи.
12. В случае отрицательной оценки рукописи в целом, рецензент должен убедительно обосновать свои выводы.
13. В случае принятия рецензентом решения рекомендовать рукопись к принятию к публикации, статья принимается к публикации в Журнале с обязательным уведомлением автора.
14. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение трех лет с момента их подписания рецензентом

THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT

The order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin»

1. This order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – The order) determinates the order of reviewing

manuscript of scientific articles submitted by authors for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – the Bulletin).

2. Every manuscript submitted to the Editorial staff of the Bulletin must pass a reviewing procedure.

3. Scientific article manuscript received by Editorial staff is considered by the Chief editor for the Bulletin profile adequacy, requirements for registration and then sent to a specialist reviewing.

4. Reviewing is done by the member of the Editorial staff who has the closest scientific specialization with the topic of article. Editorial staff has the right to engage external reviewers, generally with scholastic degree and (or) academic degree, as well as practitioners.

5. Reviewers are notified that the articles submitted for review are the private property of the authors and contain information that is not to be disclosed. Reviewers are not allowed to make copies of articles and pass them to third parties.

6. Reviewing is confidential for the article's authors. Reviews can be passed to the author of the manuscript upon his written request, without the signature and the names, position and job of reviewer.

7. Review must be provided upon request of advisory councils to the Higher Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

8. Terms of reviewing manuscripts:

8.1. The chief editor of the Bulletin considers the submitted manuscript within ten days of receipt the manuscript.

8.2. Specialist reviews the manuscript within fourteen days from the moment he gets the manuscript from the chief editor.

8.3. Weekends and holidays established by the legislation of the Russian Federation are not included in the terms mentioned in p.p. 8.1 and 8.2 of the Order.

8.4. According to Editorial staff and reviewer' agreement reviewing can be done in a shorter time to include the article in the next Bulletin edition.

9. The content of review.

9.1. The review must include expert estimation of the manuscript for the following options:

9.1.1. line content of the article to its name;

9.1.2. topicality of the theme;

9.1.3. scientific novelty of the results;

9.1.4. suitability of publishing the article taking into account the previously issued literature on this subject;

9.1.5. presentation of the material (language, style, categories and speed).

9.2. The reviewer may make recommendations to the author and Editorial staff to improve the manuscript. Reviewer comments and suggestions should be objective and based on principles, pointed at improving the scientific and methodological level of the manuscript.

9.3. Final part of the review must contain one of the following decisions:

9.3.1. recommend accepting the manuscript for publication in the press;

9.3.2. recommend accepting the manuscript for publication in the press with technical editing;

9.3.3. recommend accepting the manuscript for publication in the press after removal of the author of the reviewer comment and re-review;

9.3.4. recommend to refuse publishing article in the press because of its non-compliance to requirements of the scientific level of the Bulletin.

10. If the reviewer decides as it mentioned in p. 9.3.3 of the Order modified (revised) author's article must be repeatedly sent to reviewing.

В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. If the reviewer takes the similar decision the article is excluded and is not to be considered any more.

11. In the case the reviewer takes decisions mentioned in p.p. 9.3.2. – 9.3.4 of the Order the review' text must be sent to the manuscript author.

12. In the case the manuscript gets the negative assessment in general the reviewer must convectively justify his conclusions.

13. In the case the reviewer recommends the manuscript to publication the article is to be published in the Bulletin with obligatory notification of the author.

14. The originals of the reviews are stored in the Editorial staff for three years from the moment of the reviewer signing.

Подписку на журнал
«Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»
можно оформить по Каталогу российской прессы
«Почта России»

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
31671

в любом почтовом отделении.

Подписано в печать 10.08.2012. Формат 62x94 1/8
Гарнитура «Литературная»
Бумага офсетная. Печ. л. 30,75. Тираж 500 экз.

Отпечатано ИП Соколовская С.Н. (типография «Аспект»)
г. Ростов-на-Дону, ул. 1-й Конной Армии, 15-А, офис 105.
Тел.: (863) 227-93-52